МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА

ПУШИСТИКИ И ДРУГИЕ

Пушистики и другие (Fuzzies and Other People)

Бим Пайпер

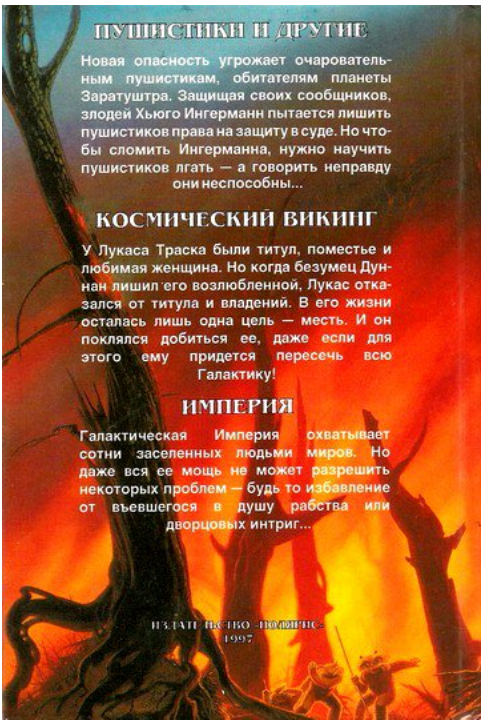
Аннотация
Бим Пайпер. ПУШИСТИКИ И ДРУГИЕ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

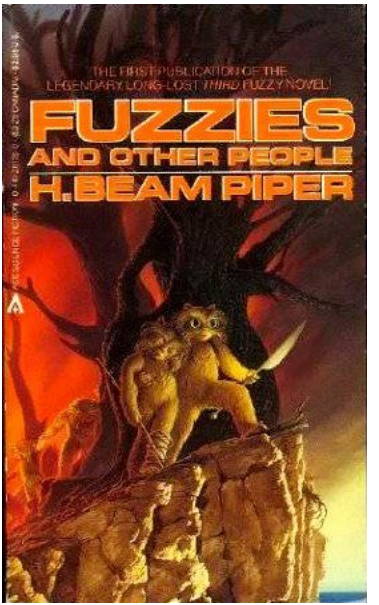
Аннотация

H. Beam Piper. Fuzzies and Other People (1964). («The Little Fuzzy» № 3).

Новая опасность угрожает очаровательным пушистикам, обитателям планета Заратуштра, защищая своих сообщников, злодей Хьюго Ингерманн пытается лишить пушистиков права на защиту в суде. Но чтобы сломить Ингерманна, нужно научить пушистиков лгать — а говорить неправду они неспособны…

Бим Пайпер
ПУШИСТИКИ И ДРУГИЕ




THE FIRST PUBLICATION OF THE
LEGENDARY, LONG-LOST THIRD FUZZY NOVEL!
FUZZIES
AND OTHER PEOPLE
H. BEAM PIPER

1

Официально на всех пятистах с лишним населенных людьми планетах Терранской Федерации было четырнадцатое сентября 654 года атомной эры. Но на Заратуштре был первый день нулевого года эры пушистиков.

Это не был день, когда пушистики были открыты. То случилось в начале июня, когда старый Джек Холлоуэй обнаружил незнакомое маленькое существо, притаившееся в душевой кабинке у него в лагере в долине Холодноструйки на континенте Бета. Он подружился с незваным гостем и назвал его Маленький Пушистик. Через неделю в гости к Джеку заявились еще четыре взрослых пушистика с младенцем, и их увидел Беннет Рейнсфорд, бывший тогда полевым исследователем института ксенологии. Для него эти существа тоже оказались совершенной новостью. Он назвал этот отряд «холлоуэевыми», в честь их первооткрывателя, род — пушистиковые, вид — пушистик Холлоуэя: пушистик пушистиковый из отряда холлоуэевых.

Пушистики оказались двуногими прямохо-

дящими, ростом около двух футов, весом от пятнадцати до двадцати фунтов; тела их были покрыты мягким золотистым мехом, руки — пятипалые с противостоящим большим пальцем, большие глаза, поставленные достаточно близко, обеспечивали стереоскопическое зрение, а черты лица отчасти напоминали гуманоидные. Они, похоже, не имели понятия об огне и, насколько могли судить Холлоуэй и Рейнсфорд, не владели членораздельной речью. Тогда еще не было известно, что они разговаривают в ультразвуковом диапазоне. Однако пушистики делали кое-какие орудия, и их разумность изумила обоих людей. Едва увидев их, Рейнсфорд настоял на том, чтобы Джек составил подробный отчет о своем открытии.

Через двадцать четыре часа это сообщение услышали многие. Одним из них был Виктор Грето, главный менеджер лицензированной компании «Заратуштра». Если эти пушистики и в самом деле были разумными существами (что казалось вполне вероятным), Заратуштра автоматически переходила в разряд обитаемых планет четвертого класса. Соответственно, полученное Компанией монопольное право на разработку Заратуштры, необитаемой планеты

третьего класса, столь же автоматически аннулировалось.

Первым побуждением Грего было бороться, а он был находчивым, решительным и безжалостным противником. Он не был глуп — в отличие от некоторых своих подчиненных: через неделю о пушистиках узнала вся планета, потому что сотрудник Компании по имени Леонард Келлог был привлечен к суду по делу об убийстве (которое определяется как неоправданное лишение жизни разумного существа какой бы то ни было расы) за то, что убил пинком пушистика по имени Златовласка. Одновременно с этим был привлечен к суду Джек Холлоуэй: он пристрелил охранника Компании, который пытался помешать ему набить Келлогу морду. Исход обоих дел, неразрывно связанных друг с другом, зависел от того, будут ли пушистики признаны разумными существами или просто милыми зверюшками. Официально дело называлось «Народ колонии Заратуштра против Келлога и Холлоуэя», но с легкой руки адвоката Холлоуэя, Гаса Браннарда, все стали называть его «Друзья маленького пушистика против лицензированной компании.

Пушистик и его друзья выиграли дело, и когда четырнадцатого сентября председатель суда Фре-

дерик Пендарвис стукнул молотком и объявил приговор, который должен был войти в анналы юридической истории Федерации под названием «Решения Пендарвиса», Заратуштра стала обитаемой планетой четвертого класса. Космофлот должен был обеспечивать порядок, пока не будет сформировано колониальное правительство, и Беннет Рейнсфорд был назначен генерал-губернатором. Лицензия Компании заняла место рядом с законами Хаммурапи.

А «пушистик пушистиковый Холлоуэя» сделался «пушистиком разумным заратуштрианским».

2

Он не знал, что его зовут пушистиком. Он и его сородичи называли себя «гашта» — «Народ», если вообще как-то называли.

Разумеется, есть еще всякие звери, но они не Народ. Они не умеют разговаривать, с ними нельзя дружить. Некоторые из них большие и опасные, как трехрогие хеш-назза, или «визгуны», что охотятся по ночам, или годза, что летают на больших крыльях и бросаются на добычу сверху — самые страшные из всех. А другие, наоборот, маленькие и съедобные. Самые вкусные — это затку, многоногие существа, которые прячутся в траве. У них крепкий панцирь, а в панцире — сладкое белое мясо. Ты охотишься и убиваешь, чтобы есть, и стараешься, чтобы тебя не убили и не съели, и чтобы жизнь была как можно приятнее.

Приятно охотиться, если есть добыча и если ты не очень голоден. Приятно перехитрить какого-нибудь зверя, который охотится за тобой, и убежать от него. Приятно играть и гоняться друг за другом по лесу и находить что-нибудь новое и неизвестное. Приятно устроить удобное логово,

сбиться в кучку и болтать, пока не уснешь. А потом, когда солнце снова выберется из своего логова, будет новый день, и снова случится что-нибудь новое и интересное.

Так было всегда, с тех пор, как он себя помнил. А помнил он себя очень давно. Он уже не мог сосчитать, сколько раз на его памяти листья желтели и краснели, а потом высыхали и опадали с деревьев. Все те, кто был в их стае, когда он был маленьким, давно уже умерли, погибли или куда-нибудь ушли. Зато в стае появились другие. И теперь его зовут Тоши-Соссо — Мудрый-Тот-Кто-Лучше-Знает, — и делают все, как он скажет. Так стало с тех пор, как Старая «сделалась мертвой». Маленькая, которая идет сейчас рядом с ним, — дочь Старой, одна из немногих детей гашта, которые рождаются живыми и выживают.

Маленькая увидела куст красных ягод еще раньше его и с удивлением вскричала:

— Смотрите, красные ягоды! Они еще не кончились, и их можно съесть!

Для красных ягод было поздновато: они по большей части уже потемнели и сделались твердыми и невкусными. И новые теперь появятся не скоро, только когда на деревьях снова распустятся листья и птицы начнут вить гнезда. А

пока есть другие съедобные вещи: на деревьях, которые они все знали, скоро поспеют большие коричневые орехи, мягкие и вкусные внутри. Он очень любит орехи. Но все-таки почему все вкусные вещи не могут быть одновременно? Вот было бы замечательно… Но так было всегда.

Они толпились у куста, стараясь не уколоться об острые шипы, обрывали ягоды, набивали рты, выплевывали семечки, смеялись и говорили о том, какие вкусные эти ягоды и как им повезло, что они нашли их так поздно. Кое-кто из молодежи на радостях даже забыл об осторожности.

— Следить, все время следить, смотреть, слушать! — упрекнул их Мудрый. — Вы не следите — кто-нибудь придет и съест вас.

На самом деле сейчас им ничто не угрожало. Поблизости не было зверей, которых стоит бояться, и никто из них не мог услышать голоса Народа. Однако об осторожности забывать не следует. Забудешь — тут-то тебя и сделают мертвым.

Быть Мудрым совсем не приятно. Другие все время ждут, что он будет думать за них. Это нехорошо. А вот предположим, его сделают мертвым — и кто будет думать за них тогда? Они съели все ягоды и стояли, ожидая, пока он скажет им, что делать дальше.

— Что делать теперь? — спросил он. — Куда идти?

Они все смотрели на него и не знали, что сказать. Наконец Другая, присоединившаяся к стае между временем птичьих гнезд и земляных ягод, перед последним листопадом, сказала:

— Охотиться на затку. Быть может, найти затку для каждого.

Она имела в виду, что каждому достанется по целому затку. Но ведь так не бывает. Затку не бывает так много. Позавчера они нашли двух, и каждому досталось всего по несколько кусочков. К тому же здесь, среди скал, они затку не найдут. Затку сейчас откладывают яйца и ищут мягкую землю, чтобы вырыть норы. Но здесь можно найти хатта-зосса. Он видел молодые деревца с обгрызенной корой. Хатта-зосса вкусные. Если им удастся убить двух-трех, им хватит мяса и никто не останется голодным.

К тому же убивать хатта-зосса приятно. Они почти такие же большие, как Народ, у них сильные челюсти и острые зубы, и они отчаянно защищаются, если загнать их в угол. Он предложил охотиться на хатта-зосса, и все тут же согласились.

— Хатта-зосса живут среди скал, — сказал моло-

дой самец, которого звали Собирателем. — Скал больше на вершине холма.

— Найти течь-вода, — предложила Большая. — И идти вдоль нее туда, где она выходит из земли.

— Смотреть, где хатта-зосса объест кору.

Это сказал Хромой. На самом деле он хромым не был, но однажды он повредил ногу и некоторое время хромал, и с тех пор все звали его Хромым, потому что не могли придумать, как звать иначе.

Они пошли вперед, растянувшись в линию, так, чтобы видеть своих соседей. На ходу они охотились — наполовину играючи, потому что они только что наелись ягод, а когда они найдут хатта-зосса, мяса хватит на всех. Один раз Мудрый остановился у полусгнившего бревна, ткнул в него заостренным концом своей дубинки и нашел вкусных белых личинок. Пару раз он слышал, как кто-то охотится на мелких желтых ящерок. Наконец они вышли к ручейку, остановились и по очереди напились, не переставая смотреть по сторонам. Потом они прошли по ручью вверх до источника.

Здесь хорошо будет спрятаться, если за ними кто-нибудь погонится. Над источником смыкались кроны деревьев с острыми сучьями; годза

сквозь них не проберутся. Мудрый сказал об этом, и прочие согласились. А наверху, за деревьями, виднелся желтый утес. Хатта-зосса любят такие места. Прочие держались позади, предоставляя ему вести стаю, и следовали за ним, растянувшись цепочкой. Временами кто-нибудь указывал на деревья, объеденные хатта-зосса. Потом они вышли к тому месту, где кустарник кончался, к лужайке у подножия утеса.

Там было семь хатта-зосса, серых зверей высотой в холке по пояс гашта. Все они объедали кору деревьев. Всех перебить не получится, но, если удастся убить хотя бы трех-четырех, мяса хватит всем, чтобы наесться до отвала. К этому времени все уже набрали камней и теперь несли их на сгибе локтя. Мудрый коснулся Хромого концом своей дубинки.

— Ты, — сказал он. — Камнелом. Другая. Идите назад в кусты, обойдите с другой стороны. Мы ждем тут. Вы гоните хатта-зосса на нас, убиваете сколько сможете.

Хромой кивнул. Он и его спутники бесшумно растворились в кустах. Мудрый и прочие долго ждали, но наконец они услышали крик Хромого, который хатта-зосса слышать не могли:

— Готовьтесь! Мы идем!

Мудрый держал наготове камень. Хромой, Камнелом и Другая выскочили из кустов, швыряя камнями в хатта-зосса. Другая сбила с ног камнем одного из хатта-зосса и раздробила ему голову дубинкой. Сам Мудрый оглушил камнем другого; он швырнул второй камень, промахнулся и бросился вперед, размахивая дубинкой. Вокруг слышались крики и мелькали пушистые фигурки. А потом все было кончено; они убили четырех, еще трое убежали. Охотники хотели погнаться за ними.

— Нет, — сказал Мудрый. — У нас есть мясо, мы едим. Потом мы уходим, хатта-зосса приходят назад. В следующее светлое время, после темноты, мы вернемся и убьем еще.

Другие не загадывали так далеко вперед. Вот почему они охотно разрешали Мудрому думать за них. Они стали оглядываться в поисках камней, которые можно было бы разбить и осколками разделать хатта-зосса, но все камни здесь были мягкие. Придется обойтись зубами и руками. Они помогали друг другу: один становился на шею хатта-зосса, а двое других раздирали его за задние ноги; камнями разбивали кости, как молотками.

Поначалу они ели жадно и молча, потому что в последний раз им довелось отведать свежего

мяса вчера, в то время, когда солнце выше всего. Потом, заморив червячка, они принялись есть помедленнее, беседуя об охоте и похваляясь своими подвигами. Мудрый нашел плоскую коричневую штуку, очень вкусную; половину съел сам, половину отдал Маленькой. Прочие тоже находили лакомые кусочки и делились ими с другими.

Вот тут-то он и услышал страшные звуки — не столько даже настоящий шум, сколько некую дрожь в мозгу. Прочие тоже услышали их и перестали есть.

— Годза летят, — сказал он. — Два годза.

Все поспешно взглянули наверх и принялись отдирать куски и набивать рты мясом. Им недолго осталось пировать. Мудрый поднял руку, чтобы защитить глаза от солнца, и увидел приближающегося годза: узкое тело меж широких заостренных крыльев, заостренная голова, длинный хвост. Годза был ближе, чем хотелось бы, и Мудрый был уверен, что зверь заметил их. За ним летел другой, а еще дальше — третий. Это плохо.

Гашта подхватили свои дубинки и мясистые задние ноги хатта-зосса, которые они оставили на потом, на случай, если придется удирать. Первый годза уже разворачивался, чтобы спикировать на них, и они собирались нырнуть под деревья,

когда случилось нечто ужасное.

С вершины утеса над ними раздался звук, оглушительный, словно гром, но более короткий и резкий — Мудрый никогда еще не слышал такого звука. Ближайший годза судорожно взмахнул крыльями и камнем рухнул вниз. Раздался еще один звук, похожий на первый, но более высокий и не такой громкий; следующий годза тоже упал, упал на дерево, ломая ветки. Третий звук, точно такой же, как первый — и третий годза упал куда-то в лес. Потом наступила тишина.

— Годза сделался мертвый! — воскликнул кто-то. — Что это сделало?

— Шум-гром убил годза; может быть, убьет потом нас?

— Плохое место! — вопил Хромой. — Бежать, быстро!

И они бросились бежать обратно к источнику, унося с собой столько мяса, сколько могли захватить. Теперь все было тихо, только птицы верещали, напуганные этим грохотом. Но наконец и птицы умолкли. Теперь слышалось лишь жужжание насекомых. Гашта принялись есть. Через некоторое время раздался новый звук, пронзительный, но не сказать чтобы неприятный. Некоторое время он перемещался где-то

рядом, потом начал удаляться и затих. Птицы снова принялись тихо чирикать.

Народ ел и обсуждал случившееся. Никто из них не знал, что на самом деле случилось, и большинству хотелось убраться отсюда как можно дальше. Быть может, они были правы; но Мудрому хотелось разузнать, что же все-таки произошло.

— Появилось новое, — говорил он своим сородичам. — Никто никогда не говорил о таком. Это новое убило годза. Если оно будет убивать только годза, оно хорошее. Если оно будет убивать Народ тоже, оно плохое. Мы не знаем. Лучше узнать сейчас, тогда мы остережемся. — Он закончил обгрызать большую кость, отшвырнул ее, вымыл руки, вытер их о траву и взял свою дубинку. — Пошли. Возвращаемся. Может, узнаем что-нибудь.

Прочим было страшно, но так сказал Мудрый-Тот-Кто-Лучше-Знает. Если он думает, что надо вернуться, значит, надо вернуться. Все-таки иногда хорошо, когда один думает за всех. Не приходится тратить времени на споры.

Первый годза лежал на лужайке у подножия утеса, и птицы фики уже начали его клевать. Это хорошо: птицы фики не клюют того, что еще подает признаки жизни. Когда Мудрый и

остальные подошли ближе, фики разлетелись с недовольными криками.

Под крылом годза была маленькая кровавая ранка, словно туда ткнули острой палкой. Только где же ты возьмешь такую палку, чтобы она проткнула эту чешуйчатую шкуру! Потом Мудрый заглянул с другой стороны и издал изумленный вопль, на который сбежались остальные. Та штука, которая проткнула годза, прошла насквозь, оставив большую зияющую рану! Наверно, годза действительно убил гром, хотя небо было чистое: Мудрому случалось видеть, что бывает, когда молния попадает в дерево. Он осмотрел другого годза, того, что упал на дерево. У этого была дырка под подбородком и вся верхняя половина черепа снесена начисто. Он думал пойти посмотреть на третьего годза, который упал в лес, но потом решил, что не стоит возиться. Прочие в изумлении обсуждали случившееся. Никто никогда не слышал, чтобы кого-то убивали таким образом.

Поначалу Мудрому не удалось никого убедить подняться на вершину утеса, и потому он полез туда один. Но не успел он подняться наверх, как к нему присоединились все остальные: им стало стыдно сидеть внизу. На вершине деревьев не было, только отдельные кусты, редкая травка и

песок. Все было тихо и обыкновенно — до тех пор, пока он не увидел следы.

Им никогда прежде не доводилось видеть существа, которое оставляло бы такие следы. Отчасти они напоминали следы Народа. Существо, оставившее их, передвигалось на двух ногах. Но здесь не было отпечатков пальцев: сплошная плоская подошва, расширяющаяся посередине и сужающаяся с одного конца, и еще след пятки, похожий на вывернутое задом наперед копыто. Следы были огромные, раза в три больше следов Народа. И то существо, что оставило их, перемещалось огромными шагами — больше роста гашта! Здесь ходили два существа, но их следы почти не отличались по форме и размеру.

А быть может, эти следы оставили существа, принадлежащие к какому-нибудь огромному Народу? Нет, этого не может быть. Народ есть Народ, другого Народа быть не может. По крайней мере, Мудрый никогда не слышал о другом Народе. Хотя ведь он никогда не слышал и о штуке, которая убивает годза на лету звуками, похожими на гром…

На вершине утеса недавно лежало что-то огромное и тяжелое: оно поломало кусты, примяло траву и даже раздавило несколько камней.

Вокруг того места, где оно лежало, все было истоптано странными следами. Наверно, эти существа принесли эту большую и тяжелую штуку с собой, а потом снова унесли обратно. Значит, они и в самом деле очень сильные.

И это значит, что они действительно некий Народ. Только Народ носит вещи с собой. Один из самцов, которого все звали Пыряло, потому что он предпочитал пользоваться острым концом дубинки, тоже подумал об этом.

— Принесли сюда большую штуку, потом унесли. Надо искать следы, куда они ушли. Тогда мы пойдем в другую сторону.

Пыряло не стал ждать, когда Мудрый все обдумает и скажет, что делать. Мудрый это запомнит. Он научит его всему, что знает сам. Тогда Пыряло сможет водить стаю, если он, Мудрый, умрет. Гашта принялись искать следы, ведущие от того места, где лежала тяжелая штука, к краю утеса. И там-то Маленькая нашла первую блестячку.

Она вскрикнула, подняла ее и показала всем. Зря она это сделала: неизвестно, что такое эта находка. Но блестячка не причинила ей вреда, и Мудрый взял ее у Маленькой, чтобы разглядеть получше. Она была неживая и, похоже, никогда не была живой, хотя в этом Мудрый уверен не

был. Есть вещи живые, которые движутся, например Народ и звери; есть живые вещи, которые «делают мертвыми». Есть вещи растущие: деревья, травы, плоды, цветы. И есть вещи земляные: камни, скалы, песок и все такое. Обычно про любую вещь можно сразу сказать, какая она; но не про эту штуку.

Она была желтая, яркая и блестела на солнце. Длинная, круглая, чуть длиннее его ладони, с одного конца открытая, с другого закрытая. Ближе к открытому концу она резко сужалась, и снова шла прямо. Вокруг закрытого конца шла бороздка, а посередине была ямка, не желтая, а белесая, словно здесь воткнулось что-то острое и твердое. Вокруг вмятины были странные отметины. Мудрый понюхал открытый конец. Резкий горьковатый запах, совершенно ему незнакомый.

Вскоре Камнелом нашел еще одну блестячку, чуть поменьше и более суженную к концу. Потом Мудрый нашел третью, точно такую же, как та, что нашла Маленькая.

Три удара грома, один чуть тише остальных. Три блестячки, одна чуть меньше двух других. Два вида блестячек — два вида больших следов. Возможно, это что-то значит. Это надо обдумать. Следы были повсюду вокруг, они вели к краю

утеса и от него, но никаких следов в сторону не обнаружилось.

— Может, они летают? — предположил Пыряло. — Как птица, как годза.

— И носят большую тяжелую штуку? — недоверчиво переспросила Большая.

— А как еще? — настаивал Пыряло. — Они пришли, они ушли. Нет следов на земле — летают по воздуху.

Вдалеке кружил годза. Мудрый указал на него. Скоро сюда слетится много годза, чтобы есть тех, которых убили. Годза едят своих мертвых — это еще одна причина, почему Народ ненавидит годза. Лучше уйти сейчас. Скоро годза подлетят совсем близко и смогут их увидеть. Он уже слышал слабое хлопанье их крыльев.

Хлопанье крыльев! Так вот что они слышали тогда у родника — этот пронзительный вибрирующий звук был, должно быть, хлопанием крыльев летающих великанов.

— Да, — сказал он. — Они летают. Мы их слышали.

Он снова взглянул на блестячку, которую держал в руке, сравнивая ее с двумя другими. Маленькая сказала:

— Блестячки красивые. Оставим себе?

— Да, — ответил ей Мудрый. — Оставим.

Мудрый осмотрел отметины на закрытом конце блестячки, которую держал в руке. Отметины бывают на всяких вещах: на плодах, на камнях, на крыльях насекомых, на панцирях затку. Интересно найти штуку с незнакомыми отметинами и поговорить о том, на что они похожи. Таких отметин еще никто не видел: «ЛКЗ 9.7 мм».

Он не стал думать о том, что значат эти отметины. Отметины ничего не значат. Они просто есть, и все.

3

Джек Холлоуэй подписал документ — приказ о производстве патрульного Феликса Краевски, Заратуштрианские силы охраны аборигенов, в капралы — и бросил его в ящик исходящей документации. Прилетевший через открытые двери панельного барака легкий прохладный ветерок принес с собой шум стройки, смешавшийся с жужжанием и пощелкиванием клавиш компьютеров и роботов-клерков, доносившимися из-за перегородки, где находился главный офис. Джек положил ручку, пригладил усы, достал трубку и раскурил ее, после чего взял из ящика входящей документации еще одну бумагу.

Разрешение на уплату пятисот пятидесяти солов, компенсация за ущерб, нанесенный урожаю пушистиками; факт нанесения ущерба проверен и подтвержден майором ЗСОА Джорджем Лантом. Холлоуэй вспомнил об этом инциденте: племя лесных пушистиков как-то проскользнуло сквозь цепь постов Джорджа в южную часть Пьедмонта, забралось на сахарную плантацию и вволю попировало. Пушистики уничтожили максимум

десятую часть тех саженцев сахарного тростника, которые все равно сожрали бы сухопутные креветки, за которыми эти пушистики охотились. Но правительство не несло ответственности за сухопутных креветок, а вот за пушистиков — несло, и если какой-нибудь фермер не выколотит из правительства компенсацию за все свои убытки, из него стоит набить чучело и поместить в музей как совершенно редкостный образец. Холлоуэй вздохнул и взял следующий документ.

Этот документ состоял из множества скрепленных вместе листов. Холлоуэй снял скрепку. Сопроводительное письмо генерал-губернатора Беннета Рейнсфорда специальному уполномоченному по делам туземцев. Сам же документ — на бланке лимитированной компании «Заратуштра», подписанном ее председателем Виктором Грего. Холлоуэй усмехнулся. Грего ухитрился изменить название, сохранив прежнюю аббревиатуру — марку фирмы. И клеймо. Любой, кто пытался поставить новое клеймо на взрослого вельдбизона, мог убедиться в преимуществе этого.

Расписка на восемнадцать солнечников, общим весом 93,6 карата, вывезенных из Каньона Желтого Песка для изучения, предшествующего

разрешению на аренду. Копия расписки в получении, подписанная Грего и его главным геологом и заверенная Гердом ван Рибеком, председателем научного отдела Заратуширианской комиссии по делам природы, и лейтенантом Хирохито Бьорнсеном, ЗСОА. Цветные фотографии каждого из восемнадцати камней: они были прекрасны, но фотография не передавала всей красоты солнечника, сияющего мягким светом. Холлоуэй внимательно рассмотрел фотографии. Он сам работал старателем, искал солнечники, и знал, как они выглядят на самом деле. Сто семьдесят тысяч солов на рынке драгоценных камней Терры; 42.120 солов отчисляется правительству в пользу пушистиков. И это было даже не начало, лишь первые образцы. Через год в это же время…

Холлоуэй завизировал письмо Бена Рейнсфорда, сколол листы вместе и положил их к делам, идущим в архив. В это время раздался звонок вызова. Джек развернулся вместе со стулом и включил экран. На нем возник точно такой же барак, только находящийся в полутора тысячах миль к северу от резервации пушистиков. На Джека смотрел светловолосый молодой человек с обветренным лицом. На нем была походная одежда, а нагрудные клапаны на куртке были

набиты винтовочными патронами.

— Привет, Герд. Что нового?

Герд ван Рибек пожал плечами:

— Продолжаю сидеть на куче солнечников стоимостью в миллиард солов. Ты слыхал — здесь появлялся Виктор Грего?

— Слыхал. Я только что смотрел фотографии этих камней. Сколько кремня ему пришлось расколотить, чтобы извлечь их?

— Около семидесяти пяти тонн. Он брал породу в пяти разных местах, по обе стороны каньона. Провозился часов восемь, после того как удалил песчаник.

— Очень неплохой результат. Я считал, что мне попалась богатая порода, если получал один хороший камень с шести тонн кремня. Теперь мы можем сказать пушистикам, что они получили богатство.

— Они захотят узнать, можно ли его съесть, — сказал Герд.

Это уж наверняка. Холлоуэй спросил у Герда, много ли он видел пушистиков.

— К югу от Границы довольно много, несколько небольших групп. Движутся в основном на юг или на юго-запад. На пленку мы засняли гораздо больше, чем видели сами. А к северу от Границы

почти никого. Да, кстати, помнишь группу, которую мы видели в тот день, когда нашли породу, содержащую солнечники? Ну, тех, которые убили глупышей и сидели ели их?

Холлоуэй засмеялся, вспомнив, как пушистики оцепенели при появлении гарпий и как попадали на землю, когда они с Гердом открыли огонь из винтовок.

— «Шум-гром убил годза; может быть, убьет потом нас, — процитировал он. — Плохое место! Бежать, быстро!» Ох, ну и перетрусили же они!

— Они недолго продолжали бояться, — сказал Герд. — Вскоре после того как мы оттуда убрались, они вернулись. Сегодня утром я возвращался тем же путем, узнал место и приземлился, чтобы осмотреться. Дохлые гарпии уже были изрядно обглоданы другими гарпиями и прочими тварями, вокруг валялось только несколько костей. Я забрался на вершину, где мы стояли в первый раз. Прошло уже три недели, и за это время несколько раз шел дождь, так что следов не осталось. Я еле нашел место, где мы сажали автолет. Но я знаю, что пушистики побывали там, потому что кое-чего я не нашел.

Герд сделал паузу и ухмыльнулся, в надежде, что Холлоуэй спросит, чего же он не нашел.

— Пустые гильзы, две от моего девятого калибра и одна от твоего «стеберга», — сказал Холлоуэй. — Наверняка. Красивые штучки, — он снова засмеялся. — Если встретишь пушистиков, которые таскают с собой гильзы, то знай, что это те самые.

— Да нет, пушистики не станут их хранить. Наверняка гильзы давно им надоели, и пушистики их выкинули.

Они потрепались еще немного, и в конце концов Герд прервал связь, возможно, для того, чтобы позвонить Рут. Холлоуэй вернулся к ожидающим его документам. Рабочий день близился к концу; Холлоуэй понемногу управился с навалившейся на него грудой бумаг, встал и потянулся. Это чертово сидение за столом целыми днями на пользу не идет. Джек набил трубку табаком, раскурил ее, взял шляпу, недоуменно посмотрел, куда делся пистолет, который должен был висеть под шляпой, потом вспомнил, что сам же решил не морочить себе голову и не таскаться с пистолетом, когда не выходит из лагеря. Потом Холлоуэй осмотрелся еще раз, чтобы убедиться, что не оставил ничего такого, чему не следовало попадать в руки пушистикам, и вышел.

Они уже достроили стены постоянного здания

офиса, которое должно было заменить этот барак, и принялись за крышу.

Казармы и штаб ЗСОА были закончены; перед ними стояло множество антигравов, и патрульных, и боевых. Большая часть патрульных машин были новыми, ярко-зелеными с желтой эмблемой ЗСОА. А большая часть боевых машин были оливково-зелеными; их вместе с водителями взяли взаймы у космической морской пехоты. На другом берегу небольшого ручья старый лагерь Холлоуэя уже не был виден за зданиями, выросшими за последние два с половиной месяца; поселок, отмеченный на карте крохотной точкой и называвшийся Лагерем Холлоуэя, изменился до неузнаваемости.

Возможно, название тоже стоило изменить на имя, которое ему дали пушистики — Хоксу-Митто, Удивительное Место. Да, это действительно было удивительное место для пушистиков, лишь недавно пришедших из лесов; и даже те, кто отправился в Мэллори-порт, место еще более удивительное, чтобы жить там в семьях у людей, продолжали называть его именно так и вспоминали старый лагерь с ностальгической любовью, как свою альма-матер. Надо поговорить с Беном Рейнсфордом об официальной перемене назва-

ния.

У мостика играли полдюжины пушистиков; они увидели Холлоуэя и с радостным визгом побежали к нему. У каждого пушистика была застегивающаяся на «молнию» заплечная сумка с притороченными к ней ножом в ножнах и маленькой лопаткой и серебряный идентификационный диск на шее. И еще пушистики носили оружие, сменившее их деревянные дубинки, с которыми они охотились на сухопутных креветок, — шестидюймовое стальное лезвие на двенадцатидюймовом стальном же древке. Эти пушистики были из недавно пришедших и еще недостаточно развили свои голосовые связки. Холлоуэй надел наушник и включил слуховой аппарат, которым ему теперь приходилось пользоваться все реже и реже. Пушистики тем временем продолжали верещать:

— Папа Джек! Эй, Папа Джек! Ты поигьяешь с на-ами?

Они пробыли здесь уже достаточно долго, чтобы узнать: Холлоуэй был Папой Джеком для каждого пушистика в городе, которых по последнему подсчету было триста шестьдесят два, — и всем им хотелось поиграть с ним. Холлоуэй присел на корточки и посмотрел на их диски. На всех

дисках стояли цифры двенадцать — двадцать: это означало, что эти пушистики пришли в город позавчера.

— Почему малыши не в школе? — спросил Холлоуэй и перехватил одного, который уже начал забавляться с «молнией» на его рубашке.

— Школа? Что такое школа?

— Школа, — сказал Холлоуэй, — это такое место, где пушистики узнают новые вещи. Учатся разговаривать, как Большие, и тогда Большим не надо совать в ухо эти штуки. Учатся делать вещи, играют. Учатся обращаться с вещами Больших, чтобы они не причинили пушистикам вреда.

Холлоуэй указал на длинное здание из рифленого железа, стоящее ниже по течению ручья:

— Школа там. Пойдем. Я покажу.

Холлоуэй знал, как все произошло. Эта компания встретилась в лесу с какими-то пушистиками, которые рассказали им об Хоксу-Митто. Кто-нибудь — Маленький Пушистик, или К°-Ко, или один из пушистиков Джорджа Ланта, Герда или Рут взяли их на буксир, привели в штаб ЗСОА. Там у них сняли отпечатки пальцев и выдали диски и снаряжение, а потом велели идти гулять. Джек двинулся через мостик. Пушистики побежали рядом, а некоторые даже помчались вперед.

Внутри длинного здания царили прохлада и полумрак, но отнюдь не тишина. Там находилось около двух сотен пушистиков, и все они говорили одновременно. Когда Холлоуэй выключил аппарат, большая часть голосов оказалась на пределе слышимости. Два пушистика из семьи Джорджа Ланта, которых звали Диллинджер и Нед Келли, рассказывали своим ученикам — большая часть которых уже научилась понижать голоса до пределов восприимчивости человеческого слуха, — как делаются луки и стрелы. Если учесть, что Диллинджер и Нед Келли сами стали мастерами всего лишь месяц назад, то можно было сказать, что они делают очень хорошие луки, и класс перенимал их науку быстро и с энтузиазмом. Пушистики Холлоуэя, Майк и Мицци, вели урок добывания огня — терли куском твердого дерева о мягкий чурбачок. Вокруг них собралось десятка два пушистиков, и все они разразились возбужденными воплями, когда древесная труха задымилась. Еще одна компания собралась вокруг капрала из ЗСОА, который при помощи складного ножа снимал шкурку с небольшого животного, которое земляне называли «заразаяц». Как любой хороший полицейский, капрал не забывал следить за всем, что происходило вокруг

него. Он поднял глаза на вновь пришедших.

— Привет, Джек. Как только эта компания добудет огонь, я им покажу, как можно зажарить тушку на вертеле. Потом покажу, как при помощи мозга выделать шкурку — так делали древние индейцы на Терре, — и как сделать тетиву из кишок.

А потом, когда они этому научатся, они отправятся в Мэллори-порт, будут приняты в какую-нибудь человеческую семью, и все это им никогда не пригодится. А может быть, и нет. Пушистиков было много — тысяч десять, а может, двенадцать. Вопреки тому, что рассказывал всем Маленький Пушистик насчет того, будто у каждого пушистика будет свой Большой, такого не могло получиться. Людей, готовых принять в свой дом пушистиков, было недостаточно. Так что, возможно, эта группа пройдет через посты ЗСОА на юг или двинется вдоль Большого Черноводья на запад и будет учить других пушистиков, которые, в свою очередь, передадут знания дальше. Луки и стрелы, огонь, жареное мясо, выделанные шкуры. Корзины и глиняные горшки. Глядя на тех, кто собрался здесь, трудно было поверить, насколько же примитивный образ жизни ведут лесные пушистики. Они даже

не научились делать какие-нибудь заплечные сумки для вещей, хотя им приходилось все время двигаться, занимаясь охотой и собирательством.

«Пушистик разумный заратуштрианский» — Холлоуэй был рад, что они избавились от «пушистика пушистикового Холлоуэя». Люди уже было начали называть его самого Пушистиком Пушистиковым. Пушистики и так уже совершили неимоверный культурный прыжок с того вечера, как Холлоуэй услышал, что в его душевой кабинке кто-то пищит.

Маленький Пушистик увидел Холлоуэя с другого конца барака и помахал ему. Холлоуэй помахал в ответ. Маленький Пушистик тоже вел занятия — о том, как вести себя среди Больших. Некоторое время Холлоуэй разговаривал с капралом Карстайрсом и его учениками. Группа пушистиков, пришедших с Холлоуэем, захотела остаться здесь. Джек ухитрился удрать от них и пробраться туда, где его пушистики К°-Ко и Золушка и пушистики ван Рибека Синдром и Суперэго вели уроки произношения.

Именно ребята из Космофлота, которые временно приютили его семью на Ксерксе, пока рассматривалось судебное дело о пушистиках, обнаружили, что пушистики разговаривают в

ультракоротком диапазоне, а потом сделали слуховые аппараты, позволяющие слышать их. После судебного разбирательства, когда Виктор Грето, до того — злейший враг маленьких созданий, поселил у себя пушистика и вообще стал одним из их лучших друзей, они с инженером Генри Стенсоном спроектировали маленький прибор, переводящий голоса пушистиков в диапазон, доступный человеческому уху. Потом Грего обнаружил, что его пушистик Алмаз разговаривает вполне слышно, хотя батарейки в его пушистикофоне сели — он научился подражать звукам, которые слышал вокруг себя. Алмаз сумел научить этой хитрости некоторых пушистиков, а они теперь учили других.

В этом классе было несколько пушистикофонов работы Стенсона и Грего, приборов со сделанной под размер руки пушистика рукояткой наподобие пистолетной и с несколькими переключателями. Пушистики разговаривали при их помощи, а потом выключали прибор и пытались воспроизвести какие-нибудь звуки самостоятельно. Кажется, здесь за обучение отвечал Ко-Ко.

— Нет, нет! — говорил он. — Не так. Говойи задней частью го'ла, вот так вот.

Кто-то вопросительно пискнул.

— Нет. Возьми об'атно штуку-которую-держат-в-'уке. Тепей дейжи покьепче. А теперь говойи.

Похоже, Синдром ван Рибека не был ничем особо занят. Холлоуэй заговорил с ним:

— Ты умеешь так разговаривать. Покажи им, как это делать. — Он обернулся к пришедшим с ним пушистикам: — Вы оставайтесь здесь. Делайте то, что вам скажут. Скоро вы тоже сможете разговаривать, как Большие. Потом вы придете к Папе Джеку и поговорите с ним. Папа Джек даст вам что-нибудь хорошее.

Холлоуэй оставил новоприбывших с Синдромом, а сам пошел туда, где на ящике восседал Маленький Пушистик, покуривая трубку, как сам Папа Джек. Некоторые из собравшихся вокруг него пушистиков — это был один из классов, продвинувшихся дальше других, — тоже курили.

— Среди Больших, — Маленький Пушистик говорил на смешанном пушистиково-земном языке, — все чье-нибудь. Каждый место чье-нибудь. Никто не ходит в место, которое не его, и не берет вещи, которые не его.

— Нет всехнего места, как лес? — спросил один.

— Нет, есть. Некоторые места. У Больших есть _пьявиство_, оно заботится о всехних местах. Это

место, Хоксу-Митто, _пьявистное_ место. Раньше было место Папы Джека. Папа Джек отдал его _пьявиству_ для всех, для Больших и для пушистиков.

— А что такое пьявиство?

— Придумка Больших. Все Большие говорят вместе, все собираются и заботятся о всехнем. Пьявиство не разрешает никому брать чьи-нибудь вещи, не разрешает никому никого делать мертвым, не разрешает делать никому ничего плохого. Сейчас пьявиство говорит, чтобы никто не делал плохо пушистикам, никто не делал пушистиков мертвыми, не брал у пушистиков вещи. Делает это в Большой Комнате для Говорения. Я видел. Плохой Большой сделал Златовласку мертвой, другие Большие прогнали плохого Большого, сделали его мертвым. Потом все сказали: никто больше не должен делать пушистикам плохо. Папа Джек заставил.

На самом деле все было не совсем так. Например, Леонард Келлог сам перерезал себе горло, находясь в тюрьме, но пушистикам было невозможно объяснить, что такое самоубийство, вызванное умственным расстройством. Пускай уж все идет как идет. Холлоуэй прошел туда, где пушистики из семьи Джорджа Ланта — Доктор

Криппен, Лиззи Борден и Катастрофа Джейн — учили других плотницкому делу. Джек некоторое время постоял там, наблюдая, как пушистики пользуются уменьшенными пилами, сверлами, стамесками и рубанками. Эта компания была очень увлечена своим занятием. Через некоторое время они сходят поесть, потом вернутся и будут работать до вечера. Они сооружали ручную тележку — у нее даже были колеса. Рядом стоял горн — сейчас холодный, — и наковальня: там пушистики занимались кузнечным делом.

В конце концов Холлоуэй добрался до конца барака, где находились Рут ван Рибек и Панчо Айбарра, флотский психолог на постоянной службе у колониального правительства. Рут сидела на сваленной на полу груде подушек, а Панчо — на краю стола. Вокруг них собрался десяток пушистиков.

— Привет, Джек, — поздоровалась Рут. — Когда там мой супруг собирается обратно?

— Как только подпишет соглашение и примет дела от ЛКЗ. А чем тут заняты малыши?

— О, Папа Джек, мы тут уже не малыши, — сказал Айбарра. — Мы уже сильно подросли. Мы уже выпускники, а со следующей недели будем преподавателями.

Холлоуэй уселся на подушки рядом с Рут, и пушистики тут же столпились вокруг него. Им хотелось покурить его трубку, рассказать, чему они научились и что учат сейчас. Потом они разошлись, парами или небольшими группками. Наступил общий перерыв. Класс произношения разделился. Синдром вместе со своей группой отправился на улицу. Если она сможет завтра собрать их обратно… Чего этой школе не хватало, так это дежурного, который приструнил бы прогульщиков. Класс, занимавшийся добыванием огня, развел костер прямо на земляном полу, а класс, который занимался разделкой тушки, присоединился к нему. Ученики лучников уже ушли. У плотников работа была в самом разгаре.

— Знаешь, — сказала Рут, — эта учебная программа кажется довольно удачной.

— Она думает, что это учебная программа, — засмеялся Айбарра. — Это пока что стадия проб и ошибок — причем ошибки преобладают. Вот после, когда мы узнаем, чему надо учить и как это надо делать, можно будет говорить об учебной программе. — Панчо посерьезнел. — Джек, я начинаю сомневаться в том, стоит ли учить пушистиков добывать огонь трением, делать кремневые наконечники для стрел и костяные

иглы. Я знаю, что не все они будут приняты в человеческие семьи и большая часть пушистиков вернется к жизни в лесах или в пограничных землях рядом с поселениями людей, но ведь они же будут поддерживать связь с нами и смогут получать у людей все инструменты и оружие, которое им будет нужно.

— Я не хочу этого, Панчо. Я не хочу, чтобы они зависели от нас. Я не хочу, чтобы они жили на подачки людей. Ты же бывал на Локи? Ты знаешь, что случилось с тамошними жителями. Они превратились в бездельников самого худшего толка, живущих на содержании комиссии по делам аборигенов. Я не хочу, чтобы с пушистиками произошло то же самое.

— Это не совсем то же самое, Джек, — сказал Айбарра. — Пушистики действительно зависят от нас, из-за хокфусина. Они не могут сами обеспечить себя им полностью.

Конечно, это было правдой. В ходе эволюции у предков пушистиков развилась эндокринная железа, вырабатывающая гормон, не встречающийся больше ни у одного из заратуштрианских млекопитающих. Никто точно не знал, почему это произошло. Существовало предположение, что этот гормон служил для нейтрализации ка-

кого-то природного яда, наличествовавшего в пище, которую они употребляли в отдаленном прошлом. После того как пару месяцев назад этот гормон был открыт, он получил многосложное биохимическое название, сокращенное до НФМп.

Но в те времена когда на Земле возникли цивилизации в долинах Нила и Евфрата, для пушистиков окружающая среда коренным образом изменилась. Необходимость в НФМп исчезла, и он, став ненужным, сделался разрушительным. Он приводил к преждевременным родам и к рождению недоношенных, нежизнеспособных детей. Пушистики как раса начали вымирать. Сегодня в северных лесах континента Бета жили лишь жалкие остатки этой расы.

Единственное, что спасло пушистиков от полного вымирания, — другое сложное длинномолекулярное соединение, содержащее, среди всего прочего, несколько атомов титана, который пушистики получали, поедая затку — так они называли сухопутных креветок. А начиная с первого контакта с людьми, пушистики получали его еще и из рыжего месива, официально именуемого полевым рационом Вооруженных Сил Терранской Федерации для внеземного употреб-

ления, тип три: «ПР-3». Солдаты и космонавты, которым он выдавался, не питали к нему особой любви, как к большей части синтетических пайков, а пушистики полюбили до безумия с первого же укуса. Они называли эти пайки хоксу-фуссо, «удивительная еда». Вещество, содержащееся в этом пайке и в сухопутных креветках, тут же окрестили хокфусином.

— Он нейтрализует НФМп и ослабляет функцию вырабатывающей этот гормон железы, — сказал Айбарра. — Но мы не можем сделать так, чтобы пушистики получали его из окружающей среды, мы можем лишь поддерживать каждого малыша по отдельности, и самцов, и самочек. Жизнеспособное потомство будет рождаться только тогда, когда оба родителя еще до зачатия ребенка получат достаточно хокфусина.

Пушистики, которые жили среди людей, могли получать его достаточно, но те, которые оставались бродить в лесах, хокфусина не получали. Именно то, чего хотел избежать Холлоуэй — зависимость пушистиков от людей, — становилось фактором генетического отбора, так же как им было мясо сухопутных креветок. Вот уже тысячу поколений для расы пушистиков был запущен обратный счет: десять новорожденных пушисти-

ков, девять новорожденых пушистиков, восемь, семь... Холлоуэй не знал, через сколько поколений новорожденные пушистики перестали бы рождаться вообще, если бы на Заратуштре не появились люди.

— Не беспокойся о будущих поколениях, Джек, — сказала Рут. — Радуйся, что хотя бы следующее все же появится.

4

Лесли Кумбс положил сигарету в пепельницу, взял стакан с коктейлем и сделал маленький глоток. При этом Кумбс невольно бросил боязливый взгляд на большой глобус планеты, парящий над полом в антигравитационном поле и медленно вращающийся. С одной стороны глобус освещала лампа, изображающая солнце, а вокруг глобуса вращались два спутника, Ксеркс и Дарий. Дарий и сейчас полностью принадлежал Компании, даже после Решения Пендарвиса. Ксеркс же никогда не был собственностью ЛКЗ — Федерация использовала его под базу для флота, еще когда Компания была монопольной. Линия ночи только что коснулась восточного берега континента Альфа и приближалась к точке, изображавшей Мэллори-порт.

Виктор Грего невольно перехватил этот взгляд и рассмеялся:

— Все еще беспокоишься, Лесли? Зубы гадины уже вырвали.

Да, лишь после того, как стало слишком поздно, после судебного разбирательства по делу

пушистиков они узнали, что каждое слово, произнесенное в личном кабинете Грего, становится известно разведке и что Генри Стенсон, руководивший строительством, был тайным агентом Федерации. В помещении был спрятан микрофон и крохотный радиопередатчик. Стенсон встроил такой же передатчик в робота-бармена в Резиденции, из-за чего ее прежний хозяин Ник Эммерт находился сейчас на борту корабля, летящего к Земле, где его ждало обвинение в должностном преступлении. Кумбсу очень хотелось знать, сколько же таких штучек Стенсон понатыкал по Мэллори-порту; он едва не разобрал свой кабинет на части в поисках подслушивающих устройств, но до сих пор не был уверен, что их там действительно нет.

— Так или иначе, это уже не имеет значения, — продолжал Грего. — Теперь мы все — друзья. Правда, Алмаз?

Пушистик, забравшийся на ручку кресла, чтобы быть поближе к Грего, да так там и прикорнувший, обрадовался возможности принять участие в разговоре Больших.

— Это так, все д'узья. Папа Вик, Папа Джек, Дядя Лесси, Дядя Гас, Папа Бен, Флоя, Фаун… — и Алмаз принялся перечислять имена всех людей

и пушистиков, которые были друзьями. Это был поразительный список. Всего несколько месяцев назад только во сне могло присниться, что кто-нибудь назовет Джека Холлоуэя, Беннета Рейнсфорда и Гаса Браннарда друзьями Лесли Кумбса и Виктора Грего. — Теперь все д'узья. Все хоешо.

— Все хорошо, — согласился Кумбс. — По крайней мере пока. Виктор, у тебя сейчас весь пиджак будет в шерсти пушистика.

— Ну и что? Это мой пиджак и мой пушистик, и к тому же я не думаю, что Алмаз сейчас линяет.

— И все плохие Большие пошли в тюйма-место, — сказал Алмаз. — Не делают неп'иятности больше. А что такое тюймаместо? Это как то темное гьязное место, где плохие Большие дейжат пушистиков?

— Что-то вроде этого, — ответил Грего.

Однако беда была в том, что не всех плохих Больших удалось отправить в тюрьму. Не удалось найти никаких доказательств против Хьюго Ингерманна, и Кумбсу до сих пор было не по себе. И это напомнило ему кое о чем.

— Ты нашел остальные солнечники, Виктор?

Грего покачал головой:

— Нет. Сперва я думал, что пушистики потеря-

ли их где-нибудь в вентиляционной системе, но мы прогнали роботов-ищеек через все трубы и ничего не нашли. Потом Гарри Стифер подумал, что камни прикарманил кто-то из его копов, но мы допросили всех с детектором лжи, и никто ничего не знает. Понятия не имею, в какой Ниффльхейм они провалились.

— Но ведь четверть миллиона солов — не пустяк, Виктор.

— Можно считать, что пустяк! Подожди, вот будет у нас в Каньоне Желтого Песка достаточно людей и оборудования — мы; будем каждый день добывать в два раза больше. О Господи, Лесли! Ты должен увидеть то место! Это фантастика.

— Все, что я там увижу, — груду камней. Мне хватит и твоих описаний.

— Там проходит жила, содержащая солнечники, в среднем двести футов в ширину. Она тянется вдоль всей Границы на восемь с половиной миль на запад от каньона и больше чем на десять миль на восток; и на протяжении еще четырех миль жила постепенно сужается и сходит на нет. Конечно, над этим еще лежит пара сотен футов песчаника, который надо убрать, но мы просто спихнем его на дно каньона. На самом деле с этим будет куда меньше возни, чем было

с осушением Большого Черноводья. Документы готовы на подпись?

— Готовы. Основное соглашение обязывает Компанию продолжать выполнять все те обязанности, которые выполняла старая торговая компания. Взамен правительство соглашается оставить нам незаселенные земли, которые по Решению Пендарвиса объявлены собственностью государства, кроме района к северу от Малого Черноводья и северного притока Змейки, где находится резервация пушистиков. Специальное соглашение дает нам право на аренду земель вокруг Каньона Желтого Песка; мы платим сорок пять солов с каждого карата общего веса добытых нами солнечников, а деньги через правительство будут идти пушистикам. Оба соглашения рассчитаны на срок девятьсот девяносто девять лет.

— Или до тех пор, пока суд не признает их неправомочными.

— Да, конечно. Это я понатыкал, куда только мог. Единственное, что меня сейчас беспокоит, так это много ли неприятностей нам смогут причинить земляне — акционеры покойной лицензированной компании «Заратуштра».

— Ну, они получат часть имущества, оставшегося после удовлетворения претензий кредиторов,

как это и оговаривалось, — сказал Грего. — Но лицензированной компании просто больше не существует.

— Я не уверен. Лицензированная компания «Локи» была распущена по решению суда за нарушение законов Федерации. Акционеры не получили ничего. Лицензированная компания «Уллер» была национализирована правительством после восстания в 526-м. Правительство просто назначило генерала фон Шлихтена генерал-губернатором и расплатилось с акционерами по номинальной стоимости. А когда лицензированная компания «Фенрис» обанкротилась, планета перешла во владение кого-то из колонистов, и акционерам заплатили, насколько я понимаю, по два с половиной центисола на сол. Но это всего лишь прецеденты, и ни один из них не применим здесь. — Кумбс отпил еще немного из своего стакана. — Я должен отправиться на Землю сам, чтобы представлять новую лимитированную компанию «Заратуштра».

— Мне страшно не хочется, чтобы ты уезжал.

— Спасибо, Виктор. Я и сам этому не радуюсь. — Шесть месяцев на борту корабля немногим лучше тюремного заключения. Потом не меньше года на Земле, выправлять документы, отыскивать юри-

дическую фирму в Капштадте или Йоханнесбурге, которая возьмется вести длительные судебные процессы, которые наверняка последуют. — Надеюсь вернуться через пару лет. Сомневаюсь, что мне доставит большое удовольствие заново приспосабливаться к обычаям нашей дорогой родной планеты. — Кумбс допил коктейль и поставил стакан. — Можно мне еще один?

— Почему бы нет? — Грето допил свой стакан. — Алмаз, ты, пожалуйста, дай Дяде Лесси коктель-пить. И принеси коктельпить Папе Вику тоже.

— О'кей.

Алмаз спрыгнул с подлокотника кресла и побежал за шейкером. Кумбс наклонился и подставил стакан, чтобы Алмаз мог дотянуться до него. Пушистик наполнил стакан до краев, не пролив ни капли.

— Спасибо, Алмаз.

— На здо'овье, Дядя Лесси, — вежливо ответил Алмаз и понес шейкер, чтобы наполнить стакан Папы Вика.

Себе Алмаз наливать не стал. Он однажды попробовал спиртное и никогда не мог забыть последовавшего за этим похмелья; Алмазу не хотелось еще раз испытать что-нибудь подобное.

Возможно, это была одна из тех вещей, которые имел в виду Эрнст Маллин, когда говорил, что пушистики разумнее людей.

Густав Адольф Браннард довольно попыхивал сигарой. Позади него в ветвях дерева щебетала пара существ, более или менее напоминающих птиц. Перед ним возвышались здания Мэллорипорта, чернеющие на фоне прекрасного заката — всех оттенков красного, желтого и золотого. С лужайки долетали голоса увлеченных игрой пушистиков — Флоры и Фауна Рейнсфорда и пары их гостей. Бен Рейнсфорд, невысокий лысый мужчина с торчащей во все стороны рыжей бородой, сгорбившись, сидел в кресле и смотрел в свой стакан с виски с содовой, который он сжимал обеими руками.

— Но, Гас, — попытался возразить он, — ты уверен, что Виктору Грего стоит доверять?

Для Вена это был слишком резкий поворот. Пару месяцев назад он был убежден, что не существует такой подлости, на которую Грего не был бы способен.

— Да, уверен, — Гас переложил сигару в левую руку и отхлебнул из старомодного бокала, наполненного чистым виски. — Просто присматривай за ним немного, только и всего, — несколько

капель виски стекло у него по подбородку. Гас вытер их тыльной стороной руки и вернул сигару обратно в рот. — А почему, собственно, нет?

— Ну, все эти «до тех пор, пока суд не признает это недействительным», которыми пестрит текст соглашения. Ты не думаешь, что он готовит нам ловушку?

— Нет. Я знаю, что он делает. Он морочит голову жителям Терры — акционерам старой торговой компании. Заставляет их думать, что, если они не поддержат его, он расторгнет соглашения и заключит другие. Он хочет сам контролировать новую компанию.

— Ну, тут я на его стороне! — энергично сказал Бен. — Монополия там или не монополия, но я хочу, чтобы Компания работала на Заратуштру и приносила ей пользу. Но почему ты тогда хочешь отложить подписание соглашений?

— Да просто жду выборов, Бен. Мы же хотим, чтобы наши делегаты были избраны и чтобы конституция нашей колонии была утверждена. Как только это будет сделано, мы без всяких проблем сможем принимать любое законодательство, которое захотим. Но это дело с общественными землями вызовет сопротивление. Множество народу надеялись застолбить богатые участки

на землях, которые по Решению Пендарвиса перешли в собственность государства, а теперь оказывается, что эти земли сдаются в аренду ЛКЗ на тысячу лет. А люди вряд ли захотят ждать так долго.

— Гас, множество людей, в том числе влиятельных, обрадуется, что правительству не придется вводить налоги, — ответил Рейнсфорд.

Бен был по-своему прав. На Заратуштре не существовало никаких налогов; Компания платила за всех. И теперь получается, что они не понадобятся и в будущем, даже для того, чтобы содержать новую комиссию по делам аборигенов. Все расходы на пушистиков будут покрываться за счет арендной платы за добычу солнечников.

— К тому же эти претенденты на землю неорганизованы, в отличие от нас, — продолжал Рейнсфорд. — Единственной оппозицией, с которой нам когда-либо приходилось сталкиваться, была Партия благополучия планеты Хьюго Ингерманна, а Ингерманн теперь стоит не больше дохлой утки.

Это был уже сверхоптимизм, хотя обычно Бен не страдал таким пороком.

— Бен, каждый раз, как ты подумаешь, будто Ингерманн сдох, тебе тут же придется стрелять в

него снова. Он только прикидывается дохлым.

— Хотелось бы мне, чтобы у нас была возможность пристрелить его на самом деле вместе с остальными.

— Ну, в отличие от остальных, против него у нас нет доказательств, потому мы не можем этого сделать. Хотя, возможно, то дело единственное, в чем он действительно не был виноват: он даже ничего о нем не знал, пока его не схватили и не начали допрашивать. Ниффльхейм, мы не можем даже лишить его звания адвоката!

Они с Лесли Кумбсом потратили на это уйму сил, но Ассоциация адвокатов состояла из юристов, а юристы привыкли мыслить прецедентами. Большинство из них сами защищали интересы нечестных клиентов и неплохо на этом наживались. Они не хотели, чтобы лишение Ингерманна адвокатской практики послужило прецедентом против них самих.

— А теперь он защищает Такстера, Ивинсов и Новиса, — сказал Рейнсфорд. — Он и их вытащит, если ты за этим не проследишь.

— Не вытащит, пока я главный прокурор!

Гас снова вынул сигару изо рта и глотнул виски. Хотелось бы ему на самом деле чувствовать себя так уверенно, как он говорил.

Помощник судебного исполнителя открыл дверь и посторонился, пропуская Хьюго Ингерманна вперед и глядя на него так, словно перед ним какое-то мерзкое насекомое. Теперь все в Верховном суде смотрели на него именно так. Ингерманн мило улыбнулся.

— Благодарю вас, помощник, — сказал он.

— Не беспокойтесь, мне за это платят, — сказал облаченный в форму помощник. — Очень надеюсь, что жребий выпадет на меня, когда ваших клиентов поставят к стенке. Очень жаль, что вас не поставят вместе с ними. Я бы заплатил за привилегию расстрелять вас.

А если он пожалуется главному судебному исполнителю колонии, Макс Фейн скажет:

— Черт побери, я бы тоже за это заплатил.

Комната с металлическими стенами была маленькой и пустой. Единственной мебелью были приваренный к полу стол и полдюжины стоящих в ряд стульев. В комнате пахло дезинфекцией, как и во всей тюрьме. Ингерманн вытащил пачку сигарет, достал одну и закурил, потом положил пачку и зажигалку на стол и быстро огляделся. Конечно, он не мог увидеть скрытых камер — может, их тут и не было, — но был уверен, что микрофон где-то обязательно есть. Он все еще

осматривался, когда дверь открылась снова.

Вошли трое мужчин и женщина. На них были сандалии и длинные балахоны, а больше, возможно, ничего. Их переодели, прежде чем привести сюда, и переоденут — после обыска — снова, прежде чем развести по камерам. С ними был другой помощник судебного исполнителя. Он сказал:

— Два часа максимум. Если захотите выйти раньше, воспользуйтесь звонком.

Потом дверь открылась и снова закрылась.

— Не говорите ничего, — предостерег Ингерманн. — Возможно, в комнате есть «жучки». Садитесь, курите.

Сам Ингерманн остался стоять, глядя на них: Конрад Ивинс, низкорослый, необыкновенно подвижный и аккуратный, теперь держался напряженно и выглядел изможденным. Он был главным покупателем драгоценностей у Компании; грабеж был его идеей — его и его жены. Роза Ивинс зажгла сигарету и теперь сидела, глядя на нее и положив руки на стол. Эта женщина уже была мертва и примирилась со своей судьбой; на ее лице застыло спокойствие безнадежности. Лео Такстер, мускулистый черноволосый мужчина, со щеками, синеватыми от плохого бритья, и с

отвисшей нижней губой, был ее братом. Он был главой ростовщического рэкета и банкиром теневого Мэллори-порта; и именно благодаря ему у Ингерманна появилась значительная недвижимость к северу от города. Как раз в одном из этих зданий, в пустующем складе, содержались пятеро пушистиков, пойманных на континенте Бета; там их обучали проползать через вентиляционные люки в подземные хранилища драгоценностей Компании и заменять настоящие солнечники поддельными. Фил Новис, самый молодой из четырех, трясся от страха, но старался не выказывать этого. Это он со своим партнером Мозесом Херцкердом, бывшим топографом-разведчиком Компании, поймал пушистиков и доставил их в город. Херцкерд здесь не присутствовал: ему досталось слишком много пуль в ночь неудачной попытки грабежа.

— Ну что ж, — начал Ингерманн, когда ему удалось привлечь внимание своих клиентов, — у них есть ваше признание в мошенничестве, краже со взломом и в преступном сговоре. Никто, и даже я, не может взять ваши признания обратно. Это тянет на срок от десяти до двадцати лет, и на минимальный рассчитывать трудно. Они постараются намотать вам сроки на полную

катушку. Однако я не думаю, что вас признают виновными в двух самых серьезных преступлениях, которые вам вменяются, — в обращении в рабство и совращении. С вашей стороны было бы разумно признать свое участие в грабеже и преступном сговоре, если обвинение согласится снять последние два пункта.

Все четверо переглянулись. Ингерманн закурил новую сигарету от окурка прежней, бросил окурок на пол и придавил его каблуком.

— Двадцать лет — это дьявольски долгий срок, — сказал Такстер. — Однако покойником все равно пробудешь значительно дольше. Ну ладно, если вы можете что-нибудь с этим сделать, так действуйте.

— И что же вы, по вашему мнению, можете сделать? — требовательно спросил Конрад Ивинс. — Вы говорите, что они наверняка осудят нас по делу о солнечнике. Почему же они на этом должны успокоиться и снять обвинение по делу о пушистиках?. Ведь на самом деле они хотят пришить нам именно это.

— Да, хотят. Но я не верю, что им это удастся, и я думаю, что Гасу Браннарду это тоже не удастся. Порабощение — это низведение разумного существа до уровня движимой собственности,

покупка или продажа разумного существа как имущества и/или принудительный труд. Ну что ж, мы будем утверждать, что эти пушистики были не рабами, а соучастниками.

— Вряд ли пушистики это подтвердят, — безразлично сказала Роза Ивинс.

— На суде пушистики вообще ничего не станут говорить, — сказал Ингерманн. — Они не будут допущены в суд в качестве свидетелей. Даю вам слово, что пушистиков там не будет.

— Ну что ж, это хорошая новость, — недоверчиво проворчал Такстер. — Если, конечно, это правда. А как насчет обвинения в совращении?

Ингерманн затянулся, выпустил струйку дыма в сторону светильника и присел на край стола.

— Совращение, — начал он, — состоит в подстрекательстве несовершеннолетних к совершению преступных и/или аморальных действий и/или в принуждении несовершеннолетних к участию в подобных действиях, и/или в получении прибыли от выполнения несовершеннолетними подобных действий. Согласно Решению Пендарвиса, пушистики официально приравниваются к человеческим детям моложе двенадцати лет. Так что, согласно Решению Пендарвиса, когда вы обучали этих пушистиков ползать по вен-

тиляционным трубам и заменять солнечники, вы совершали совращение; то же самое относится к ситуации, когда вы брали пушистиков в небоскреб Компании и заставляли их выносить настоящие камни. Согласно закону, наказанием за это является смертная казнь через расстрел — вопрос решается однозначно и на усмотрение суда не отдается.

Ну а я оспорю этот официальный вымысел, приравнивающий взрослых пушистиков к несовершеннолетним. Никто в этой оси правительство — Компания не захочет защищать в суде статус пушистиков как несовершеннолетних. Вот поэтому они удовольствуются вашим признанием по делу о солнечниках и снимут обвинение по делу о пушистиках. Как вы заметили, Лео, двадцать лет — это дьявольски долгий срок, но покойником вы будете значительно дольше.

В глазах Розы вспыхнуло недоверие, граничащее с надеждой, но тут же погасло. Она не хотела отказываться от покоя смирения ради мучений надежды.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Признайте нашу вину по первым трем пунктам обвинения. Все равно это не имеет никакого значения.

Муж Розы согласился с ней. Новис согласился

с ними, просто кивнув. Такстер скривился, и его нижняя губа отвисла еще сильнее.

— Вы уж постарайтесь, — сказал он. — Ингерманн, если вы признаете нашу вину по пунктам о солнечниках, а потом нас расстреляют за порабощение или…

— Заткнитесь! — рявкнул Ингерманн. Он был испуган, поскольку знал, что Такстер собирается сказать дальше. — Вы, придурок чертов, я же предупреждал, что эта комната прослушивается!

5

Мудрый проснулся зябким утром; Маленькая, Большая, Хромой и Собиратель свернулись в клубок и грели его, а он грел их. Хромой пошевелился, просыпаясь. Под шип-кустами все еще было темно, но небо наверху уже начинало сереть. Солнце тоже зашевелилось в своем логове и скоро выйдет, чтобы делать светло и тепло. Остальные — Камнелом, Собиратель и Другая — тоже проснулись. Это было хорошее логово, безопасное и удобное. Было бы приятно лежать здесь долго, но скоро все захотят облегчиться и выкопают ямки. И еще хотелось есть. Мудрый так и сказал, и остальные с ним согласились.

Маленькая пробормотала:

— Не нужно оставлять красивые блестячки. Нужно взять с собой.

Они собрали блестячки, и, как обычно, их понесла Маленькая. Позже другие начали называть ее Та-Которая-Носит-Блестячки. Но подержать их хотели все. Блестячки были красивые и странные, и им никогда не надоедало смотреть на них, говорить о них и играть с ними. Однажды пуши-

стики потеряли большую блестячку, и тогда они вернулись обратно и искали ее с того времени, когда солнце стоит выше всего, очень долго, пока не нашли. После этого они сломали три палочки и насадили каждую блестячку на палочку, так что теперь их стало легче нести и труднее потерять.

Дневной свет стал ярче. Радостно защебетали птицы. Пушистики нашли мягкую землю и выкопали ямки. Они всегда так делали — закапывали плохие запахи, даже если сами уходили с этого места. Потом они нашли ручеек, напились, поплескались в нем, потом перешли его вброд, растянулись в линию и начали охотиться. Небо стало ярко-синим и покрылось пятнышками золотых облаков. Мудрый снова задумался о том, где логово солнца и почему солнце всегда уходит на одну сторону неба, а выходит с другой. Народ спорил об этом все время, сколько Мудрый себя помнил, но на самом деле никто не смог узнать, почему солнце так делает.

Они нашли дерево с круглыми плодами. Эти плоды лучше всего, когда они белые. Сейчас плоды уже покрылись коричневыми пятнами и были не очень хорошие, но пушистики были голодны. Они стали кидать палки, чтобы сбить плоды, и съели их. Еще они нашли и съели яще-

риц и личинок. А потом они нашли затку.

Затку — существа длиной в руку, с твердым панцирем, множеством ног и с четырьмя суставчатыми руками, которые заканчиваются клешнями. Затку могут ими делать плохо. Это затку сделал плохо ноге Хромого. Камнелом ткнул одного затку острым концом своей бей-дубинки, и тот тут же вцепился в дубинку всеми четырьмя клешнями. Другая ударила затку своей дубинкой по голове, а потом стукнула еще раз — для надежности. Потом все отошли, пока Мудрый разбивал и срывал панцирь и отрывал одну из клешней, чтобы выковыривать ею мясо. Они доверяли Мудрому следить, чтобы каждый получал свою долю. Затку хватило, чтобы каждый получил даже по второму маленькому кусочку.

Они охотились долго и нашли еще затку. Это было хорошо; прошло много времени с тех пор, как они находили двух затку за один день. После того как они съели второго затку, они охотились почти до тех пор, пока солнце не встало выше всего, но больше затку не нашли.

Впрочем, они нашли другую еду. Они нашли мягкие розовые растения, похожие на руки с множеством пальцев — это было вкусно. Они убили одно из маленьких толстых животных

с коричневым мехом — оно убежало от одного пушистика, но другие его убили. Камнелом бросил свою дубинку и сбил низко летевшую птицу; все его за это похвалили. Все время пока они охотились, они взбирались по склону холма. К тому времени когда они добрались до вершины, каждый уже наелся.

Вершина холма была хорошим местом. Там было несколько деревьев и невысокие кусты, и полянки с травой, и оттуда было далеко видно. Там, где встает солнце, между деревьями блестела большая река, а вокруг были горы. Приятно было лежать на мягкой траве и греться на солнце, под ветерком, который ерошил мех и приятно щекотал.

В небе летал годза, но слишком далеко, чтобы заметить их. Пушистики сели и стали следить за годза; тот резко развернулся, задрав одно крыло, пошел вниз и скрылся из виду.

— Годза что-то увидел, — сказал Камнелом. — Пошел вниз, будет есть.

— Хорошо, если не Народ, — сказала Большая.

— Здесь мало Народа, — сказал Мудрый. — Мы давно не видели других из Народа.

Это было много-много дней назад, далеко отсюда по правую руку от солнца, когда они по-

следний раз разговаривали с другими из Народа, с группой из двух самцов и трех самочек. Они разговаривали долго и вместе сделали логово, а на следующий день расстались и разошлись охотиться. С тех пор они не видели других из Народа. Теперь они стали разговаривать об этом.

— Когда увидим снова, покажем блестячки, — сказал Хромой. — Никто раньше не видел такой блестячки.

Годза появился снова, и теперь они услышали шум его крыльев. Годза начал описывать широкие круги, постепенно приближаясь.

— Ел недолго, — сказал Пыряло. — Что-то маленькое. Еще голодный.

Возможно, теперь для них было бы лучше оставить это место и спуститься вниз, где деревья были гуще. Мудрый собрался сказать об этом, когда услышал резкий, но не неприятный звук, который они слыхали у ручья после того, как шум-гром убил троих годза. Мудрый узнал этот звук, и другие тоже узнали.

— Прячьтесь в кусты, — приказал Мудрый. — Лежите тихо.

Это было крохотное пятнышко в небе, далеко по левую руку от солнца, но оно очень быстро увеличивалось, и звук делался громче. Мудрый

заметил, что звук идет за этим пятном, и удивился, почему это так. Потом они спрятались в кусты и стали лежать очень тихо.

Эта штука, которая летела, была очень странной. У нее не было крыльев. Она была плоской, закругленной спереди и заостренной сзади, как семечко дыни, и ярко блестела. Но там не было никаких летящих Больших, которые несли бы эту штуку. Она летела сама по себе.

Штука направилась к годза и прошла почти прямо над ними. Годза повернулся и попытался спастись бегством, но летающая штука быстро догнала его. Потом раздался звук — не резкий треск, как при шум-громе, а такой, словно что-то порвалось. Может быть, так звучит шум-гром, если слышать его поближе. Этот звук длился два удара сердца, а потом годза распался на кусочки, и эти кусочки попадали вниз. Странная летающая штука немного спустилась, медленно развернулась и полетела обратно.

— Хорошая штука, убила годза, — сказал Пыряло. — Может, увидела нас и убила годза, чтобы годза не убил нас.

— Может, убила годза для забавы, — сказала Большая. — Может, потом убьет нас для забавы.

Теперь летающая штука двигалась прямо к

ним, ниже и медленнее, чем тогда, когда гналась за годза. Та-Что-Носит-Блестячки и Собиратель захотели убежать. Мудрый крикнул на них, чтобы они лежали тихо. Никто не может убежать от такой штуки. Правда, Мудрому тоже хотелось убежать и пришлось очень постараться, чтобы заставить себя лежать неподвижно.

Передняя часть летучей штуки была открытой. Теперь Мудрый по крайней мере мог заглянуть в нее, хотя там еще было что-то странное и блестящее. Потом Мудрый ахнул от удивления. В летучей штуке сидели двое больших из Народа! Не из такого Народа, как они сами, но все же из Народа. У них были лица, как у Народа, с двумя глазами впереди, а не по одному с каждой стороны, как у зверей. У них были руки, как у Народа, но их плечи были покрыты не мехом, а чем-то странным.

Значит, это и есть летающие Большие. У них не было крыльев; когда они хотели лететь, они входили в эту штуку вроде семечка, и она летела для них, а когда они хотели сойти на землю, они спускались и выходили. Теперь Мудрый знал, какая это большая тяжелая вещь сломала кусты и раздавила камни. Это могла быть какая-нибудь живая штука, которая делает то, чего от нее хо-

тят Большие. Нужно будет об этом подумать. Но Большие оказались просто большим Народом.

Летучая штука прошла над ними и улетела дальше; резкий дрожащий звук сделался слабым, и штука исчезла. Большие в штуке видели их и не стали бросаться шум-громом. Может, Большие знали, что они — тоже Народ. Никто из Народа не убивает других из Народа для забавы. Народ дружит с Народом и помогает друг другу.

Мудрый встал. Другие тоже встали вместе с ним, но все еще продолжали бояться. Мудрый тоже боялся, но он не должен был показывать это остальным. Мудрый не должен бояться. Пыряло боялся меньше, чем остальные; он сказал:

— Большие видели нас и не убили. Убили годза. Большие хорошие.

— Ты не знаешь, — заспорила Большая. — Никто не знает о Больших, которые летают сверху.

— Большие убили годза, помогли нам, — сказал Мудрый. — Большие друзья.

— Большие могут делать шум-гром, делать нас мертвыми, как годза, — настаивал Камнелом. — Может, Большие придут обратно. Нам сейчас нужно идти далеко-далеко, тогда они нас не найдут.

Теперь все принялись кричать, кроме Пыряла.

Большая и Камнелом кричали громче остальных. Они не знают про Больших; никто никогда не говорил про Больших; никто ничего про них не знает. Они боялись Больших больше, чем годза. С ними сейчас было без толку спорить. Мудрый осмотрел все пространство, видное с вершины холма. Большая течь-вода в стороне, где встает солнце, была слишком широкой, чтобы через нее перейти — Мудрый это видел. Там были маленькие течь-вода, впадающие в большую, но они могли пройти до того места, где течь-вода станет маленькой и ее можно будет перейти.

— Мы пойдем, — сказал Мудрый. — Может, найдем затку.

Через бронированное лобовое стекло аэрокара Герд ван Рибек видел накренившуюся вершину холма и закружившееся небо, испещренное облаками. Он отпустил кнопку кинокамеры и потянулся за сигаретами, лежавшими на приборной доске.

— Пройдемся над ними еще раз, а, док? — спросил полицейский из ЗСОА, сидевший за пультом управления.

Герд покачал головой:

— Нет, не надо. Мы их и так перепугали до чертиков, не стоит усугублять. — Герд закурил. —

Полагаю, нам стоит спуститься к реке и сделать круг над обоими берегами. Тогда мы сможем увидеть еще пушистиков.

Герд не слишком на это надеялся. Севернее Границы пушистиков было немного. Здесь мало сухопутных креветок. Нет затку, нет и хокфусина; нет хокфусина, нет и жизнеспособных детей. Это и так было генетическим чудом, что пушистики вообще еще сохранились. И даже если бы в лесу было полно пушистиков, они, с их чувствительностью к ультразвуковому диапазону, должны были слышать вибрацию антигравитационного поля аэрокара и прятались прежде, чем их можно было бы заметить.

— Мы можем поискать еще гарпий, — прежде чем поступить в ЗСОА, полицейский Арт Парнаби пас вельдбизонов на континенте Дельта, так что его не нужно было учить недолюбливать гарпий. — Слышь, парень, а ты неплохо разнес ее на куски!

Здесь гарпии попадались редко. На континенте Бета их вообще почти повывели. Они совсем исчезли в тех районах юга, где разводили крупный рогатый скот. Компания прогнала или перестреляла их вдоль Большого Черноводья, а теперь на территории резервации за них взялись ЗСОА.

Герд полагал, что он, как натуралист, должен сожалеть о вымирании любого вида живых существ, но он не мог представить себе вид, более заслуживающий вымирания, чем «псевдоптеродактиль гарпия заратуштрианская». Наверно, у гарпий было свое место в общей экологической цепочке — свое место есть у всех. Например, они могли быть уборщиками падали, хотя предпочитали только что убитую добычу. Возможно, они могли уничтожать слабых или больных животных других видов, хотя пастухи — хотя бы тот же Арт Парнаби — утверждали, что нет такой гарпии, которая станет возиться с больной коровой, если у нее есть возможность ухватить здорового упитанного теленка.

— Интересно, это не та же самая компания, которую видели вы с Джеком в тот раз, когда нашли солнечники? — сказал Парнаби.

— Может, и та. В той группе было восемь пушистиков, и в этой, похоже, столько же. Правда, это было в двух сотнях миль к северу отсюда, но с тех пор уже прошло три недели.

Аэрокар спустился ниже. Над Желтой рекой они шли на высоте двухсот футов. Здесь река была широкой и медлительной, с отмелями и песчаными берегами. Герд увидел несколько

кустов с наполовину увядшей листвой; Грего со своей компанией повыдергивал их в каньоне неделю назад, и их все еще несло по течению. С обеих сторон в реку впадали притоки. Некоторые из них были достаточно велики, чтобы стать преградой для пушистиков. Пушистики плавают довольно хорошо — Герд сам видел, как они переправляются через речку, держась за какую-нибудь плавучую деревяшку, — но не любят этого занятия и не пускаются вплавь без крайней необходимости. Обычно они идут вдоль ручья до тех пор, пока он не станет достаточно узким, чтобы его можно было перейти вброд.

Они видели множество животных — изящных существ, похожих на трехрогих оленей. Их существовало около дюжины видов, но всех их без разбора называли заразайцами. Пушистики называли всех этих животных такку. Однажды Герд видел крупную трехрогую чертову скотину, которую пушистики называют хешназза. Он успел отснять несколько кадров, прежде чем зверь заметил аэрокар и сбежал. Это было несчастное создание; первоначально оно было травоядным, потом приобрело вкус к мясу, но не могло добывать достаточно пищи, чтобы ее хватало для поддержания этой огромной туши, и

ему приходилось добирать необходимое за счет молодой листвы и побегов. И вообще зоология этой планеты была чокнутой. За это Герд и любил Заратуштру.

Они добрались до того места, где Озерная река впадала в Желтую. Устье было гораздо шире, чем сам его поток. Озерная река текла почти точно с юга, в то время как Желтая река текла с востока. Между ними не было никаких отмелей. Поток был стремительным, и вода пенилась вокруг голых скал. На горизонте виднелась стена Границы. Под конец патрульные уже могли разглядеть утесы каньона. Впереди виднелась кружащая в небе точка, но то была не гарпия. Это был один из топографических аэрокаров ЛКЗ, который занимался аэрофотосъемками, радарными промерами и сканированием. Герд посмотрел на часы. Почти 17:00. Скоро время пить коктейль. Герду хотелось узнать, сколько пушистиков встретил лейтенант Бьорнсен к югу от Границы и сколько гарпий он подстрелил.

6

Всю дорогу из Хоксу-Митто пушистики были возбуждены: Папа Джек взял их с собой в Место Больших Домов. К тому времени как на горизонте появился Мэллори-порт, высокие здания, темнеющие на фоне леса, все пушистики уже визжали от восторга, а некоторые даже позабыли, что должны разговаривать как Большие. Они прошли над городом на высоте пять тысяч футов, и машина заскользила вниз. Маленький Пушистик узнал здание Компании.

— Смотйите! Место Алмаза! Папа Джек, мы пойдем туда, увидим Алмаза и Папу Вика?

— Нет, мы пойдем в место Папы Бена, — ответил Холлоуэй. — Папа Вик и Алмаз придут туда. Будет большая вечеринка, туда придут все: Папа Бен, Флора, Фаун, Папа Вик, Алмаз… — Все пушистики принялись наперебой добавлять имена друзей, которых они ожидали увидеть. — Смотрите, — Холлоуэй показал направо, на здание Верховного суда. — Вы знаете это место?

Они знали. Это было Большая Комната Говорить-Место. Они там немало позабавились, по

третьему кругу проходя судебное испытание. Холлоуэй до сих пор смеялся, вспоминая об этом. Автолет сделал круг над Домом Правительства. В отличие от остальных официальных зданий Мэллори-порта, оно раскинулось вширь, а не тянулось ввысь. Крыша Дома Правительства была сделана в форме террасы, а вокруг виднелся парк. Толпа пушистиков и людей рассыпалась по северной лужайке в непринужденной обстановке вечеринки на свежем воздухе. Потом автолет приземлился, и пушистики стали выпрыгивать наружу, как только было убрано антигравитационное поле.

Одна из групп собралась у подножия северного эскалатора. Большинство из них принадлежали к маленькому народцу с золотистым мехом — Флора и Фаун Бена Рейнсфорда, Алмаз Виктора Грего, Пьеро и Коломбина мистера Пендарвиса и еще пять пушистиков, которых звали Аллан Пинкертон, Арсен Люпен, Шерлок Холмс, Ирен Адлер и Мата Хари. Они были членами детективного бюро Компании, и они же были исправившимися преступниками. По крайней мере, все они были арестованы при попытке обчистить сокровищницу Компании и стали живым доказательством преступной деятельности шайки людей, сделав-

ших из них грабителей.

Среди пушистиков стояли высокая девушка с медно-рыжими волосами и смуглокожий мужчина, чей изящный фрак слегка оттопыривался слева под мышкой. Это был Ахмед Хадра, детектив-капитан из отдела расследований Сил по охране аборигенов. Девушка была Сандра Гленн, ухаживавшая за пушистиками Виктора Грего. Похоже, Грего скоро придется уступить ее Хадре — если, конечно, солнечник на левой руке девушки что-то значит.

Пушистики Холлоуэя понеслись по эскалатору, торопясь поприветствовать остальных. Холлоуэй ухитрился пробраться через толпу к Ахмеду и Сандре и перекинуться с ними несколькими словами, прежде чем на них обрушились пушистики. Алмаз, Флора, Фаун и другие принялись дергать Холлоуэя за штанины, желая, чтобы он обратил на них внимание, а пушистики Холлоуэя стали теребить Дядю Ахмеда и Тетю Сандру. Холлоуэй присел на корточки и принялся здороваться с пушистиками и гладить их. Беби проворно вскарабкался на плечо Ахмеду. По крайней мере, его уже удалось научить не усаживаться людям на голову, как раньше иногда бывало. Посреди болтающих пушистиков, которые все поголовно

желали, чтобы с ними разговаривали, Холлоуэй все же ухитрился продолжить разговор с Ахмедом и Сандрой — в основном о Клубе пушистиков, которым Сандра заведовала.

— Это будет просто одна большая непрерывная вечеринка пушистиков, — сказала Сандра. — Надеюсь, нам не слишком это надоест.

Идея принадлежала Виктору Грего. Он выделил деньги и отдал под это дело нижний этаж одного из зданий Компании и прилегающий к нему парк. Люди, принявшие пушистиков в семьи, не могли заниматься только ими одними, да и самим пушистикам, живущим в человеческих семьях, хотелось поболтать и поиграть с себе подобными. Клуб пушистиков должен был стать тем местом, где они могли собираться, и при этом за ними можно было присматривать, чтобы они не озорничали и не причиняли никакого вреда.

— Когда торжественное открытие? Я обязательно на него приду.

— О, через несколько недель. После того, как мы с Ахмедом поженимся. Нам все еще очень многое нужно организовать, и я хочу, чтобы девушка, которая займет мое место при Алмазе, получше познакомилась с ним, а он с ней, прежде чем я уйду, и ей придется справляться с Алмазом в

одиночку.

— С тобой трудно справиться? — спросил Холлоуэй у Алмаза, взъерошил его мех, а потом снова пригладил.

— На самом деле нет. Он очень хороший. Просто нужно, чтобы эта девушка побольше о нем узнала, вот и все. Алмаз очень помогает нам с Клубом пушистиков, дает всяческие советы, иногда просто блестящие.

Алмаз разговаривал с Маленьким Пушистиком и с другими об этом новом месте для пушистиков. Пять бывших похитителей драгоценностей сняли Беби с Хадры и устроили вокруг него великую суматоху, к гордости и удовольствию Мамули. Ко-Ко, Золушка, Майк и Мицци отправились на прогулку с Пьеро и Коломбиной. Маленький Пушистик дергал Холлоуэя за штаны.

— Папа Джек! Можно Маленькому Пушистику пойти с Фло'ой и Фауном? — спросил он.

— Ну конечно. Беги и играй. Папа Джек пойдет поговорит с другими Большими, — Холлоуэй повернулся к Сандре и Ахмеду: — Ваше семейство не хочет коктель-пить?

— Мы уже, — сказал Ахмед.

— Нам надо будет скоро позаботиться об обеде для пушистиков, — добавила Сандра.

Холлоуэй сказал, что в таком случае пойдет посмотрит, что тут делается, и, набивая трубку, неспешно двинулся через толпу, окружающую робота-бармена. Алмаз составил ему компанию. Правда, пушистик большей частью забегал вперед и ждал, пока Холлоуэй его догонит. И почему это Большие всегда еле тащатся? Вокруг творился форменный кавардак. В поле зрения Холлоуэя появились три пушистика, дующие в рога. За ними гуськом двигались три тачки. Каждую из них толкал один пушистик, еще по одному сидело в каждой тачке, а остальные бегали вокруг.

— Смотри, Папа Джек! Тачки! — воскликнул Алмаз. — Папа Бен дал. Иг'ушка. Дядя Ахмед, Тетя Санд'а, у них будут тачки в новом месте для пушистиков.

Процессия продвинулась на сотню ярдов, остановилась и смешалась в кучу. Пушистики вытряхнули тех, кто катался, посадили новых, сменили тех, кто толкал тачки, и кавалькада двинулась дальше.

— Правильные ребята, — произнес кто-то рядом с Холлоуэем. — Катаются по очереди.

Эти слова принадлежали Иву Джаниверу, помощнику судьи, мужчине с седыми волосами и бросающимися в глаза черными усами. Он сейчас

возглавлял Суд по делам аборигенов. Одним из его спутников был рослый краснощекий Клайд Гэррик, главный кассир мэллорипортского банка. Второй, пожилой, худощавый, с челкой светлых волос, выбивающихся из-под черного берета, был Генри Стенсон, изобретатель. Холлоуэй поздоровался с ними и пожал им руки.

— Те трое, что только что спрыгнули, были мои, — сказал Стенсон.

Он позаимствовал их в Бюро опекунства, чтобы провести испытания преобразователей голоса, которые они изобрели вместе с Грего. Потом пушистики отказались возвращаться, и Стенсону пришлось их принять, а уж они его приняли сразу. Его пушистиков звали Микровольт, Рентген и Ангстрем. Ну и странные же имена некоторые люди дают пушистикам! Холлоуэй спросил, как они добрались.

— О, они прекрасно провели время, мистер Холлоуэй, — рассмеялся Стенсон. — Я отвлек их, поручив каждому какую-нибудь работу, чтобы они не лезли мне под руку. Каждый хотел помогать другому выполнить его работу. Я никогда не видел никого, кто так же любил бы помогать, как пушистики. Знаете, — добавил Стенсон, — они таки действительно мне помогают. У них зрение,

как у микроскопа, и очень ловкие руки. — В устах Генри Стенсона эти слова были высшей оценкой. — Они ведь маленький народец и живут в меньших масштабах, чем мы. Если бы только их интереса хватало на более долгий срок! Когда они берутся за что-то, не стоит ожидать, что они непременно доведут дело до конца.

— Конечно, нет, если им надоело. К тому же они не понимают, чего от них хотят и почему.

— Да, не понимают, — согласился Стенсон. — Объяснить пушистику, что такое детектор масс или счетчик радиации... — Он ненадолго задумался. — Я, наверно, начну учить их ювелирному делу. Им нравятся красивые вещи, и из них могут получиться отменные ювелиры.

Это была неплохая идея. Где-нибудь через год можно будет провести выставку искусства и ремесел пушистиков. Нужно будет обсудить это с Гердом и с Рут. Ну, и с Маленьким Пушистиком и Доктором Криппеном тоже, конечно.

Мимо пронесся десяток пушистиков — пятерка детективов, Мамуля, за которой несся Беби, и еще несколько других, которых Холлоуэй вроде должен был знать, но не мог вспомнить. В этом водовороте кружился большой красно-желтый мяч. Алмаз увязался за ними.

— Почему бы вам не научить их каким-нибудь играм с мячом, Джек? — спросил Клайд Гэррик. Он был спортсменом-любителем. — Например, футболу. Пушистики, играющие в футбол, — на это стоит посмотреть. — Пушистик, на которого катился мяч, перепрыгнул через него и упал на того, кто пнул мяч. — Или баскетбол — видели, как он только что прыгнул? Хотелось бы мне собрать команду из человеческих детей, которые могли бы так прыгать.

Холлоуэй покачал головой:

— Некоторые морские пехотинцы в Хоксу-Митто пытались научить пушистиков играть в футбол, — сказал он. — Из этого ничего не вышло. Они не видят смысла в правилах и не понимают, почему нельзя играть за обе команды одновременно. Если пушистик видит, что кто-то что-то делает, ему тут же хочется начать помогать.

Гэррик был шокирован. Он считал, что людей, не имеющих духа соперничества, вообще вряд ли можно называть людьми. Стенсон кивнул.

— Вот про это я и говорю. Они хотят помогать всем. Их может заинтересовать только такой вид спорта, в котором одиночка соревнуется сам с собой. Если вы научите пушистика чему-нибудь новому, он не успокоится, пока не сумеет сделать

то же самое, но лучше.

— Стрельба из винтовки, — неохотно проворчал Гэррик. Он не считал стрельбу спортом. По крайней мере, не атлетическим спортом. — Я знаю стрелков, которые заявляют, что стрельба в одиночку привлекает их не меньше соревнований.

— Не знаю, не знаю. Пушистику понадобится очень маленькое ружье и очень маленькие заряды. Ну подумайте, они же сами весят пятнадцать — двадцать фунтов. Отдача калибра 0,22 будет для пушистика такой же увесистой, как для меня от моего 12,7. Но насчет стрельбы — это хорошая мысль. Мы учим их делать луки и стрелы и стрелять. Вы, наверное, удивитесь: большинство пушистиков способны натянуть двадцатифунтовый лук — для них это то же самое, что стофунтовый лук для человека.

— Ого! — Гэррик посмотрел на водоворот золотистых тел вокруг разноцветного мяча. Существо, которое весит так мало и при этом способно натянуть двадцатифунтовый лук, заслуживает уважения, вне зависимости от наличия или отсутствия у него командного духа. — Вот что я вам еще скажу, Джек. Я объявлю розыгрыш кубков при региональных соревнованиях стрелков и

при отборочных соревнованиях мирового чемпионата, и можно будет начинать проводить турниры и организовывать команды. А через год мы сможем провести соревнование на звание чемпиона мира.

А что любой пушистик сделает с выигранным кубком!

— Но что мне на самом деле хотелось бы увидеть, — продолжал Гэррик, — так это настоящую, живую футбольную лигу пушистиков. Как вы думаете, не могли бы вы их заинтересовать?

Нет. И это чертовски хорошо. Если устроить футбол «для пушистиков, вокруг тотчас организуется тотализатор. А насколько Джек знает Народ, любой из них способен проиграть игру ради кусочка ПР-3. И любой в обеих командах согласится сделать то, о чем попросит какой-нибудь Большой, просто затем, чтобы помочь. Нет, не надо нам такого футбола.

Во время разговора Холлоуэй продолжал пробираться через толпу поближе к роботу-бармену. Ив Джанивер, стакан которого был пуст, оказывал Джеку активное содействие в этом. Как только они приблизились на достаточное расстояние, Холлоуэй с судьей потребовали выпивки. Джек как раз запасался питьем, когда с ним поздоро-

валась Клодетт Пендарвис и спросила, давно ли он прибыл.

— Да только что. Я видел ваших пушистиков — они унеслись куда-то вместе с некоторыми из моих, — сказал Холлоуэй. — А судья еще здесь?

Нет, судьи здесь уже не было. Клодетт спросила у Джанивер, не знает ли он, где сейчас находится верховный судья. В зале, на совещании — он. Гас Браннард и еще некоторые юристы. Пендарвис и Браннард должны появиться немного попозже. Мистер Пендарвис хотел бы знать, может ли он посетить Бюро опекунства, пока он находится в городе.

— Конечно, миссис Пендарвис. Завтра утром вас устроит?

Завтрашнее утро их вполне устраивало. Холлоуэй спросил, как идут дела. Клодетт сказала, что желающих взять пушистиков в семью стало меньше. Пожалуй, Холлоуэй этого и ожидал.

— Но зато больница хочет взять побольше пушистиков, чтобы они развлекали пациентов. У них уже есть несколько пушистиков, но они хотят побольше. Доктор Маллин говорит, что они очень хорошо влияют на некоторых психических больных.

— Ну и в школах мы можем использовать их

более широко, — присоединившаяся к разговору женщина была миссис Хоквуд, заведующая детским садом и начальной школой. — У нас уже есть пара пушистиков в подготовительных классах. Вы знаете, что пушистики действительно учатся вместе с детьми?

Эти дети должны быть в возрасте от четырех до шести лет. Да, Холлоуэй вполне мог в это поверить.

— А почему только в подготовительных классах, миссис Хоквуд? — спросил Холлоуэй. — Переведите их в класс, который учит буквы, и увидите, как быстро пушистики их выучат. Могу поспорить, что они выучат их быстрее, чем шестилетние дети людей.

— То есть вы предлагаете научить пушистиков читать?

Эта идея никогда прежде не приходила Холлоуэю в голову и теперь показалась ему весьма любопытной. Очевидно, миссис Хоквуд она тоже не приходила, и теперь Холлоуэй мог наблюдать за ходом ее размышлений, отражавшимся у нее на лице. Научить пушистиков читать? Но это нелепо, читать могут только люди. Но пушистики тоже люди — их официально признали разумными существами. Но все же они — пушистики, они

не такие. Но тогда…

В этот момент появился Бен Рейнсфорд, извинился за то, что не поздоровался с ним раньше, и спросил, прибыло ли его семейство вместе с ним. Разговаривая с Рейнсфордом, Холлоуэй увидел приближающихся Гаса Браннарда и верховного судью Пендарвиса. Верховный судья взял бокал вина для себя и коктейль для жены; они отошли вместе. Браннард — большой, бородатый, представительный и одетый, несмотря на дотошный судейский протокол, в охотничий костюм, взял стакан с неразбавленным виски. Подошли и включились в разговор Виктор Грего и Лесли Кумбс. Потом кто-то утащил Рейнсфорда в сторону, чтобы поговорить с ним.

Вот в чем проблема подобных вечеринок — всех видишь и ни с кем не можешь поговорить. Теперь и в Хоксу-Митто по вечерам творилось почти такое же безобразие. Краем глаза Холлоуэй заметил, что миссис Хоквуд направляется к Эрнсту Маллину. Маллин был большим авторитетом в области психологии пушистиков; если Маллин скажет, что пушистиков можно научить читать, миссис Хоквуд в это поверит. Холлоуэю и самому хотелось поговорить с Эрнстом — и об этом, и о многих других вещах, но не посреди такого

балагана.

Мимо прошествовал парад тачек, помедленнее и не так шумно. Чуть позже компания, гонявшая мяч, отправилась толкать тачки. Беби запрыгнул в одну и перевернул ее. У пушистиков начался обеденный перерыв, и они оттащили все игрушки туда, откуда взяли. Холлоуэю понравилась идея о присутствии пушистиков в школах для человеческих детей — это может оказать на них цивилизующее влияние. Через некоторое время пушистики вернулись обратно, болтая о еде.

Для Больших тоже наступило время перекусить. Их пришлось собирать вместе дольше, чем пушистиков, и потом они, разумеется, застряли на верхней веранде, где Сандра Гленн, Ахмед Хадра и персонал Дома Правительства организовали для пушистиков шведский стол. Еда стояла на большом вращающемся столе. Пушистики сочли это очень забавным. Смотревшие на них люди тоже. Наконец люди отправились в обеденный зал. Поскольку не все гости явились с дамами, разбить присутствующих попарно, подобно пассажирам ковчега, не представлялось возможным. Джека Холлоуэя посадили между Беном Рейнсфордом и Лесли Кумбсом, напротив Виктора Грего и Гаса Браннарда.

К тому времени как роботы-официанты убрали пустые тарелки из-под десерта и принесли кофе и ликеры, пушистики начали просачиваться в зал. Они уже давным-давно управились со своим обедом. Начало темнеть, и пушистики хотели находиться там же, где и Большие. Винить их за это было трудно — ведь это была их вечеринка, не так ли? Они вошли робко, словно благовоспитанные дети, следя, чтобы ни к чему не прикасаться, и поздоровались с людьми.

Алмаз подошел к Грего. Грего погладил пушистика и посадил его на край стола. Рейнсфорд отодвинул свой стул назад, и Флора с Фауном вскарабкались ему на колени. На Гаса Браннарда карабкалось сразу четверо или пятеро. Маленький Пушистик тоже захотел сесть на стол, после чего проворно расстегнул сумку, вытащил свою маленькую трубку и закурил. Несколько пушистиков подошли к Лесли Кумбсу с просьбой: «Дядя Лесси, пожалуйста, дай заку'ить», — и Кумбс зажег для них сигареты. Кумбсу нравились пушистики, и он обращался с ними так же серьезно и вежливо, как со своими друзьями-людьми, но не любил, чтобы пушистики забирались ему на руки, и те об этом знали.

— Бен, давай подпишем эти соглашения, — ска-

зал Грего. — Потом мы сможем уделить малышам побольше внимания.

— И где же мы будем их подписывать — в твоем офисе? — спросил у Рейнсфорда Холлоуэй.

— Нет, подпишем их прямо здесь, на столе, чтобы все могли видеть. Ведь вечеринка проводится именно по этому поводу, разве не так? — сказал Рейнсфорд.

Они очистили место на столе для генерал-губернатора, ссадив пушистиков на пол или передав их тем, кто сидел по другую сторону. Были принесены бумаги, по три копии каждого соглашения. Рейнсфорд передал бумаги одному из своих секретарей, чтобы тот зачитал их вслух. Первым было общее соглашение, по которому колониальное правительство соглашалось передать в аренду сроком на девятьсот девяносто девять лет лимитированной компании «Заратуштра» все незаселенные государственные земли, кроме района на континенте Бета, отведенного под резервацию пушистиков. В обмен на это лимитированная компания «Заратуштра» согласна продолжать выполнять все те невыгодные общественные работы, которые прежде выполняла лицензированная компания «Заратуштра», и, в дополнение к этому, основать научный центр,

который будет заниматься исследованием расы, известной как «пушистик разумный заратуштрианский», ради благосостояния этой расы. Кроме северной части континента Бета, новая Компания получала обратно как арендатор все, что по Решению Пендарвиса потеряла как собственник.

Сперва документ был подписан Рейнсфордом и Грего, потом — Гасом Браннардом и Лесли Кумбсом как соответчиками, потом несколькими свидетелями, выбранными наугад из числа присутствующих. После этого соглашение о Каньоне Желтого Песка могло считаться вступившим в силу. Холлоуэй как специальный уполномоченный по делам аборигенов имел к этому делу большой интерес. Компания получала в аренду — также на девятьсот девяносто девять лет — участок площадью в пятьдесят квадратных миль вокруг Каньона Желтого Песка, с правом добычи полезных ископаемых, строительства зданий и вывоза с этого участка добытых солнечников и других минералов. Правительство соглашалось передать Компании в аренду и другие участки земли, при условии, что это разрешит комиссия по делам аборигенов, и обязалось не сдавать в аренду земель из резервации пушистиков без согласия Компании. Компания обязалась платить

проценты с дохода от продажи всех добытых солнечников в размере четырехсот пятидесяти солов с каждого карата, причем оговаривалось, что эти деньги должны поступать колониальному правительству и употребляться на нужды пушистиков; деньги полагалось класть в банк, а проценты должны были идти правительству на административные расходы. Ну что ж, это соглашение давало правительству немалую прибыль, делало пушистиков богатыми, а лимитированная компания «Заратуштра» получала куда больше, чем потеряла компания лицензированная. Так что это было выгодно всем.

Рейнсфорд, Грего, Гас и Лесли Кумбс подписали соглашение, потом свою подпись поставил Джек Холлоуэй как специальный уполномоченный по делам аборигенов, а потом — полдюжины свидетелей.

— А как насчет того, чтобы кто-нибудь из пушистиков тоже поставил подпись? — спросил Грего, осматривая толпу пушистиков, которые взобрались на стол, чтобы получше видеть, что это там делают Большие. — Это их резервация и их солнечники.

— Но, Виктор, — попытался возразить Кумбс, — они не могут это подписать. Они — аборигены,

они ничего в этом не смыслят и по закону приравниваются к несовершеннолетним. И, кроме того, они не умеют писать. По крайней мере, пока не умеют.

— Они могут поставить отпечатки пальцев рядом со своими именами, как это делают неграмотные люди, — сказал Гас Браннард. — И они могут поставить подписи в качестве дополнительных свидетелей. Ни в качестве аборигенов, ни в качестве несовершеннолетних они не лишены права свидетельствовать о вещах, касающихся их личного опыта или наблюдений. Я собираюсь приговорить Лео Такстера, Ивинсов и Фила Новиса к расстрелу на основании показаний пушистиков.

— Генеральный судья Пендарвис, выскажите, пожалуйста, свое мнение по этому поводу, — сказал Лесли Кумбс. — Я не против, чтобы несколько пушистиков поставили свои подписи под соглашением, если это не лишит документ законной силы.

— Ни в коем случае, мистер Кумбс, — произнес Пендарвис. — По крайней мере, я полагаю, что это не причинит никакого вреда. А вы как считаете, судья Джанивер?

— Конечно, они могут быть свидетелями, — со-

гласился Джанивер. — Пушистики присутствуют здесь и могут засвидетельствовать то, что сами видели.

— Я думаю, — сказал Пендарвис, — что нужно объяснить пушистикам, для чего ставятся эти подписи.

— Мистер Браннард, не хотите ли попытаться? — спросил Кумбс. — Вы можете объяснить теорию земельной собственности, права на пользование земельными недрами и договорные обязательства в терминах, доступных пониманию пушистиков?

— Джек, попробуй лучше ты. Ты больше меня знаешь о пушистиках, — сказал Браннард.

— Ну ладно, я могу попробовать.

Холлоуэй повернулся к Алмазу, Маленькому Пушистику, Мамуле и еще нескольким, сидящим поближе к нему.

— Большие делают имена-знаки на бумаге, — сказал он. — Это значит, что Большие пойдут в лес — в то место, откуда пришли пушистики, — копать ямы, доставать камни, продавать их другим Большим. Потом они получат хорошие вещи, отдадут их пушистикам. Сделают имена-знаки на бумаге для пушистиков, пушистики сделают пальцы-знаки.

— Зачем делать пальцы-знаки? — спросил Маленький Пушистик. — Чтобы получить диски? — он прикоснулся к серебряному диску, висевшему у него на шее.

— Нет, просто делать пальцы-знаки. Потом, если кто-то спросит, пушистики скажут: да, мы видели, как Большие делали имена-знаки.

— Но зачем? — Алмазу хотелось все понять. — Большие дают пушистикам хоешие вещи уже сейчас.

— Это такая иг'а у Больших, — сказала Флора. — Папа Бен иг'ает в это все вьемя, делает имена-знаки на бумаге.

— Совершенно верно, — сказал Браннард. — Большие так играют. Очень большая игра. Большие называть ее Закон. А теперь смотрите, что будет делать Дядя Гас.

7

— Ну что ж, я был не прав, — сказал Гас Браннард. — Я очень рад признать свою ошибку. Я получил несколько докладов из разных мест, и мнение издателей одинаково благоприятное.

Лесли Кумбс на экране кивнул. Он находился у себя в квартире, в библиотеке. На столе перед ним располагалась чашка с кофе, груда бумаг и листы с распечатками.

— Конечно, мнение издателей еще не означает выигранных выборов, но доклады, поступающие из низов, тоже благоприятны. Все вдет так же, как всегда, а это именно то, чего желает большинство людей. Новости должны принести нам дополнительные голоса, вместо того чтобы лишить их. Ведь люди Хьюго Ингерманна распускали слухи, будто все будут разорены налогами, для того, чтобы пушистики жили в роскоши, например… А теперь оказалось, что пушистиков будет содержать правительство.

— Виктор еще в городе?

— Нет. Он отправился в Каньон Желтого Песка еще до рассвета. Он всю последнюю неделю занят

тем, что перебрасывает в каньон людей и оборудование с Большого Черноводья. Возможно, в данный момент они уже начали долбить породу, чтобы добраться до солнечников.

Браннард засмеялся. Ну точно тебе мальчишка, которому подарили новое ружье — не терпится его испытать.

— А Алмаза он тоже взял с собой, я полагаю?

Грего никогда не расставался со своим пушистиком.

— Ну что ж, почему бы вам не зайти в Дом Правительства на коктейль? Джек сейчас в городе. Мы сможем наконец спокойно поговорить, чтобы нас не перебивали все кому не лень, и люди, и прочие разумные, как вчера вечером.

Кумбс ответил, что будет очень рад. Они поговорили еще несколько минут, потом сеанс связи закончился, но тут же снова зазвучал зуммер. Когда Браннард нажал на кнопку приема, на экране появилось лицо его секретарши, причем выражение лица было таким, словно девушка обнаружила у себя на столе сдохшую неделю назад змею.

— Достопочтенный — технически, конечно, — Хьюго Ингерманн, — сказала секретарша. — Он уже десять минут пытается добраться до вас.

— Ладно, раз уж это мой долг, попытаюсь с ним разобраться, — ответил Браннард. — Соедините меня с ним, — и Гас включил записывающее устройство.

Экран замигал, потом очистился, и на нем появилось полное, ухоженное лицо, дружелюбное и искреннее, с невинно распахнутыми голубыми глазами. Лицо человека, которому доверился бы любой — если не был знаком с его обладателем поближе.

— Доброе утро, мистер Браннард.

— Утро действительно доброе, мистер Ингерманн. Чем могу быть вам полезен? Кроме отмены смертного приговора, конечно.

— О, я полагаю, что это я могу быть вам полезен, мистер Браннард, — Ингерманн сиял, как директор сиротского приюта рождественским утром. — Как вы посмотрите на признание своей вины со стороны Лео Такстера, Конрада и Розы Ивинсов и Фила Новиса?

— Я не могу принимать это во внимание. Вы знаете, что признание вины по основному обвинению недопустимо.

Несколько мгновений Ингерманн смотрел на Браннарда в притворном изумлении, потом рассмеялся:

— По этим нелепым обвинениям? Нет, мои клиенты признают свою вину по приличному и законному обвинению первой степени в грабеже, хищении и преступном сговоре. Это, конечно, в том случае, если правительство согласится снять свои смехотворные обвинения в совращении и порабощении.

Браннард сдержал искреннее желание спросить у Ингерманна, в своем ли он уме. Хьюго Ингерманн был кем угодно, но не сумасшедшим. Вместо этого Гас поинтересовался:

— Вы считаете меня слабоумным, мистер Ингерманн?

— Я надеюсь, что вы достаточно разумны, чтобы увидеть выгоду моего предложения, — ответил Ингерманн.

— Ну что ж, как ни жаль, но я ее не вижу. Выгоду для ваших клиентов — да; для них это разница между двадцатью годами заключения и пулей десятого калибра в затылок. Но боюсь, что выгода для колонии куда менее очевидна.

— Ничуть не менее. Вы не сможете доказать эти обвинения, и вы об этом знаете. Я даю вам возможность сорваться с крючка.

— Это очень мило с вашей стороны, мистер Ингерманн. Но боюсь, что я не могу принять данного

предложения, продиктованного вашей исключительной добротой. Вам придется опровергать эти обвинения в суде.

— Вы думаете, я не смогу их опровергнуть? — Теперь Ингерманн всем своим видом выражал презрение. — Вы предъявляете моим клиентам обвинение в совращении, если я правильно понял? Вы отлично знаете, что, когда мы имеем дело со взрослыми, о совращении речи идти не может. А вам не хуже меня известно, что пушистики являются взрослыми.

— С юридической точки зрения они приравнены к детям.

— Они приравнены к детям по постановлению суда. Это постановление не только противоречит физическому факту, но также является вопиющей узурпацией законодательной власти судом и, следовательно, неконституционно. И потому я намерен его оспорить.

Но ведь это дохлое дело! Правительство может допустить, чтобы это постановление было оспорено. Ведь в этом случае… А! Видимо, на это он и рассчитывает. Браннард пожал плечами:

— Мы можем и не настаивать на том, что ваши клиенты повинны в совращении. Вполне довольно доказанного обвинения в порабощении. В

этом хорошая сторона смертной казни — Никого не нужно расстреливать больше одного раза.

Ингерманн презрительно рассмеялся:

— Вы думаете, что можете погубить моих клиентов ложным обвинением в порабощении? Эти пушистики были не рабами, а сообщниками.

— Их напоили допьяна, в этом состоянии вывезли из места обитания, лишили их свободы перемещения, вынуждали выполнять определенную работу, а за неудачу наказывали заключением в карцер, голодом и пытками электрошоком. Если это не соответствует классическому описанию условий порабощения, то мне хотелось бы услышать, как это еще можно назвать.

— И что, пушистики обвиняют моих клиентов в этих преступлениях? — спросил Ингерманн. — И проверка на детекторе лжи показала разницу между правдивыми и лживыми заявлениями пушистиков?

Нет, пушистики не выдвигали обвинений, и в этом заключалась только половина проблемы. Вторая же половина состояла в том, чего Браннард все время боялся.

— Можете не отвечать, я сам вам все скажу, — продолжал Ингерманн. — Они не выдвигали обвинений по той простой причине, что пуши-

стиков невозможно подвергнуть проверке на детекторе лжи. Я получил эти сведения от доктора Эрнста Маллина, главного пушистиколога Виктора Грего. Полиэнцефалографический детектор лжи просто не реагирует на пушистиков. А теперь можете выставлять этих пушистиков против моих клиентов, и посмотрим, что из этого получится.

Это было правдой. Маллин, с его убежденностью в том, что всякая научная информация должна быть опубликована, заявил, что, сколько он ни работал с пушистиками, синий цвет на детекторе ни разу не сменился красным, свидетельствующим о лжи. Кроме того, Маллин заявил, что во время его опытов ни один пушистик ни разу не сказал ни слова лжи, ни под детектором, ни просто так. Но с этим Ингерманн решил не считаться.

— А что касается обвинения в совращении, если вы действительно верите, что пушистики по умственному развитию соответствуют несовершеннолетним, то почему вы сочли нужным, чтобы десяток пушистиков поставили отпечатки пальцев под соглашением об аренде Каньона Желтого Песка? Несовершеннолетние не подписывают подобные документы.

Браннард засмеялся.

— Ну это как раз была просто забава для пушистиков, — сказал он. — Они хотели делать то же самое, что делают Большие.

— Мистер Браннард! — Ингерманн произнес это тоном отца, которому его пятилетний сын только что сообщил, что банда разбойников в черных масках пришла и украла коробку с печеньем. — Вы полагаете, что я действительно в это поверю?

— Меня ни в малейшей степени не волнует, поверите вы в это или нет, мистер Ингерманн. Хотите ли вы сообщить мне еще что-либо?

— А что, этого недостаточно? — поинтересовался Ингерманн. — До суда остается меньше месяца. Если за это время вы измените свое мнение, и если в вас восторжествует благоразумие, — позвоните мне. А пока прощайте.

Обычно пилот автолета Виктора Грего не был безумным… ну разве что только в то время, когда он брался за рычаги управления. Каньон Желтого Песка находился на расстоянии трех часовых поясов к востоку от Мэллори-порта, и когда они прилетели на место, солнце стояло гораздо выше, чем тогда, когда они вылетали. Алмаз тоже это заметил и не преминул высказаться по этому

поводу.

На посадочной площадке, расположенной на крыше здания Дома Правительства, их встретил сержант морской пехоты.

— Мистер Грего! Мистер Кумбс и мистер Бранн-нард сейчас находятся у губернатора, в его кабинете.

— Никто не явится сюда, чтобы попытаться арестовать моего пушистика? — спросил Грего.

Сержант улыбнулся:

— Нет, сэр. Хоть он и обвиняется во веем, кроме космического пиратства, государственной измены и убийства, как и остальные, но начальник полиции Фейн сказал, что не станет арестовывать никого из них, если они завтра явятся в Апелляционный суд.

— Благодарю вас, сержант. Ну что ж, тогда это мне здесь не нужно. — Грего отстегнул пистолет, обмотал ремень вокруг кобуры и бросил пистолет на заднее сиденье автолета, потом поднял Алмаза и посадил его себе на плечо. — Найдите себе занятие на пару часов, — сказал он пилоту. — Но не уходите далеко, чтобы мне не пришлось долго вас искать.

У эскалатора Грего сказал то же самое Алмазу, посмотрел, как тот несется вниз и мчится по

саду в поисках Флоры, Фауна и остальных своих друзей. Потом Виктор вошел в здание и нашел Лесли Кумбса и Гаса Браннарда. Они вместе с Беном Рейнсфордом сидели за овальным столом в малом зале для совещаний. Они обменялись приветствиями, и Грего тоже присел за стол.

— Что за чертовщина здесь творится с этими арестами пушистиков? — сердито спросил Грего. — В чем они обвиняются?

— Они пока что ни в чем не обвиняются, — ответил Браннард. — Хьюго Ингерманн подал начальнику полиции колонии заявление против шестерых пушистиков. Он обвиняет Аллана Пинкертона, Арсена Люпена, Шерлока Холмса, Ирен Адлер и Мату Хари в преступлении первой степени тяжести — в грабеже, в хищении в особо крупных размерах и в преступном сговоре, а Алмаза — в укрывательстве и в соучастии. Но они не считаются обвиняемыми до завтрашнего дня, пока обвинение не будет зачитано в Апелляционном суде.

Апелляционный суд был чем-то наподобие древнего института жюри присяжных — он решал, следует ли начинать по данному делу судебное разбирательство. До тех пор пока обвинение рассматривалось Апелляционным судом,

оно еще не являлось обвинением как таковым.

— Ну ладно, но вы же не допустите, чтобы суд принял это обвинение?

Прежде чем Браннард ответил, в зал вошли Джек Холлоуэй и Эрнст Маллин. Холлоуэй был вне себя, кончики его усов закрутились, а в глазах сверкала дикая ярость. Наверное, именно так он выглядел, когда избил Келлога и застрелил Борха. Эрнст Маллин выглядел потрясенным: он уже был вовлечен в одно судебное дело, связанное с пушистиками, и ему этого хватило по горло. Следом за ними вошли Ахмед Хадра и Фиц Мортлейк, капитан полиции Компании, опекун пяти обвиняемых пушистиков. После взаимных приветствий все расселись вокруг стола.

— Что вы собираетесь делать с этой дрянью? — начал Холлоуэй, едва коснувшись стула. — Вы собираетесь позволить этому кхугхрину сыну выступить с подобным обвинением?

— Если вы имеете в виду это дело с пушистиками, то нет, черт побери, — ответил Браннард. — Они не виноваты ни в чем, и все, включая Ингерманна, об этом знают. Он просто блефует, пытаясь заставить меня снять обвинение в совращении и порабощении, что позволит его клиентам отделаться обвинением в грабеже и

хищении. Он думает, что я боюсь выдвигать эти обвинения — в совращении и порабощении. Он прав — я действительно боюсь. Но я все равно их выдвину.

— Но Боже ж ты мой!.. — взорвался Холлоуэй.

— А что там не в порядке с этими пунктами обвинения?

— Ну, что касается совращения, — начал Браннард. — Этот пункт базируется на том положении, что пушистики приравниваются к человеческим детям, не достигшим десяти — двенадцатилетнего возраста, а это является обратимым мнением суда, а не положением закона. Ингерманн считает, что мы скорее снимем обвинение, чем позволим поставить под сомнение статус пушистиков как несовершеннолетних, поскольку на этом основывается вся политика правительства в отношении пушистиков.

— И вы этого боитесь?

— Конечно, боится, — сказал Кумбс. — И я боюсь, и вы тоже должны этого бояться. Возьмите хотя бы соглашение о Каньоне Желтого Песка. Если для закона пушистики являются несовершеннолетними, то они не могут самостоятельно решать, что делать со своим имуществом. Властью в этом вопросе располагает правительство

как опекун всей расы пушистиков, включая право на сдачу в аренду земель для добычи полезных ископаемых. Но предположим, что пушистики признаны взрослыми аборигенами. Даже аборигены, относящиеся к четвертому классу, имеют право распоряжаться своей собственностью, и, согласно законам Федерации, земляне не могут селиться в землях, «издавна являющихся местом обитания аборигенов четвертого класса», или добывать там полезные ископаемые, в каковые земли входит часть континента Бета севернее Змейки и Малого Черноводья, — включая и Каньон Желтого Песка, — без согласия аборигенов. Согласие, по законам Федерации, должно быть выражено путем голосования полномочного совета племени или позволения признанного вождя племени.

— Но, Господи Иисусе! — Холлоуэй уже почти кричал. — Откуда тут возьмется вся эта чертовщина?! У пушистиков нет племен, только маленькие семейные группы, по полдесятка в каждой. И кто хоть раз слыхал о вождях пушистиков?

— Ну, тогда все нормально, — сказал Грего. — Закон не может требовать исполнения того, что невозможно.

— Это только полдела, Виктор, — сказал Кумбс. — Закон, например, не может требовать, чтобы слепой человек проходил испытания, связанные со зрением. Закон, однако, может сделать и делает прохождение подобных испытаний необходимым условием для позволения управлять антигравитационной машиной. Слепой не может на законных основаниях управлять автолетом. Так что, если мы не получим позволения несуществующего племенного совета пушистиков, мы не сможем добывать солнечники в Каньоне Желтого Песка, ни на основании аренды, ни на каком другом основании.

— Ну что ж, придется вытянуть все, что можно, пока аренду еще не отменили. — Грего уже перебросил людей и оборудование с Большого Черноводья в каньон и соображал теперь, кого еще можно ограбить, чтобы ускорить разработки в Желтых Песках. — У нас еще есть месяц до суда.

— Я заинтересован в этом не меньше вашего, Виктор, — сказал Гас Браннард, — но это еще не все. Дело еще в Бюро опекунства. Если пушистики не являются несовершеннолетними, то их порабощение — или принудительный труд, по крайней мере, — не касается опекунов.

И программы образования и здравоохранения. И хокфусин — раньше или позже какой-нибудь чертов доброжелатель начнет верещать о принудительном лечении. Здесь есть еще одна тонкость. По законам колонии, никто не может быть обвинен в убийстве, если убитый погиб в момент совершения преступления. В качестве несовершеннолетних пушистики не могут быть признаны виновными в совершении преступления. Но если они будут по закону признаны взрослыми…

— Так что ж, выходит, — буквально взвыл Холлоуэй, — кто угодно может в любой момент застрелить пушистика, если увидит, что тот куда-то забрался или…

— Ну предположим, мы снимем обвинение в совращении, — предложил Фиц Мортлейк. — Но второй-то ствол по-прежнему заряжен. Их можно приговорить к расстрелу за порабощение с таким же успехом, как за порабощение и совращение.

— Заряжен, говорите? — переспросил Гас. — Я могу подвергнуть эту шайку допросу — благодарение всем богам и тому человеку, который изобрел детектор *лжи*, закона, запрещающего свидетельствовать против себя, не существует, — но я не могу заставить их говорить. Вы не можете

проделывать на открытом судебном заседании то, что можете себе позволить в глухой комнате полицейского участка. Я готов пытаться добиться осуждения обвиняемых без показаний пушистиков, но я не могу этого гарантировать. Объясните им, доктор Маллин.

— Ну, — Эрнст Маллин откашлялся. — Ну, — повторил он еще раз, — вы все понимаете принцип работы полиэнцефалографического детектора лжи. Вся деятельность мозга сопровождается электромагнитной активностью, проявляющейся в соответствующих колебаниях. Детектор лжи настроен так, что выделяет из волновой структуры только те волны, которые соответствуют подавлению правдивых утверждений и подстановке на их место ложных утверждений, в каковом случае синий цвет шара сменяется красным. Я использовал детектор лжи в ходе психологических экспериментов, проводившихся над некоторыми пушистиками. Я ни разу не видел, чтобы синий цвет сменился красным.

Маллин не стал вдаваться в юридические аспекты данного факта — это уже входило не в его компетенцию, а в компетенцию Гаса Браннарда.

— Все свидетельства в суде, без всякого исключения, должны даваться под детектором лжи,

причем первоначально оператор должен проверить свидетеля, заставив его произнести ряд истинных и ложных утверждений. Если пушистики не могут быть проверены на детекторе лжи, то они и не могут быть свидетелями — точно так же, как слепой не может водить автолет.

— Да, и потому наше дело дрянь, — сказал Ахмед Хадра. — Как же мы сможем преследовать кого-нибудь в судебном порядке за дурное обращение с пушистиком, если пушистик не может свидетельствовать против него?

— Или если кто-нибудь заявит, что принятие пушистика в семью на самом деле является порабощением, — сказал Бен Рейнсфорд. — Например, скажут это насчет Алмаза, или насчет моих Флоры и Фауна. Как мы сможем доказать, что наши пушистики счастливы с нами и не хотят жить в другом месте, если их нельзя проверить на детекторе лжи?

— Погодите минутку. Я, конечно, не специалист, — сказал Грего, — но даже я знаю, что любому обвиняемому дается право защищаться тоже под детектором лжи. А благодаря Хьюго Ингерманну пушистики стали обвиняемыми.

Браннард засмеялся.

— Ингерманн надеется подловить нас на этом, — сказал он. — Он полагает, что Лесли, защищая пушистиков, подвергнет их допросу в Апелляционном суде, так что я оспорю возможность проверки пушистиков на детекторе лжи и воздержусь от использования их свидетельств против его клиентов. Но мы не должны так действовать. Лесли просто будет отрицать их виновность, хотя и признает их дееспособными, и откажется от слушания.

— Но тогда все эти пушистики предстанут перед судом, — возразил Грего.

— Конечно, предстанут, — и генеральный прокурор от души расхохотался. — Помните, что произошло в прошлый раз, когда группа пушистиков получила доступ в суд? Мы просто позволим им действовать так, как это им свойственно, и посмотрим, что останется от утверждения Ингерманна о том, что пушистики являются отвечающими за свои действия взрослыми существами.

— Доктор Маллин, — неожиданно произнес Кумбс. — Вы сказали, что ни разу не видели, чтобы на детекторе лжи зажегся красный свет, когда на нем проверяли пушистиков. А слышали ли вы хоть раз, чтобы пушистик, которого проверяют

на детекторе лжи, сделал ложное заявление?

— Насколько мне известно, мистер Кумбс, я никогда не слышал о пушистике, который при каких бы то ни было обстоятельствах сделал ложное заявление.

— Ага. А в ходе слушания дела «Народ против Келлога и Холлоуэя» вы давали показания, в которых говорилось, что вы провели большую работу по исследованию электроэнцефалографической структуры мозга пушистиков. Так их умственная деятельность сопровождается электромагнитным излучением?

Пожалуй, было бы неплохо, если бы на каждой научной дискуссии присутствовал юрист, просто для того, чтобы ставить все по своим местам. Маллин слегка усмехнулся:

— Совершенно точно, мистер Кумбс. У пушистиков наличествует точно такая же система излучения мозга, как и у людей и у всех прочих известных разумных рас. Но все волны замещения и подавления вызывают изменение цвета в детекторе. Никакой измеряющий инструмент не может работать при отсутствии явлений, наличие которых требуется определить. Пушистики просто не подавляют истинных высказываний и не заменяют их ложными. Попросту говоря, они

не умеют врать.

— Это будет дьявольски трудно доказывать, — сказал Гас Браннард. — Фиц, ты допрашивал пушистиков на детекторе лжи после того, как они лазили в хранилище драгоценностей, так?

— Так. Ахмед и мисс Гленн были переводчиками, а Алмаз им помогал. Детектор лжи был проверен; мы пользовались соответственно уменьшенными электродами и шлемом, изготовленным в ремонтной мастерской Компании. Ни разу ни у одного из них не зажегся красный свет, только синий. Мы приняли эти ответы.

— И я тоже их принял, — сказал Браннард. — Но на суде нам придется продемонстрировать, что детектор изменит цвет, если кто-нибудь из них попытается солгать.

— Нам нужен пушистик, который сумеет соврать при проверке свидетеля, — сказал Кумбс. — Если они не умеют врать, нам придется кого-то из них научить. Мне кажется, что это задача для доктора Маллина. Я буду ему помогать. Джентльмены, никто из вас не коллекционирует парадоксы? Это просто перл — для того чтобы доказать, что пушистики говорят правду, мы должны сперва доказать, что они лгут. Вот за что я люблю юриспруденцию!

Все, кроме Джека Холлоуэя, рассмеялись. Джек сидел, мрачно глядя на крышку стола.

— Получается, что теперь, вдобавок ко всему, нам придется сделать одного из них лжецом, — сказал он. — Хотелось бы мне знать, что мы сделаем из них в конце концов.

8

Впереди был резко обрывающийся склон оврага. Его другая сторона поднималась еще выше и нависала над маленькой течь-водой. Деревьев там было немного, но много больших камней. Пушистики проскальзывали между некоторыми из них и забирались на другие, двигаясь гуськом. Иногда впереди шел Мудрый, а иногда остальные обгоняли его, и Собиратель, и Хромой, и Большая, и Другая, и Пыряло, и Несущая-Блестячки, и Камнелом. Они не охотились — здесь не было ничего, что можно бы было съесть, — но Мудрый видел впереди синее небо над деревьями и слышал журчание другой течь-воды, впадающей в эту.

Мудрый надеялся, что другая течь-вода окажется не слишком глубокой и не слишком быстрой и ее можно будет перейти. В здешних местах, между холмами и горами, было много течь-воды. Место, в котором много течь-воды, — хорошее место, потому что всегда можно напиться, если захочется, и потому, что растений, которые они едят, и животных, на которых они охотятся, всегда больше около воды. Но через течь-воду

часто бывает трудно перейти, и если пойти вдоль одной течь-воды, можно дойти до места, где она впадает в другую, которая может оказаться еще больше. Мудрый знал, что эта течь-вода течет влево от солнца — земля понижалась в ту сторону. Течь-вода всегда течет вниз и никогда — вверх, и меньшая течь-вода впадает в большую. Это разумелось само собой.

А потом овраг внезапно кончился, и они оказались посреди высоких деревьев, и на другой стороне тоже росли деревья, и течь-вода была маленькой, и ее легко было перейти. На другом берегу земля плавно понижалась, а дальше возвышался крутой горный склон. Это наверняка хорошее место, и в нем должно быть много еды. Громко шлепая по воде, они прошли по мелкому перекату и со смехом и криками выбрались на берег, потом растянулись в линию для охоты и пошли между большими деревьями в сторону горы. Здесь росли деревья с коричневыми орехами. Они набрали палок и камней и стали кидать их, чтобы сбить орехи с веток, и Большая закричала:

— Смотрите, орехи уже попадали с дерева. Много-много на земле.

Это действительно было так. Все побежали собирать орехи. Потом собранные орехи клали

на большие камни и били сверху маленьким камнем, чтобы разбить скорлупу и добраться до белого ядрышка. Орехи были вкусные, и их хватило на всех; они ели так быстро, как только успевали раскалывать скорлупу. Тем не менее все были настороже и не забывали смотреть и слушать — в таких местах всегда много опасностей. Звери могут не слыхать их голосов — это тоже само собой разумелось, и они в это верили — но они шумели, раскалывая орехи, а звери, которые охотятся на Народ, могли услышать этот шум и понять, что он означает.

Потому они держали дубинки под рукой, чтобы их можно было сразу схватить, если вдруг придется быстро убегать, а Та-Что-Носит-Блестячки положила вместе со своей дубинкой три палочки, на которые были надеты блестячки. Мудрый подумал, что им не стоит оставаться здесь надолго. Можно остаться на столько времени, чтобы вдоволь наесться орехов, но не дольше. Он начал думать, куда им пойти — вниз по течению или вверх по склону горы. Вниз по течению они могут найти много вкусной еды, но солнце уже давно прошло самую высокую часть пути, а место для логова лучше искать на склоне горы. С другой стороны, эта течь-вода текла в левую сторону от

солнца, а Мудрый именно туда и хотел идти.

Они вот уже много дней неуклонно двигались влево от солнца. Это также само собой разумелось перед временем смены листьев — когда листья становятся бурыми и опадают, по правую сторону от солнца холоднее, по левую — теплее; а Народу больше нравится там, где тепло. Говорят, что далеко по правую сторону от солнца, дальше, чем Мудрый когда-нибудь бывал, становится так холодно, что у маленьких луж стоять-воды от холода делаются твердые края. Сам Мудрый никогда этого не видел, но слышал рассказы других из Народа. Так и получилось, что с того самого дня, когда они увидели годза, убитого шум-громом, и нашли блестячки, они постоянно шли влево от солнца.

Но у самого Мудрого была и другая причина, чтобы идти в эту сторону, и даже более важная. С того момента как он увидел двух Больших внутри леталки, он решил непременно найти Место Больших.

Мудрый не стал говорить об этом другим. Они привыкли идти туда, куда их ведет Мудрый, но, если бы он сказал им, что у него на уме, они подняли бы крик, стали бы возражать, и тогда ничего нельзя было бы сделать. Остальные все еще

боялись летающих Больших, особенно Большая, Собиратель и Камнелом. Мудрый мог это понять. Всегда было хорошо немного бояться того, чего не знаешь, а странный Народ, который передвигался на леталках, делал шум-гром и убивал годза в воздухе, мог быть очень опасным. Но Мудрый был уверен, что это друзья.

Большие убили троих годза, которые угрожали ему и остальным на утесе, где они ели хатта-зосса; Большие смотрели на них сверху и ничего им не сделали; когда же появились годза, они выпустили шум-гром, а потом ушли, оставив три блестячки. А после того как Большие догнали другого годза в своей леталке и убили его, они пролетели прямо над Мудрым и другими пушистиками и должны были их видеть, но не сделали им ничего плохого. Вот после этого Мудрый и решил найти Место Больших и подружиться с ними. Но когда он заговорил об этом со своими спутниками, они все перепугались. Все, кроме Пыряла — он тоже хотел подружиться с Большими, но, когда остальные испугались, он не стал больше говорить об этом.

Это было две руки светлого времени и темного времени назад. С тех пор они четыре раза видели леталки, и всегда они прилетали с левой сторо-

ны от солнца. Мудрый ничего не знал о местах, лежащих в той стороне, но никто никогда не рассказывал, чтобы такие леталки видали в местах по правую руку от солнца. Потому Мудрый был уверен, что если он хочет найти Место Больших, то ему нужно идти влево. Он решил не говорить об этом остальным, а сказал только, что по левую руку от солнца должно быть теплее и что они могут найти там много затку.

Из кустов со стороны воды донесся громкий треск, как будто там быстро бежал большой зверь. Если это правда было так, значит, за ним гнался кто-то еще больший. Мудрый вскочил, схватив в одну руку дубинку, а в другую — камень, которым он разбивал орехи. Остальные тоже повскакивали и были готовы пуститься наутек, и тут прямо на них из кустов выскочил такку.

Такку не были опасны — они ели только растения. Тем не менее Народ не охотился на такку, потому что те были слишком большими и слишком быстроногими, чтобы их можно было поймать. Но следом за такку должен был бежать кто-то еще, который шумел еще сильнее, и этот кто-то мог быть опасным. Мудрый бросил камень перед такку, чтобы зверь свернул и побежал в другую сторону, а не к ним. К удивлению Мудро-

го, камень ударил такку в бок.

— Бросайте камни! — крикнул Мудрый. — Гоните такку прочь!

Остальные поняли его; они похватали камни и принялись швырять их в такку. Один камень ударил зверя в шею. Животное свернуло в сторону, споткнулось, попыталось восстановить равновесие, но тут из кустов выскочил хеш-назза и схватил такку.

Хеш-назза были самыми большими зверями в лесу. У них было по три рога — один, растущий из середины лба, и два, загнутых назад, на нижней челюсти. Народ никакого зверя не боялся сильнее, чем хеш-назза, — разве что годза, который нападает сверху; но даже годза никогда не нападает на хеш-назза, Настигнув такку, хеш-назза ударил его своим передним рогом в плечо. Такку заблеял от боли; хеш-назза ударил его передними ногами, высвободил рог и боднул еще раз.

Гашта не стали задерживаться, чтобы увидеть, что произойдет дальше. Такку все еще блеял, когда они помчались по склону горы. Когда они вскарабкались на склон, блеяние смолкло, а потом раздался громкий рев хеш-назза — он всегда ревет после того, как кого-нибудь убивает. После этого хеш-назза принялся своими нижними ро-

гами вырывать куски мяса такку и поедать его. Мудрый был очень рад, что придумал бросать камни и велел другим тоже их кидать; если бы не это, такку пробежал бы рядом с гашта, а за ним и хеш-назза, и это было бы плохо. Теперь уже не было никакой опасности, но они продолжали лезть вверх по склону, пока не добрались до вершины. Потом все остановились, чтобы перевести дыхание.

— Лучше пусть хеш-назза ест такку, чем нас, — сказал Хромой.

— Большой такку, — заметил Пыряло. — Хеш-назза будет есть долго. Потом спать. На следующее солнечное время будет голодный, будет охотиться опять.

— Хеш-назза не пойдет вверх, — сказала Та-Что-Носит-Блестячки. — Останется у течь-вода, в низком месте.

Она была права: хеш-назза не любили взбираться на крутые склоны. Они оставались у течь-воды и охотились, тихо лежа и поджидая зверей или Народ. Мудрый был рад, что он вместе с остальными не перешел течь-воду выше по течению.

Дневное время все еще продолжалось, но солнце было уже достаточно низко, чтобы можно было начинать думать о поисках хорошего лого-

ва. Вершина горы была большой, и Мудрый не видел ничего, кроме леса — большие деревья, а некоторые из них — ореховые. Это должно быть хорошее место для сна, и после того как солнце выйдет из своего логова, они смогут спуститься по другому склону.

— Пойдем вниз тем путем, которым поднимались, — возразила Большая. В последнее время Большая все время ему возражала. — Хорошее место; ореховые деревья.

— Плохое место; там хеш-назза, — сказал ей Пыряло. — Хешназза немного пройдет вниз по течению и будет ждать. Мы пойдем туда и попадем в живот хеш-назза. Лучше сделать, как сказал Мудрый; Мудрый лучше знает.

— Сперва нужно найти логово на вершине, — сказал Мудрый. — Теперь мы будем охотиться и все должны искать хорошее место для сна.

Остальные согласились. Они увидели, что ореховые деревья растут и здесь; а где ореховые деревья, там и мелкие животные, которые грызут орехи и которых хорошо есть. Гашта могут найти и съесть нескольких. Орехи — это хорошо, но мясо лучше. Там могли быть даже затку.

Они разошлись в разные стороны, окликая друг друга и следя, чтобы их ноги не шумели, ступая

по опавшим листьям. Мудрый думал о такку. Он и еще некоторые ударили его камнями. Можно было бросить камень, достаточно тяжелый для того, чтобы убить хатта-зосса, но такку их камни только напугали. Мудрому хотелось придумать какой-нибудь способ, чтобы Народ мог убить такку. Одного такку хватило бы всем на весь день, и еще можно было бы взять с собой мяса на следующее утро; а из костей такку должны получаться хорошие дубинки.

Мудрому хотелось знать, как Большие делают гром-смерть. То, что может убить годза в воздухе, может убить и такку. И даже хеш-назза! Наверное, Большие не боятся никаких зверей.

Прошла неделя, прежде чем Джек Холлоуэй смог покинуть Мэллори-порт и вернуться в Хоксу-Митто, и за это время новое, постоянное здание офиса было достроено и обставлено. Холлоуэй получил хороший большой кабинет на первом этаже, который, конечно же, уже был завален грудой бумаг, накопившихся за время его отсутствия. Старый барак разобрали, перетащили на другой берег и поставили рядом со зданием школы как дополнительное жилье для пушистиков, которых уже стало четыре сотни. Для пушистиков это было чертовски много.

— И содержать их ужасно дорого, — сказал Джордж Лант. Джордж и Герд ван Рибек, которые вернулись из Каньона Желтого Песка через день после подписания соглашения об аренде, и с ними Панчо Айбарра на следующий день после возвращения зашли к Холлоуэю в его новый офис. — А у нас еще штук сто — сто пятьдесят на выселках, и к тому же надо снабжать хокфусином и ПР-3 семьи, живущие на фермах и на плантациях.

Джордж мог и не говорить ему об этом. Большая часть бумаг, скопившихся на столе у Холлоуэя, относилась к закупке припасов или к их заказам. Еще платежная ведомость комиссии по делам аборигенов: двести пятьдесят солдат и офицеров ЗСОА, исследователи Ахмеда Хадры, техники и строители, канцелярские работники, работники научного бюро Герда ван Рибека, Линн Эндрюс и ее штат медиков…

— Если соглашение относительно Каньона Желтого Песка взлетит на воздух, — подал голос Герд ван Рибек, — у нас будет до черта предназначенных к оплате счетов и никаких денег, чтобы по ним заплатить.

С этим никто не спорил.

— Это на территории резервации пушистиков, — сказал Панчо Айбарра. — Разве не колони-

альное правительство ею управляет?

— Управляет, но не так, как нам это потребуется, если пушистики не будут считаться несовершеннолетними. Контроль правительства над резервацией происходит согласно закону. Это значит, что, если пушистики будут признаны взрослыми, никто не сможет вести добычу солнечников на территории резервации без разрешения пушистиков.

— А отпечатки пальцев под соглашением? — поинтересовался Джордж Лант. — Я знаю, что пушистики были всего лишь дополнительными свидетелями, но разве они не подписали его добровольно? Нельзя ли рассматривать эти подписи как выражение согласия?

Эта мысль уже приходила в голову Гасу Бранарду пару дней назад. Возможно, суд даже признал бы эти подписи таковым согласием. Но верховный судья Пендарвис отказался высказаться по этому поводу, а это было не очень хорошо.

— Ну ладно, давайте получим их согласие, — сказал Герд. — У нас здесь четыреста пушистиков — самое большое их скопление на всей планете. Давайте проведем выборы среди пушистиков. Выберем Маленького Пушистика верховным вождем, выберем еще дюжину вождей помельче,

создадим племенной совет и пусть он разрешит отдать Каньон Желтого Песка в аренду Компании. Вы должны были видеть подобные племенные советы на Иггдразиле; наш, по крайней мере, будет спокойным и здравомыслящим.

— Или на Гимли. Я останавливался там, когда добирался на Заратуштру, — сказал Лант. — Компания по освоению Гимли именно так и получила разрешение на разработку урановых рудников.

— Это не пройдет. Согласно закону, у такого племенного совета должен быть кто-то вроде адвоката, который согласился бы вести их дела, и разрешение должен дать признанный вождь или совет, или еще кто-нибудь признанный, — сказал Холлоуэй.

Воцарилось тягостное молчание. Четверо посмотрели друг на друга. Лант сказал:

— В дело замешаны огромные деньги — так неужели пара хороших законников вроде Гаса Браннарда и Лесли Кумбса не сумеют найти способ как-нибудь обойти этот закон?

— Я не хочу обходить закон, — сказал Холлоуэй. — Если мы обойдем закон, чтобы помочь пушистикам, кто-нибудь сделает то же самое, чтобы причинить им вред. — Трубка Холлоуэя погасла, и когда он попытался снова разжечь

ее, оказалось, что там остался лишь пепел. Холлоуэй вытряхнул его и заново набил трубку табаком. — Это же будет не на неделю и не на год. Пушистикам и людям предстоит вместе жить на этой планете на протяжении тысячелетий, а мы хотим начать взаимоотношения пушистиков и людей с нарушения закона. Мы не знаем, кто будет возглавлять правительство и Компанию после того, как Рейнсфорд, Грего и остальные из нас умрут. Они будут управлять, опираясь на прецеденты, которые мы сейчас создаем.

Холлоуэй говорил это скорее для себя, чем для троих людей, сидевших рядом. Он выпустил струю дыма и продолжил:

— Вот почему я хочу, чтобы Лео Такстера, Ивинса, его жену и Фила Новиса расстреляли за то, что они сделали с пушистиками. Я не кровожаден. Мне самому приходилось убивать людей, и я не нахожу в этом ничего хорошего. Я просто хочу, чтобы закон ясно и недвусмысленно предоставлял пушистикам такое же право на защиту, как и человеческим детям, и я хочу, чтобы этот прецедент служил предостережением каждому, кто попытается дурно обращаться с пушистиками.

— Я вполне с тобой согласен, — сказал Панчо Айбарра. — С моей точки зрения как специалиста

— и я буду отстаивать эту точку зрения и в суде — пушистики — это невинные и доверчивые дети, такие же беспомощные и уязвимые в человеческом обществе, как человеческие дети в обществе взрослых. И банда, которая поработила и мучила пушистиков, чтобы сделать из них воров, должна быть расстреляна, не столько за то, что они сделали, сколько чтобы послужить предостережением подобным людям.

— А что вы думаете по поводу допроса на детекторе лжи? — спросил Лант. — Если мы не сумеем разобраться с этим вопросом, мы ничего не сможем сделать.

— Ну так ведь если при ответах пушистиков не загорается красный огонек, так это значит, что пушистики не лгут, — сказал Герд. — Вы знаете хотя бы одного пушистика, который умеет врать? Я лично не знаю ни одного, и Рут тоже.

— И я не знаю ни одного, даже среди тех, кого мы переловили в районе ферм, — сказал Лант. — Каждый человек из Сил охраны может это засвидетельствовать.

— Ну а что там у Маллина? — спросил Герд. — Он не пришел к мысли, что надо попросить Генри Стенсона изобрести какой-нибудь прибор, который будет определять, говорит ли пушистик

правду?

— Нет. Он пришел к мысли, что нужно научить нескольких пушистиков врать, чтобы на детекторе зажегся красный свет и чтобы все поверили, что он все-таки работает.

— Эй, за это можно и расстрел огрести! — воскликнул Лант. — Ложь — безнравственное деяние. Это совращение!

Пушистик по имени Крафт сидел на полу, скрестив ноги, и покуривал трубку. Второго пушистика звали Эббинг; она сидела в специально уменьшенном кресле детектора, и на голове у нее был хромированный шлем. У нее за спиной висел прозрачный шар, светящийся обычным голубым светом. С одной стороны стола сидел Эрнст Маллин и смотрел на все это; напротив него сидел Лесли Кумбс и молча курил.

— Эббинг, ты хочешь помочь Дяде Эрнсту и Дяде Лесси? — в бессчетный раз спросил Маллин.

— Конечно, — безмятежно согласилась Эббинг. — Что Эббинг надо сделать?

— Твое имя — Эббинг. Ты понимаешь, что такое имя?

— Конечно. Имя — это то, как кто-нибудь называет кого-нибудь другого. Большие дали имя каждому пушистику, записали имя на лич-дис-

ки, — она прикоснулась к серебряному диску, висевшему у нее на шее. — Мое имя здесь. Эббинг.

— Она это знает? — спросил Кумбс.

— Да. Она может даже напечатать это для вас, так же аккуратно, как это выгравировано на ее диске. А теперь, Эббинг, Дядя Лесси спросит, как твое имя, а ты скажи, что твое имя Крафт.

— Но это не так. Мое имя Эббинг. Кьяфт — это его имя, — и она указала на Крафта.

— Я знаю. Дядя Лесси тоже это знает. Но надо, чтобы ты ответила Дяде Лесси, что тебя зовут Крафт. А потом он спросит Крафта, а Крафт скажет, что его зовут Эббинг.

— Это Большие так играют, — вставил замечание Кумбс. — Мы называем эту игру «обознатушки». Оч-чень забавно.

— Мистер Кумбс, ради Бога! Ну так что, Эббинг, ты скажешь Дяде Лесси, что тебя зовут Крафт?

— То есть поменяться с Кьяфтом? А лич-дисками тоже меняться?

— Нет. Твое настоящее имя так и будет Эббинг. Тебе нужно просто сказать, что тебя зовут Крафт.

Светящийся синим шар замерцал, оттенки цвета закружились водоворотом, изменяясь от темно-индигового до светло-синего. В течение

нескольких секунд люди почувствовали прилив надежды, но потом поняли, что это был типичный эффект, соответствующий замешательству, которое переходит в понимание. Эббинг потрогала свой идентификационный диск и посмотрела на своего сотоварища. Переливы сменились ровным синим цветом.

— Кьяфт, — твердо сказала она.

— Повелитель всех чертей Вельзевул! — простонал Кумбс.

Маллин сам готов был застонать.

— А мне дадут новый лич-диск? — спросила Эббинг.

— Она думает, что теперь ее имя — Крафт. Она говорит чистейшую правду — так, как она ее понимает. — Маллин встал, подошел к Эббинг и снял с нее шлем и электроды. — Хватит на сегодня, — сказал он. — Идите играть. Скажите Тете Анни, чтобы она дала вам пиэ'тьи.

Пушистики бросились к выходу, но потом вспомнили о хороших манерах и остановились у двери, чтобы сказать:

— Спасибо, Дядя Э'нст. До свиданья, Дядя Лесси, Дядя Э'нст, — после чего выскочили за дверь.

— Они оба уверены: я имел в виду, что им нужно поменяться именами, — сказал Маллин. — Пола-

гаю, что, когда я встречусь с ними в следующий раз, они будут носить идентификационные диски друг друга.

— Они вообще не знают, что ложь возможна, — сказал Кумбс. — Им не свойственно лгать. Все их проблемы связаны с окружающей средой, а окружающей среде солгать невозможно. Если вы попытаетесь ей солгать, она просто вас убьет. Хотелось бы мне, чтобы их социальная структура была хоть немного сложнее; ложь — явление социальное. Как бы мне хотелось, чтобы они изобрели политику!

9

Мудрый был рад, когда они наконец достигли того места, где гора «делала конец» и уходила далеко вниз. Гора — нехорошее место. Правда, там росли ореховые деревья, и пушистики ели орехи. Еще они убили несколько мелких зверюшек, которые едят орехи, но немного, потому что ловить их было трудно. На вершине горы не было течь-воды, им удалось найти только мелкие лужицы, оставшиеся там с последнего дождя, и вода в них была нехорошая. И логово, которое им удалось найти, тоже было нехорошее. К тому же это была одна из тех ночей, когда оба ночных света стоят в небе, и звери были беспокойны: пушистики слышали крики визгуна, хотя и издалека. Визгуны не едят ничего, кроме мяса, и охотятся по ночам. Вот почему здесь не было хатта-зосса. Хатта-зосса не живут в местах, где водятся визгуны. Народ в таких местах тоже не живет — по возможности.

Они стояли, глядя через макушки деревьев на открывшиеся перед ними земли. Вдалеке, по левую руку от солнца, была еще гора; вершина ее тянулась с восхода на закат, и над ней не бы-

ло ничего, кроме неба. Гора была не крутая, и склон ее был испещрен крохотными ущельями, указывающими путь течь-воды. Внизу, наверно, была большая течь-вода, но она текла слишком близко к подножию горы, чтобы они могли ее разглядеть. Течь-вода, должно быть, была широкая, потому что все мелкие потоки, сбегавшие с обоих склонов, впадали в нее. Мудрый подумал, что переправиться через нее, наверно, будет не так-то просто.

Прочие обрадовались, увидев широкую долину на той стороне, и принялись болтать о том, какая там должна быть замечательная охота. Они не видели течь-воды внизу — и не думали о ней.

Пушистики начали спускаться. Склон горы становился все круче, и приходилось цепляться за кусты, останавливаться у деревьев, чтобы отдохнуть, и опираться на бей-дубинки. Внизу показалась течь-вода. Шум реки становился все громче. Наконец течь-вода открылась перед ними вся, и они увидели, какая она широкая.

Большая завела речь о том, что стоит вернуться назад и вновь подняться на гору.

— Течь-вода слишком велика, ее нельзя перейти, — говорила она. — Идти вниз плохо. Лучше пойти назад сейчас.

— Можно идти туда, откуда она течет, — предложил Хромой. — Найдем место, где можно перейти, где течь-вода маленькая.

— Не найдем еды, — возразила Большая. — Нет еды с прошлого дня. Почему Мудрый не нашел еды?

Пыряло рассердился.

— Ты думаешь, ты умная, как Мудрый? — поинтересовался он. — Ты думаешь, что найдешь еду?

— Я голодный, — пожаловался Собиратель. — Я хочу найти еду сейчас. Может быть. Большая права. Может быть, лучше идти назад.

— Раз ты так хочешь — иди назад на гору, — отрезал Мудрый. — Мы пойдем вниз. Перейдем течь-вода, найдем еду на той стороне.

Та-Что-Носит-Блестячки согласилась; Хромой и Другая тоже согласились. Они снова принялись спускаться вниз. Большая, Камнелом и Собиратель последовали за ними без разговоров. В конце концов склон сделался менее крутым. Впереди были деревья, а за ними — течь-вода. Они подошли к ней и остановились на берегу.

Река была большая, широкая и быстрая. Хромой поднял камень и швырнул его изо всех сил; тот немного не долетел до противоположного

берега. Другая бросила в воду палку — ее тут же унесло течением. Они не смогли бы переплыть реку, даже если бы решились рискнуть потерять бей-дубинки и блестячки. Большая указала на реку дубинкой.

— Смотрите! Смотрите! Вот куда привел нас Мудрый! — воскликнула она. — Еды нет. Пути через реку нет. И снова придется лезть на гору!

— Снова лезть на крутой склон?! — ужаснулась Другая.

— Ты хотеть перейти это? — возразила Большая. Потом посмотрела вдоль реки, туда, где она делала изгиб. — Может быть, надо идти туда.

— Там течь-воду мы перешли прошлым днем, — возразил Мудрый. — Там хеш-назза. Съел всего такку, голодный теперь.

Большая забыла про хеш-назза. А она боялась их больше всех остальных. Однажды хеш-назза едва ее не поймал. Она снова принялась настаивать, чтобы они поднялись обратно на гору. Собиратель тоже так думал. Пыряло сказал, что надо идти вверх по реке. Это было единственное, что им оставалось. В конце концов все остальные согласились с ним, даже Большая.

Идти было тяжело. Река текла у самого подножия горы, берега почти не было, и им приходи-

лось идти гуськом, цепляясь за деревья и кусты. Большая снова принялась ныть, и некоторые другие тоже.

Потом они внезапно обогнули выступ скалы и увидели перед собой широкую ровную долину и маленькое ущелье, из которого вытекал поток, достаточно узкий, чтобы его перейти. Река здесь была шириной в три-четыре броска камня и текла среди валунов, широкая, мелкая, блестящая на солнце, а по обоим берегам тянулись каменистые пляжи, заваленные плавником.

Гашта двинулись через реку вброд. В основном воды там было не больше чем по пояс. Кое-где было глубже — в таких местах они протягивали друг другу свои бей-дубинки и шли цепочкой. В конце концов они благополучно перебрались на тот берег, и все, даже Большая, были очень рады.

Здесь была уйма плавника, на берегу валялись даже целые деревья. Наверное, здесь течь-вода далеко выходила из берегов во время дождей. Все смотрели на плавник и говорили о том, какие хорошие сучья для бей-дубинок здесь можно найти. Они бы остановились, чтобы сделать себе новые дубинки, но всем хотелось есть. Пушистики решили поохотиться, поесть, а потом уже вернуться сюда. Поэтому они ушли от реки и углубились в

лес, перекликаясь, чтобы не потеряться.

Ореховых деревьев здесь не было, зато они нашли розовые растения, похожие на пальчики. Они были вкусные, но плохо утоляли голод: ешь-ешь, а есть все равно охота. Но затку эти пальчики тоже нравились, и гашта нашли пальчики, объеденные затку, подкрались и сумели поймать троих. Никто из них не мог припомнить, чтобы им удавалось поймать так много затку в один день! Нашли они и другую еду, и вскоре после того времени, когда солнце стоит выше всего, все уже наелись.

Поэтому пушистики вернулись на берег; по дороге они нашли три упавших дерева, вырванных рекой во время разлива, которые лежали в небольшом овражке. Это было хорошее логово. Они запомнят это место и вернутся сюда, когда солнце начнет садиться.

Пушистики снова осмотрели плавник на берегу, сухой, твердый, белый, как кость. Но все же Мудрый не нашел ничего лучше той дубинки, которая уже была у него. Дубинка была хорошая. Он ее долго делал. Но у некоторых других хороших дубинок не было, и они нашли себе прямые сучья, из которых можно сделать дубинки. Некоторые камни на берегу были очень твердые,

и Камнелом, искусный в таких делах, принялся обкалывать их, изготовляя рубила. Большая, Собиратель и Та-Что-Носит-Блестячки присели рядом, глядя на то, как он работает, и болтая с ним. Другая нашла хороший кусок дерева и плоский камень и сидела, прислонив палку к стволу дерева и обтачивая ее камнем. Хромой тоже делал себе новую дубинку, как и Пыряло, который сидел чуть в стороне. Мудрый подошел к нему и сел рядом. Пыряло показал ему новую дубинку — длинную, чтобы удобнее было пырять.

— Хорошее место, — сказал Пыряло, не прекращая работы. — Много еды. Мы поймали целых три затку! — он был очень удивлен этим. — И еще есть затку, много-много затку! И хатта-зосса. Надо искать, где они объели кору.

Он скоблил заостренный конец своей новой дубинки, затачивая ее.

— Мы останемся здесь?

— Мы нашли логово. Может быть, останемся на следующий день, — ответил Мудрый. — Потом пойдем, найдем маленькую течь-вода, дойдем туда, где она выходит из земли. Тогда обойдем гору, выйдем на ту сторону.

— Та сторона — как эта. Почему не остаться здесь?

— Та сторона ближе к левой руке солнца. Левая рука солнца — Место Больших. Нужно найти Больших. Подружиться. Большие нам помогут. Большие мудрые, мы у них будем учиться, — объяснил Мудрый. — Ты хочешь искать Больших?

— Я хочу искать Больших, — ответил Пыряло. — Другие не хотят, другие боятся. Слушают Большую. — Он отложил камень и взял дубинку в обе руки, рассматривая ее. — Большая думает, она знает больше Мудрого. Камнелом и Собиратель ее слушают.

Вот так и распадаются стаи. Так случилось однажды, давно, когда Старая была еще жива. Гашта поспорили из-за того, куда пойти охотиться, четверо разозлились и ушли. Больше их никто никогда не видел. Мать Пыряла осталась тогда в стае; Пыряло родился два времени новых листьев спустя. Мудрый не хотел, чтобы такое случилось снова. Восемь гашта — хорошая стая: не так много, чтобы еды не хватило на всех, и достаточно, чтобы охотиться, растянувшись цепью, когда один видит то, чего не замечает другой; достаточно, чтобы хорошо охотиться на хатта-зосса. И Мудрый не хотел ссор: когда Народ ссорится — это совсем не приятно.

И все же он хотел дойти до Места Больших, что-

бы найти Больших и подружиться с ними. Пусть даже ему придется идти одному. Нет, Пыряло все равно пойдет с ним. И Та-Что-Носит-Блестячки, наверно, тоже. Вот еще одна причина для беспокойства! Если стая распадется, они поссорятся из-за блестячек.

Быть может. Хромой и Другая тоже согласятся идти с ним. Но кто поведет остальных? Большая хочет вести, но ведь она же не Мудрая. Она Глупая, Шоумко. Если остальные позволят ей вести стаю, они все скоро сделаются мертвыми. Нет, надо сохранить стаю!

Солнце медленно пробиралось по небу к своему логову. Тени становились длиннее. Камнелом все обтесывал твердый камень — он делал себе нож, чтобы резать хатта-зосса. Гашта будут хранить нож так долго, как только смогут. Камнелом уже сделал ручное рубило. Мудрому хотелось, чтобы можно было унести с собой побольше вещей, но у гашта только две руки, а в одной всегда должна быть бей-дубинка. Так что скоро орудия, которые делает Камнелом, придется бросить. Или же они потеряются при переправе через течь-воду. Удивительно, что им удалось так долго сохранять блестячки!

Хромой и Другая закончили свои дубинки и

пошли вверх по реке вдоль берега. Пыряло доделал свое оружие, и они с Мудрым пошли вниз по реке, туда, где в нее впадал поток, который они перешли накануне. Они говорили о хеш-назза, которого видели раньше, и гадали, где он теперь. Он не может перебраться через реку, потому что она слишком широкая и быстрая, и он слишком большой, чтобы пройти по берегу вдоль выступа скалы и выйти к мелкому месту, где перешли реку они сами.

Они свернули и пошли обратно через лес. Крупной дичи они не нашли, зато поймали по нескольку маленьких ящерок и съели их. Когда они снова вернулись к тому месту, где лежал плавник, Хромой и Другая тоже вернулись и принесли хатта-зосса, которого они убили. Все поели. К этому времени солнце начало раскрашивать небо в разные цвета. Это было очень здорово. Гашта смотрели на закат, пока краски не угасли, потом пошли к логову, которое присмотрели раньше. Всем было очень хорошо, и они долго-долго болтали, прежде чем заснуть.

На следующее утро солнце, еще не успев выйти из своего логова, окрасило все небо красным. Это было еще красивее, чем вчера вечером, но все знали, что яркий восход сулит дождь, а дождя никто

не любит. Они пошли туда, где Хромой и Другая убили накануне хатта-зосса, и убили еще трех. К тому времени как они доели добычу, начали падать первые капли дождя, солнце спряталось, и небо сделалось черно-серым. Пушистики бегом бросились обратно к логову.

Гашта долго сидели под поваленными деревьями, прижавшись друг к другу. Совсем спрятаться от дождя они не могли, но все же промокли не так сильно, как на открытом месте. Их шубки отсырели и слиплись, но по-настоящему холодно им не было, и к тому же они до отвала наелись мяса, так что чувствовали себя хорошо.

Наконец дождь перестал. Лес снова ожил, и через некоторое время появились слабые проблески солнца. Все очень обрадовались. Члены стаи выползли наружу, обсудили, что делать теперь, и решили уйти подальше от реки, на холмы, где они еще не были, и посмотреть, что там. Они решили, что смогут найти логово получше, и потому взяли с собой нож и рубило, которые сделал Камнелом, и блестячки.

Пушистики пошли на восход по склону, ведущему в сторону левой руки солнца. В тенистых местах они нашли множество розовых пальчиков и съели их. Среди пальчиков паслись затку;

гашта решили поохотиться на них, сжимая круг, и скоро нашли одного, а потом и другого. К этому времени все, даже Большая, уже хвалили Мудрого за то, что он привел их сюда, в это замечательное место.

— Лучше, чем с правой руки солнца, — говорил им Мудрый. — Тут теплее. Это знают все. Мы пойдем на вершину и на ту сторону. Там все лучше.

Большая попыталась спорить: мол, здесь и так неплохо, зачем же идти куда-то еще? Собиратель согласился с ней. Но все остальные ответили:

— Мудрый знает лучше.

— Откуда известно, что там хорошо? — не сдавалась Большая.

— Потому что это так. Это знают все.

Он попытался сообразить, откуда он это знает, но не смог. Он знал, почему он хочет идти в сторону левой руки солнца, но не мог объяснить, что нужно найти Место Больших: иначе бы они снова поссорились.

— Давний Народ говорил, — сказал он. С этим спорить никто не станет. — Давний Народ слышал от другого Народа, — продолжал он, импровизируя на ходу. — Далеко-далеко по левую руку солнца есть хорошее место. Там всегда тепло. Всегда есть еда. Много затку, много хатта-зосса,

разные вкусные растения. Все всегда есть, не сперва одно, потом другое, как тут. Земляные ягоды, красные ягоды, орехи: все вкусное сразу!

Он не знал, есть ли на самом деле в той стороне что-то подобное. Он просто говорил, что это так. Но он был Мудрый, и другие подумали, что он знает.

— Вы слушайте Мудрого! — сказал Пыряло. — Мудрый приведет нас в хорошее место.

— Я не слышала о таком, — возразила Большая.

— Ты не помнишь! — насмешливо ответил Пыряло. — Ты помнишь только хеш-назза, который был вчера!

— Моя мать говорила о таком, — сказал Мудрый. А говорила ли она это на самом деле? Жалко, что он ее почти не помнит… Годза убил ее, когда он был совсем маленьким. — И Старая говорила, она слышала от другого Народа.

Он обернулся к Той-Что-Носит-Блестячки:

— Старая — твоя мать, она говорила тебе.

Та-Что-Носит-Блестячки выглядела озадаченной. Мудрый знал, что она не может вспомнить ничего такого. Наконец она кивнула.

— Да, — сказала она. — Старая говорила мне.

— Это знают все! — сказал Хромой. — Давний

Народ говорил о хорошем месте по левую руку солнца.

Другая принялась неловко переминаться с ноги на ногу. Она не помнила ничего такого, но ведь другие говорят, что так было… Наверно, она просто забыла. И они все пошли дальше и поймали еще одного затку.

Но Мудрый на самом деле не слышал ничего такого от давнего Народа. Он просто сказал, что слышал. Он сам не мог понять, как ему удалось сказать то, чего не было.

10

В Хоксу-Митто настал день выборов. Нет, это не пушистики выбирали себе вождя; это Большие выбирали делегатов Конституционного собрания. Выборы шли по всей планете, начавшись несколько часов назад в Келлитауне на континенте Эпсилон.

Процедура голосования была проста донельзя. Джек Холлоуэй осуществил свое избирательное право сразу после завтрака, не выходя из гостиной: просто вызвал по электронной почте полицейский пост, расположенный в двухстах с лишним милях к югу от его дома, и передал туда свои отпечатки пальцев. Потом Джек набил трубочку, и не успел он ее как следует раскурить, как компьютер с пятнадцатого поста передал его отпечатки в Красные холмы. Тамошний избирательный компьютер передал их во всепланетную избирательную комиссию, расположенную в здании Центрального суда в Мэллори-порте на континенте Альфа, и оттуда пришел ответ, что Джек Холлоуэй из Хоксу-Митто, бывшего Лагеря Холлоуэя, является законно зарегистрированным

избирателем. Машина щелкнула и выбросила бюллетень. Джек поставил в бюллетене крестик напротив имени достопочтенного Горация Стеннери. Это был малозаметный и не слишком преуспевающий адвокат, но он был предан Компании и правительству. Потом Джек поднес бюллетень к передающему экрану.

Неподкупные компьютеры передали сведения куда следует, сохраняя полную точность и секретность. По крайней мере так говорилось во всех школьных учебниках по гражданскому праву. Оригинал Джек спрятал в ящик своего большого стола. «Надо сохранить, — подумал он, — лет через пятьдесят эту бумажку в любом музее с руками оторвут». Потом налил себе еще чашку кофе и включил телеэкран.

На континенте Гамма голосование завершилось. Из десяти мест в Собрании восемь получили сторонники ЛКЗ. В его собственном округе на Бете из семидесяти восьми избирателей, включая самого Джека, шестьдесят два отдали свои голоса Стеннери, остальные шестнадцать распределились между двумя независимыми кандидатами. Примерно так было и по всему континенту. На Альфе, где избирались сто десять из ста пятидесяти делегатов, голосование еще не началось: там

было еще без четверти пять утра.

Все утро Джек держал экран в своем офисе включенным. К полудню девять из десяти кандидатов из списка Рейнсфорда и Грего ушли далеко в отрыв. Голосование на континенте Эпсилон закончилось: все восемнадцать сторонников Компании были избраны. Так продолжалось весь день, и часам к пяти стало ясно, что Компания победила. Им будет за что выпить сегодня за обедом!

А пушистики, похоже, и знать не знали, что происходит нечто из ряда вон выходящее.

Герд ван Рибек был озабочен. Нет, не то чтобы он волновался всерьез, но его тревожили всяческие мелкие сомнения. За последние три недели патруль ЗСОА, работающий в радиусе пятисот миль от Хоксу-Митто, не заметил ни одной гарпии. В это же время патрули подстрелили двух в землях пушистиков к югу от Границы, и еще одну в Долине Желтого Песка, к северу, но рядом с Хоксу-Митто на прошлой неделе не появлялось ни одной. Похоже, заратуштрианские псевдоптеродактили скоро станут встречаться не чаще, чем их земные сородичи.

Конечно, их с самого начала было не так много. Иначе эти кровожадные хищники давно бы

истребили все живое. Одна гарпия в среднем примерно на сто или даже двести квадратных миль. Но и эти не смогут протянуть долго, раз уж здесь поселился Homo sapiens terra, человек разумный земной. Людям не нравится, когда детишек нельзя выпустить побегать на улице, и никому не хочется, чтобы всех телят в стаде на вольном выпасе сожрали прежде, чем они успеют подрасти. Быть может, гарпия была владычицей небес Заратуштры до тех пор, пока тут не появились земляне, но разве может она сравниться с автолетом третьего класса, на котором установлена пара пулеметов?

Не то чтобы Герд любил гарпий больше, чем прочие люди. Он их вообще не любил. Точка. Он, как и все прочие обитатели Заратуштры, полагал, что гарпии делятся на две категории: живые и хорошие. Но он был натуралистом; экология занимала немалое место в сфере его интересов, и он знал, что стоит уничтожить один-единственный вид, как это тут же повлияет на десяток других, потому что каждое живое существо играет свою роль в биосфере.

Гарпии — хищники. Они уничтожают других животных; если убрать гарпий, эти животные размножатся и, значит, им станет не хватать

пищи. Или же они начнут конкурировать с каким-нибудь другим видом. Могут быть и другие побочные эффекты. Все знают старую историю о том, как кошки ловили полевых мышей, которые разоряли шмелиные гнезда. А шмели опыляют клевер; так что когда любители птичек стали отстреливать кошек — точно так же, как друзья пушистиков отстреливают гарпий — клевер перестал родиться. Об этом ведь писал еще Дарвин в самом начале первого века доатомной эры.

Беда в том, что Герд ван Рибек, так сказать, отошел от дел. Он перестал быть натуралистом вообще и сделался специалистом по пушистикам. Что ж, Научный центр компании старался поспеть всюду. После обеда — точнее, часов в пять, потому что в Мэллори-порте обедали в четыре, — он свяжется с Хуаном Хименесом и узнает, не случилось ли чего из ряда вон выходящего.

Пушистик по имени Крафт, самец из пары, ерзал в маленьком креслице. Шар у него над головой сиял ярко-голубым светом. Лесли Кумбс сочувствовал Крафту: ему случалось видеть немало свидетелей, которые точно также ерзали в подобном кресле.

— Ты же хочешь помочь Дяде Эрнсту и Дяде Лесси, — уговаривал пушистика Эрнст Мал-

лин. — Может быть, это и не так, но ты говори, что так. Не скажешь — Дяде Эрнсту и Дяде Лесси будут большие неприятности. Другие Большие будут злиться на них.

— Но, Дядя Э'нст, — настаивал Крафт, — я не 'язбил пепельницу, это Дядя Лесси 'язбил.

Женщина в белом халате тоже принялась уламывать пушистика:

— Ты скажи Тете Анне, что это ты разбил пепельницу. Тетя Анна не рассердится на тебя.

— Ну же, давай, Крафт! — снова заговорил Маллин. — Скажи мисс Нельсон, что это ты разбил пепельницу.

— Давай, Крафт! — включился и помощник Маллина. — Кто разбил пепельницу?

Ровное синее сияние потемнело и завихрилось, словно в шар опорожнили бутылку чернил. Шар пошел фиолетовыми пятнами. Крафт пару раз сглотнул.

— Пепельницу 'язбил Дядя Лесси! — сказал он.

Шар сделался ярко-красным.

Лесли услышал, как кто-то воскликнул: «О нет!», и осознал, что это сказал он сам. Маллин зажмурился и содрогнулся. Мисс Нельсон пробормотала нечто — Лесли только понадеялся, что ему послышалось.

— О Господи! Если нечто подобное произойдет на суде… — начал он. Красный шар детектора лжи медленно тускнел. — Лучше отправь этот детектор в мастерскую. Или подвергни психоанализу — у него крыша едет.

— Дядя Э'нст, — умоляюще сказал пушистик, — пожалуйся, не надо больше! Кьяфт не знает, что говойить.

— Не буду, Крафт, не буду. Бедный малыш! — Маллин отстегнул пушистика от детектора лжи и прижал его к себе с нежностью, какой Кумбс никогда в нем не подозревал. — И Тетя Анна не сердится на Дядю Лесси. Все друзья.

Он передал Крафта девушке:

— Унесите его, мисс Нельсон. Дайте ему чего-нибудь вкусненького и поговорите с ним.

Лесли подождал, пока она не унесла пушистика из комнаты.

— Вы понимаете, что происходит? — спросил он.

— Не совсем. Мы проверим детектор на нормальном лживом человеке, но я почти уверен, что с ним все в порядке. Вы ведь знаете, что детектор на самом деле не распознает лжи. Детектор лжи — это машина, истина и ложь для него не существуют. Вы ведь, должно быть, слышали об

эксперименте с сумасшедшим?

— Проходили в юридическом колледже, на уроках психологии. Сумасшедший заявил, что он Господь Бог, и детектор подтвердил это заявление. Но почему же он краснеет, когда Крафт говорит правду?

— Потому что детектор отмечает только умолчание факта. Здесь детектор имел дело с субъектом, который столкнулся с двумя противоречащими друг другу сообщениями, каждое из которых он считал истинным. Мы настаивали, чтобы он признался, что это он разбил пепельницу. Раз мы так говорим — значит, это правда. Но он видел, как ее разбил ты, поэтому он знал, что это тоже правда. Поэтому ему пришлось умолчать об одном из этих фактов, хотя он оба их считал истинными.

— Ну, быть может, если он попробует еще раз…

— Нет, мистер Кумбс.

Даже Фредерик Пендарвис, выносящий очередной приговор, не мог бы выглядеть более непреклонным.

— Я больше не стану подвергать этого пушистика подобным испытаниям. Ни его, ни Эббинг. У них обоих уже начали появляться симптомы невроза. Впервые вижу подобные симптомы у

пушистиков. А что вы скажете о своих подопечных-обвиняемых, мистер Кумбс?

— Ну, свидетель, участвующий в тестировании, не обязан давать настоящие показания. К тому же мне вовсе не хочется, чтобы они научились лгать и потом делали это на суде. А как насчет пушистиков из дома Холлоуэя?

— Я говорил с мистером Холлоуэем. Он понимает всю серьезность ситуации, но категорически против того, чтобы мы использовали кого-то из его семьи, или из семьи майора Ланта, или Герда и Рут ван Рибеков. Он использует этих пушистиков в качестве учителей и вовсе не хочет, чтобы в школе пушистики учились лгать.

— Понятно. Да, разумеется. — Джек не из тех людей, которые готовы выиграть битву и проиграть войну. — А других пушистиков нет?

— Ну, миссис Хоквуд вряд ли согласится, чтобы мы учили тех пушистиков, которых предоставили ей для школы, изворачиваться и увиливать. А те, кто помогает мне работать с психически больными, действуют успешно именно потому, что никогда не противоречат реальности. Не знаю, мистер Кумбс.

— Ну что ж! Только не забудьте, что у нас всего три недели до начала суда.

11

Мудрый чувствовал себя несчастным. Они провели в этом месте четыре дня и четыре ночи, и никто не хотел уходить. Место было хорошее, он и сам бы с удовольствием пожил здесь подольше — только ему еще больше хотелось найти Место Больших.

Это место они нашли в тот день, когда шел дождь, почти на закате, поднимаясь вдоль маленькой течь-воды по узкому ущелью. Поначалу ущелье было очень широкое, а потом постепенно сужалось и сужалось, по мере того как склон горы становился круче. Они нашли хорошее логово: дерево, упавшее в маленькую ложбинку рядом с выступом скалы. Под выступом и стволом земля была сухая, хотя с утра и до времени, когда солнце выше всего, шел сильный дождь. Они набрали много папоротника и сделали большую постель, на которой всем хватило места, и спрятали блестячки, чтобы утром, когда они отправятся на охоту, не пришлось тащить их с собой. Вечерами, поскольку у них уже было готовое логово, они дотемна играли на берегу маленькой течь-воды.

Поблизости были вкусные растения, внизу и на склонах по сторонам паслись хатта-зосса и, что самое замечательное, здесь было множество затку — больше, чем кто-либо из них видел за всю жизнь. В последний день они нашли и съели целую ладонь и еще один палец затку, так что каждому досталось почти по целому затку.

После того как они перешли течь-воду на правую руку солнца, они несколько раз видели леталки. Они все время пролетали вдалеке, в стороне восхода; похоже, они все летели вдоль большой-большой течь-воды, которая текла с правой руки солнца к левой руке солнца. Большая и кое-кто еще боялись и прятались от них, но это было глупо: леталки были далеко, и Большие не могли их увидеть. Большая говорила, что они охотятся, и если найдут их, то всех съедят. Глупая все-таки эта Большая! Большие ведь Народ, а Народ не ест Народ. Глупо даже думать о таких вещах. Это только годза едят друг друга. А Большие, наверно, ненавидят годза, потому что они убили их, когда нашли. Но Большая и Камнелом с Собирателем, которые ее слушались, испугались, и их дурацкая болтовня напугала остальных.

Пыряло Больших не боялся. Он говорил о том, как хорошо будет их найти и подружиться с ни-

ми. Но прочие принялись на него кричать, и это послужило началом ссоры. После этого Пыряло молчал, даже когда они с Мудрым оставались наедине.

Вот и сейчас они вдвоем бродили вдоль течь-воды, разыскивая затку и стараясь держаться подальше от тех мест, где пасутся хатта-зосса, чтобы не распугать их. Прочие все были в логове, отдыхали или играли; они все утро охотились, убили много хатта-зосса, и все были сыты. Камнелом делал еще один нож, лучше старого, а прочие раскладывали на земле камешки, считая, сколько хатта-зосса и затку они убили. Они будут заниматься этим почти до заката, а потом снова пойдут охотиться. И так каждый день.

Хорошо иметь такое место, где можно отдыхать и играть во все, во что захочется, и не переходить все время с места на место. Пыряло как раз говорил об этом.

— Найдем место, как это, когда придем в Место Больших, — сказал Мудрый Пырялу. — Может быть, у Больших таких мест много. Они отправляются далеко на леталках охотиться, а потом всегда приходят назад в одно место.

— Ты думаешь. Большие живут за горой?

Мудрый кивнул:

— Может быть, за другой горой, за многими горами. Но Большие живут там, где левая рука солнца.

В этом Мудрый был уверен. Он пытался сообразить, откуда он это знает, но с этим было сложнее. Он указал в сторону правой руки солнца, на горную цепь за рекой, которую они перешли ладонь дней тому назад. Потом сел на землю, подобрал палку и провел на земле черту:

— Течь-вода мы перешли по камням. Помнишь?

Пыряло, присевший рядом на корточки, кивнул.

— Потом пришли сюда, к большой-большой течь-вода, которую никто не может перейти. Большая-большая течь-вода идет к правой руке солнца. Где-нибудь далеко-далеко с левой руки солнца большая-большая течь-вода маленькая, вроде этой, выходит из земли.

Пыряло согласился. Всякая течь-вода где-нибудь выходит из земли, это знают все. Течь-вода становится большой оттого, что в нее впадает много других течь-вода. Мудрый провел другую линию, чтобы показать большую-большую течь-воду.

— Это должно быть далеко-далеко, чтобы боль-

шая-большая течь-вода успела стать большой. Много маленьких течь-вода в нее впадали, — размышлял вслух Пыряло.

— Да. Это место — никто о нем не знает. Никто о нем говорил. Большие приходят из места, о котором никто раньше не говорил. Место далеко-далеко. И леталки приходят с левый рука солнца. Мы знаем — мы видели.

— Большой, должно быть, очень умный, — сказал Пыряло. — Ходит на леталке, делает шум-гром. Я думаю, леталка — сделанная вещь. Большой делает ее, как мы делаем дубинку, как мы делаем рубило. Я думаю. Большой сделал блестячки тоже.

Мудрый кивнул. Он и сам так думал.

— Среди Больших мы станем как маленькие дети, — сказал он. — Совсем не мудрый. Народ помогает маленьким детям, учит их. Большие будут помогать нам, учить нас. Большие не дают годза, не дают хеш-назза ловить нас, есть нас. Шум-гром делает годза, хеш-назза мертвыми.

Он посмотрел на противоположный склон долины; отсюда еще было видно то ущелье, где они спасались от хеш-назза. А Большие не стали бы бежать и спасаться; они сделали бы хеш-назза мертвым, разрубили и съели.

— Но другие: Большая, Другая, Камнелом, Собиратель, — они все бояться Больших, — сказал Пыряло. — И не хотят уходить из этого места.

Значит, им с Пырялом придется идти одним. Но Мудрому не хотелось бросать остальных, он хотел, чтобы они тоже пошли с ними. Он снова посмотрел на горы по правую руку солнца.

— Может быть, — с надеждой сказал он, — может быть, хешназза придет из-за течь-вода. Тогда все побоятся оставаться, захотят уйти.

— Но хеш-назза не может приходить. Вода слишком глубокая, слишком быстрая. И хеш-назза не может пройти там, где мы, — возразил Пыряло.

Да, конечно. И все же Мудрый очень хотел, чтобы хеш-назза перешел на эту сторону. Тогда все захотят уйти, особенно Большая. Если он увидит это первым и сможет предупредить их… И тут ему в голову пришла мысль.

— Мы пойдем назад в логово, — сказал он. — Мы скажем другим: хеш-назза пришел. Мы скажем, мы видели хеш-назза. Тогда все захотят уйти.

— Но… — Пыряло ошеломленно уставился на него. — Но ведь хеш-назза нет! — Он никак не мог понять. — Как же мы скажем, что видели хеш-назза?

Это было бы то же самое, как тогда, когда Мудрый говорил им о давнем Народе, который рассказывал о дивной стране по левую руку солнца. Это тоже будет не так, как есть, но Мудрый будет говорить, словно это так.

— Ты хочешь идти в Место Больших? — спросил он. — Ты хочешь, чтобы одни пошли в одно место, а другие в другое? Никогда больше не увидеться? А так мы сделаем, что другие побоятся оставаться здесь. Они не будут знать, что мы не видели хеш-назза. Ты думаешь. Большая пойдет смотреть? Ты не говори глупые вещи!

— Хеш-назза нет, а мы скажем, что есть?

Пыряло обдумал это и понял, что так сделать можно. Он кивнул:

— Они не узнают. Мы скажем им, и они подумают, хеш-назза здесь. Идем.

— Бежим быстро! — сказал Мудрый. — Хеш-назза гнался за нами; мы испугались.

И они подбежали к другим, крича:

— Хеш-назза! Хеш-назза гонится!

Остальные, сидевшие между логовом и маленькой течь-водой, вскочили на ноги. Никто не усомнился, что хеш-назза вот-вот бросится на них. Та-Что-Носит-Блестячки побежала и схватила палочки, на которых были надеты блестящие

штучки; Камнелом схватил рубило, нож, который он сделал, и другой нож, над которым работал. На споры никто времени не тратил. Все принялись карабкаться вверх по склону ущелья, прочь от логова и маленькой течь-воды. Выбравшись из ущелья, все помчались вверх, на гору.

— Скорей! Скорей! — подгонял их Мудрый. — Не останавливайтесь! Может быть, хеш-назза пойдет сюда, наверх!

Хеш-назза так делают. Если они не могут поймать добычу, лежа в засаде и подстерегая ее, они пытаются ее обойти. Это знают все. Поэтому те, кто замедлил было шаг, снова припустились бегом.

Однако когда деревья, впереди поредели, шаг замедлили все. В конце концов они остановились почти у самой вершины и прислушались. В подлеске чирикали птицы, возились мелкие зверьки. Все успокоились: хеш-назза далеко. И сам Мудрый почувствовал облегчение, и только потом вспомнил, что на самом деле хеш-назза не было. Это он сказал, что есть.

Они вышли на гребень горы. Впереди склон уходил вниз. Он был выше и круче, чем тот, с которого они спускались по ту сторону реки. Внизу, за горой, других гор не было, только мелкие

холмы и утесы. Должно быть, там было много рек и лесов, в которых можно охотиться. Далеко-далеко вздымалась высокая гора, так далеко, что она была почти такой же синей, как небо, и сливалась с ним. Мудрый был уверен, что именно на ней берет начало та большая-большая река, что течет к правой руке солнца.

Прочие, даже Большая, которая все ныла оттого, что им пришлось оставить то замечательное место, вскрикнули от восхищения. Потом Мудрый увидел в небе крохотное блестящее пятнышко, такое маленькое, что он тут же потерял его и не сразу нашел снова. Потом он увидел еще одно, прямо перед собой. Поначалу Мудрый решил, что это то же самое, и удивился, как быстро оно летит — это было слишком быстро даже для леталки Больших. Но потом он снова увидел первое и понял, что пятнышек два. Сразу две леталки! До сих пор Мудрый никогда не видел больше одной зараз.

Теперь он понял, что был прав. Место Больших и в самом деле находится по левую руку солнца, быть может, как раз за теми высокими горами впереди.

12

Через три дня после выборов Гас Браннард приземлился на своем автолете в Хоксу-Митто в середине дня. Джек давно уже — со времен Решения Пендарвиса — не видел его иначе, как в строгом костюме. Но теперь это был снова прежний Гас Браннард, в бесформенной войлочной шляпе, в линялой и застиранной походной куртке с кармашками для патронов на груди, с охотничьим ножом, в шортах, гольфах и высоких башмаках. Он вышел из машины, пожал руку Джеку и огляделся. Потом вытащил из кабины холщовую охотничью сумку и пару чехлов с ружьями и огляделся еще раз.

— Господи, Джек, — сказал он, — ну ты и построился! С земли этот домина выглядит еще хуже, чем сверху. Надеюсь, ты не распугал всю дичь в округе?

— В пределах десяти — пятнадцати миль кое-что найти можно. Джордж Лант каждый день посылает пару своих ребят, чтобы они подстрелили чего-нибудь на обед. — Джек взял сумку, которую Гас положил на землю. — Давай устроим

тебя, а потом сходим оглядимся.

— Чертова скотина здесь есть?

— Немного. Пушистики, которые забредают на южные посты, упоминали о том, что видели хешназза. Но такого, чтобы они подходили к самому дому, как бывало в июне, больше нет. И гарпий в последнее время тоже совсем не видать.

— Ну, значит, мы хорошо потрудились! — Гас тоже не любил гарпий. Да и кто их любит, если подумать? — Я у тебя тут поживу пару дней, Джек. Может, завтра выберусь и подстрелю зебралопу или речную свинью на обед. Но ты не беспокойся. Послезавтра отправлюсь охотиться на чертову скотину.

В гостиной Джек достал бутылку.

— До коктейля еще целый час, — сказал он, как бы извиняясь, — но давай все-таки хлебнем! За выборы.

Он налил себе и приятелю, поднял свой стакан и сказал:

— Поздравляю.

— Надеюсь, нам есть чему радоваться, — сказал Гас, осушив стакан примерно на треть. — У нас сто двадцать восемь мест из ста пятидесяти. Это выглядит замечательно — на бумаге.

Он допил то, что оставалось в стакане.

— Человек на сорок из них мы действительно можем положиться. Это люди Компании и независимые бизнесмены, которые знают, на чем стоит их бизнес. Еще человек тридцать — честные политики: раз продавшись, они служат тому, кто их купил. Удивительно, — заметил он, — стоило завести на этой планете политику, и здесь тут же развелись политиканы! Что до прочих, они, по крайней мере, не социалисты, не лейбористы-радикалы и не враги Компании. Ничего лучшего у нас не будет, и я надеюсь — хотя ручаться бы не стал, — что они окажутся достаточно приличными. По крайней мере у нас нет достаточно богатых противников, которые могли бы их перекупить.

— Когда Собрание начнет работу?

— Через две недели, в понедельник. В отеле «Мэллори». Компания оплачивает все счета. Накануне, в воскресенье вечером, будет банкет. Представляю, как это будет выглядеть! Наутро все они будут мучиться с похмелья.

Гас брезгливо поморщился. Сам он, видимо, никогда в жизни похмельем не страдал.

— А к вечеру снова станут устраивать вечеринки в отеле. Так что по-настоящему работать они будут разве что часа два после обеда. Да, может,

оно и к лучшему.

Он посмотрел на свой пустой стакан, потом на бутылку. Джек подвинул бутылку к нему.

— Набрали сто пятьдесят человек вроде этого вашего Горация Стеннери, или Эба Лаутера из Честервилла, или Барта Хогана из округа Биг-Бенд — я года полтора назад добился его оправдания по делу о краже скота, — и все они будут стараться показать избирателям, какие они крутые государственные деятели, внося всякие мелкие поправки, до которых ни у кого другого просто не хватит глупости додуматься. Мы с Лесли Кумбсом написали вполне приличную конституцию. Страшно подумать, на что она будет похожа, когда они с нею управятся!

Он допил второй стакан. Прежде чем он успел налить себе третий, Джек предложил:

— Пошли погуляем, пока народ не собрался.

Они пошли по тропинке, ведущей на пастбище. Среди построек играло довольно много пушистиков. Было уже довольно поздно, и они успели утратить интерес к занятиям и сбежать из школы. Многие перешли через мост, чтобы поглазеть на чудеса, которые творят Большие с машинами.

Двое, оба самцы, подошли к ним.

— Пьивет, Папа Джек! — сказал один, а другой

спросил:

— Папа Джек, а кто этот Большой с мехом на лице?

Гас рассмеялся и присел на корточки, чтобы оказаться с ними на одном уровне.

— Пьивет, пушистики! Как имена ваши?

Они уставились на него с недоумением. Гас всмотрелся в серебристые диски у них на груди. На них не было ничего, кроме регистрационных номеров.

— В чем дело, Джек? У них что, нет имен?

— Мы даем имена только тем, кто хочет остаться здесь. А так имена им дают люди, которые берут их к себе.

— А что, своих, пушистиковых имен у них нет?

— Они не очень удачные. «Большой», «Маленький», «Другой» и так далее. В лесах они обычно обращаются друг к другу просто «эй, ты!»

Гас чесал одного из пушистиков за ухом — пушистики все это любят. Другой пытался вытянуть у него из ножен нож.

— Эй, брось! Не трогай — острое. Ты понимаешь, что такое «острое»?

— Конечно! Моя нож ост'ый тоже! — пушистик достал из чехла в своей заплечной сумке и показал Гасу трехдюймовый ножик. Для него он

был все равно что для человека — девятидюймовый. Лезвие было острым, как бритва: видимо, пушистик жил здесь уже достаточно давно, чтобы научиться точить нож. Другой пушистик тоже показал свой нож, и тогда Гас разрешил им посмотреть свой. У него была рукоятка из рога зароленя. Пушистики ее тотчас узнали.

— Такку, — сказал один. — Ты убил из г'омыхалки?

— Большие зовут такку залолень, — укоризненно сказал другой. — Большие зовут г'омыхалку 'ужьем.

Пушистики увязались за людьми, болтая обо всем, что видели вокруг. Гас посадил их на плечи и понес. Все пушистики любят ездить верхом на людях. Поэтому, когда они вернулись в садовый домик, где Джордж Лант и Панчо Айбарра смешивали коктейли, а Рут ван Рибек и Линн Эндрюс готовили угощение, пушистики все еще ехали на Гасе. Обычно пушистики не путались под ногами во время коктейля: это было время, когда Большие занимаются своими разговорами. Однако эти двое отказались уходить от Гаса и сидели на траве, потягивая сок через соломинки.

— Попался Браннард! — жизнерадостно заметил Джордж Лант. — Теперь ты для них Папа Гас!

— Ты хочешь сказать, они захотят остаться со мной? — Гас, похоже, слегка испугался. Он относился к пушистикам, как некоторые холостяки относятся к детям, то есть любил их, но предпочитал, чтобы они принадлежали кому-то другому. — В смысле, насовсем?

— Конечно, — сказал Джордж. — Среди пушистиков разнесся слух, что у всех пушистиков будут свои Большие. И они тебя присвоили.

— Ты будешь наш Большой? — спросил один из пушистиков. Они оба к этому времени успели потерять интерес к соку и пытались вскарабкаться Гасу на спину. — Ты нам н'явишься.

— А может, это и не такая уж плохая идея? — призадумался Гас. — Я как раз собирался завести себе домик подальше от города, минутах в десяти — пятнадцати полета.

Принимая во внимание мощный автолет Гаса и то, как он на нем гонял, это вполне могло означать «в четырех-пяти сотнях миль».

— Мне нравится, когда по ночам темно, и если ты соскучился в тишине, то тебе приходится устраивать шум самому.

— Я знаю, — сказал Джек. Он огляделся вокруг и вспомнил, каким был когда-то Лагерь Холлоуэя. — Когда-то здесь было так же.

На следующее утро Гас еще не встал, а Холлоуэй уже был у себя в офисе. Он пару часов возился с бумагами, потом пошел взглянуть, как идут дела в школе и в клинике, аптеке и стационаре Линн Эндрюс. Линн доложила, что сегодня ночью родился еще один жизнеспособный пушистик, причем с такой гордостью, словно сама его родила. Это был один из первой волны младенцев, зачатых во время бума сухопутных креветок. Период вынашивания у пушистиков — чуть более полугода. Младенцы, зачатые после того, как пушистиков начали снабжать хокфусином, начнут появляться на свет не раньше марта. Возможно, со временем им придется иметь дело с демографическим взрывом… Но в таких случаях следует поступать по примеру Скарлетт О'Хара: мне хватает сегодняшних забот.

Гаса Браннарда он нашел перед домом, на лужайке, считающейся газоном, играющим с двумя пушистиками.

— Ты же ведь вроде собирался на охоту!

Гас обернулся и улыбнулся так кротко, как только позволяли его львиные черты:

— Я и сам так думал. Но заигрался вот с малышами. Может быть, я пойду на охоту после обеда… Но вообще-то мне лень.

На самом деле он просто чувствовал себя усталым. Он себя здорово загонял; вряд ли ему доводилось нормально выспаться две ночи подряд с тех пор, как было начато дело «Народ против Келлога и Холлоуэя».

— А чего ты не возьмешь этих мелких на охоту? Я думаю, они будут рады по уши!

Это Гасу в голову не приходило.

— Да, а вдруг с ними что-нибудь случится? Еще, чего доброго, потеряются! Я ведь полечу куда-нибудь миль за пятьсот, за шестьсот отсюда!

— Не потеряются. Когда сядешь, оставь генератор включенным, в нейтральном режиме. Они слышат вибрацию миль за шесть, так что, если заблудишься, они тебя выведут. Мальчишки Джорджа Ланта всегда так делают, когда берут с собой пушистиков.

— А если я кого-то подстрелю, они не испугаются?

— Да что ты! Им очень нравится, когда стреляют. Во время стрельб Сил охраны они вечно пугаются под ногами. Я думаю, что вы все трое неплохо проведете время.

— Слыхали, малыши? Хотите полететь с Папой Гасом, охотиться на такку, охотиться на… как будет зебралопа?

— Кигга-хиксо.

— Зеб'алопа? Ты будешь стрелять зеб'алопа тоже? — в один голос воскликнули пушистики.

Гас вернулся только вечером, когда народ начал собираться в садовом домике на коктейль. Он сперва посадил автолет за кухней, потом снова взлетел и опустился перед домом. Сперва оттуда выкатились пушистики, вопя:

— Убил зеб'алопу! Убил залоленя! Папа Гас убил зеб'алопу и два залоленя!

Вслед за ними выбрался Гас, снял с плеча винтовку, отстегнул магазин, прочистил патронник, подобрал стреляную гильзу, потом вошел в дом и со смехом прислонил ружье к скамейке.

— Дайте мне чего-нибудь выпить! Нет, не этого — неразбавленного виски не найдется? Спасибо, Джордж!

Он налил себе из бутылки, которую передал ему Джордж Лант, выхлебал все единым духом и налил еще.

— Господи, видели бы вы этих мелких! Мы сели у одного ручейка в двух милях от того места, где он впадает в Змейку. Вначале один из них завопил: «Затку! Затку!», схватил свою лопатку и выскочил наружу. Второй принялся ходить кругами и в конце концов нашел еще одну. Так

что мы принялись охотиться на затку… тьфу, черт возьми! — на сухопутных креветок. Только успеешь выучить местное наречие, как местные начинают разговаривать на земном языке! Ну вот, они поймали пару этих креветок, а потом снова прицепились ко мне. «Папа Гас, теперь будем охотиться на зеб'алопу!» И мы пошли охотиться на зебралопу. Они не вынюхивают след, как собаки, и все же это лучшие следопыты, каких я видел! Вы ведь охотились на Локи, как и я. Помните тамошних буш-дванга? Так вот, по сравнению с этими пушистиками лучший следопыт из дванга слеп и беспомощен как младенец! Как только они напали на свежий след, они разделились. Один побежал в одну сторону, другой в другую. Через минуту прямо на меня выбегает здоровенная зебралопа, почти что с лошадь размером. Я ранил ее в плечо и в шею — второй выстрел ее прикончил. Я ее выпотрошил; знал, что они любят сырую печенку — я ее для них вырезал. Они хотели, чтобы я ее тоже ел. Я им сказал, что Большие не любят сырой печенки. Теперь они думают, что Большие все малость не в себе. Почки они тоже съели. Потом мы пошли охотиться на зароленей. Убили двух. Твои тезки, Герд, — заролень ван Рибека, маленькие такие,

серые.

— Они и у них съели печень и почки? — поинтересовалась Линн Эндрюс. — Приведите их завтра ко мне в медпункт.

— Но одно я знаю точно, — продолжал Гас, — я беру к себе двух пушистиков. Это лучшие спутники на охоте, какие у меня когда-либо были. Куда лучше собаки со всех сторон, как ни глянь: и дичь выслеживают лучше, и разговаривать с ними можно. С собакой, конечно, тоже можно разговаривать, но собака ведь тебе не ответит! Так что Дяде Гасу и его пушистикам будет очень неплохо вместе. Папе Гасу, — поправился он. — «Папой» они называют Большого, который им in loco parentis.[1] «Дядя» — это просто amicus Fuzziae.[2]

— А как ты их будешь звать?

— Не знаю… — Браннард ненадолго призадумался. — Джордж обозвал свою ораву именами преступников. Фиц Мортлейк — именами детективов и шпионов. А я своих буду звать именами охотников. Из литературы: Аллан Квотермейн и Натти Бампо. Эй, мелкие, слыхали? У вас теперь есть имена. Ты будешь Аллан Квотермейн, ты —

---

[1] Примечания: 1
Вместо отца (лат.).

[2] Примечания: 2
Друг пушистиков (лат.).

Натти Бампо. Надеюсь, я не забуду, кто есть кто…

На следующий день Джек переслал регистрационные номера, отпечатки пальцев и новые имена пушистиков в Бюро опекунства, миссис Пендарвис, так что Гас Браннард официально сделался Папой Гасом. Папа Гас, хоть и неохотно, взял Аллана Квотермейна и Натти Бампо с собой на охоту за чертовой скотиной. Он взял свой большой двуствольный «экспресс», и с ним отправился еще один из людей Джорджа Ланта с таким же оружием. На чертову скотину не стоит охотиться в одиночку, даже в компании двух пушистиков. Пушистики прекрасно знали, где и как их можно найти, но, когда они узнали, что Папа Гас и другой Большой собираются выйти из машины и стрелять их с земли, они решили, что Большие сошли с ума.

— Мне не сразу удалось объяснить им, в чем дело, — рассказывал Гас, когда они вернулись. — Туземцы редко могут понять, что такое спортивная охота. Но когда я сказал, что «так интереснее», до них дошло. Я даже научил их стрелять. Они сказали, что это интересно.

— Не из «экспресса», я надеюсь?

— Нет, из моего пистолета. — Пистолет Гаса был 8,5-миллиметровый «марс», охотничье оружие с

восьмидюймовым стволом и съемным прикладом. — Он для них, конечно, тяжеловат, но отдача им совершенно не мешает. Я даже удивился. Я думал, их каждый раз будет с ног сшибать — ничего подобного! Им понравилось.

Холлоуэй тоже удивился. Он думал, что для пушистиков даже 0,22 будет великоват.

— Попрошу Марта Бержесса сделать им пару маленьких ружей, — продолжал Гас. — Калибра восемь с половиной, весом фунта в четыре. Однозарядное — хватит с них для начала. Многозарядное устройство для пушистика штука слишком сложная.

Если есть человек, который способен сделать ружье для пушистика, так это Март Бержесс. Он делал оружие, как Генри Стенсон делал инструменты. Такие мастера встречаются лишь на малонаселенных планетах, где отсутствие большого рынка препятствует возникновению поточного производства. Но Холлоуэю не очень понравилась эта идея.

— Все пушистики узнают об этом и тоже захотят иметь ружья. Ты знаешь, что будет, если дать ружья примитивному народу? Научи этих пушистиков делать луки — и они смогут делать их для себя сами. Дай народу каменного века сталь-

ные копья, ножи и топоры — и им их хватит на многие годы. А как только они научатся кузнечному делу, они смогут делать свои собственные топоры из любого кусочка железа. Но если ты дашь им огнестрельное оружие, им понадобятся припасы. Пороха и пуль им самим не сделать — и вот они попались. После этого они забудут, как пользоваться своим собственным оружием — и кончено. Они навеки зависят от нас.

Гас сказал то же самое, что говорил Панчо Айбарра пару недель назад.

— Они уже и так зависят от нас, из-за хокфусина, хотя они этого и не знают. В сухопутных креветках его недостаточно. А что до зависимости — как насчет тебя самого? Ты ведь тоже сам своих припасов не делаешь — ты бросил даже набивать патроны, потому что с этим слишком много возни. Многие ли вещи, которыми ты пользуешься, ты делаешь сам?

— Это другое дело. Мне есть чем за это расплатиться. Раньше я добывал солнечники, теперь вот вожусь с этим сумасшедшим домом. Ты раньше защищал преступников, теперь вот разыскиваешь их. Но оба мы платим. А пушистикам платить нечем. Все, что они получают от нас, — это добровольные пожертвования.

— Клянусь Ниффльхеймом! Так уж и нечем? Ты что, всерьез хочешь сказать, что ты ничего не получаешь от Маленького Пушистика, и от Мамули, к от Беби, и от прочего семейства? Но если так, почему бы тебе не взять и не избавиться от них? Ты думаешь, Виктор Грето ничего не получает от своего пушистика? Да он убьет любого, кто попытается отобрать у него Алмаза! Или я ничего не получаю от моих Аллана и Натти, хоть и познакомился с ними только вчера? Если уж говорить о зависимости, так это мы от них зависим! Мы зависим от пушистиков. И они платят нам за все, что мы для них делаем, просто тем, что они есть. Надо просто не мешать им оставаться пушистиками, и все будет в порядке. С ними ничего не случится, пока мы сами не причиним им вреда.

13

Через два дня Гас Браннард вернулся в Мэллори-порт и увез с собой Аллана Квотермейна и Натти Бампо. Все трое были счастливы. Прочие пушистики тоже были счастливы: завистливость, как и ложь, была им совершенно не свойственна. Проводить друзей собралась большая толпа. Джек смотрел, как они расходятся небольшими группками, собираясь вернуться к играм или к занятиям, и болтают о том, как повезло Аллану и Натти, и что скоро у них у всех тоже будут свои Большие. Джек вернулся в свой офис.

Из Каньона Желтого Песка прислали новые топографические данные и подробные карты местности к северу от Границы. В общих чертах всем было известно, как выглядят те места, в основном из снимков, сделанных из космоса, с базы Космофлота на Ксерксе. Но теперь они пользовались материалами, полученными с помощью низкой аэрофотосъемки, в основном бассейна Желтой реки и Озерной реки, впадающей в нее с запада. Это, конечно, еще не давало сведений о том, сколько там пушистиков и где они живут.

Джек предполагал, что пушистиков там немного и установить с ними контакт будет дьявольски трудно.

Он надел шляпу и снова вышел. В здании школы было сравнительно тихо. Там занималась маленькая группа под руководством Синдрома, Катастрофы Джейн и пары новых пушистиков-преподавателей. Они объясняли, как нужно говорить задней частью рта, как Большие. Рут ван Рибек, Мамуля, Ко-Ко и Золушка вели урок земного языка: «Большие не гово'ят «затку», большие гово'ять «сухопутная кьеветка». Джек замечал, что наибольшие трудности у пушистиков вызывает звук «р», а также сочетания согласных. Еще трое занимались кузнечным делом. У них были ксероксы фотографий из какой-то книги с изображениями древнего оружия допороховой эры: английские и швейцарские алебарды. И сейчас они ковали алебарду со стальным древком. Деревянные древки получались либо слишком непрочными для сильных рук пушистиков, либо слишком толстыми и неудобными. Снаружи доносились крики и писк.

Джек вышел на улицу с другого конца постройки и увидел, как пять-шесть десятков пушистиков упражняются в стрельбе из лука, по очереди

стреляя в сшитую из мешковины и набитую опилками фигурку зароленя в натуральную величину, довольно похожую на настоящее животное. Герд ван Рибек распоряжался стрельбами. Ему помогали Диллинджер, Нед Келли, Маленький Пушистик и Ид. Один из пушистиков встал, расставил ноги, оттянул тетиву до уха и выпустил ее. Стрела вонзилась туда, где должны были быть ребра зароленя. Не успела стрела достигнуть цели, а пушистик уже выхватил из колчана вторую стрелу и наложил ее на тетиву.

— Не видел ли кто-нибудь поблизости верховного шерифа ноттингемского? — спросил Герд. — Если он не возьмется за дело, в королевских лесах скоро не останется ни одного оленя!

Вторая стрела вонзилась тряпичному зароленю в основание шеи. Вот вам и новые имена для пушистиков: Робин Гуд, Братец Тук, Маленький Джон, Билл Скарлет…

Обычной стае пушистиков зароленя хватит дня на два. Если их вдвое больше — на день. А зароленей в лесах — пруд пруди. Если эта дичь станет доступна, значит, пушистики смогут охотиться большими стаями. А из шкуры зароленя получится три, а то и четыре заплечные сумки — конечно, не такие удобные, как непромокае-

мые рюкзачки на «молнии», но все же пригодные для того, чтобы хранить в них вещи. А пушистикам это необходимо. Джек вспомнил, как мало имущества принесла с собой стая Маленького Пушистика, а ведь по меркам гашта они могли считаться богачами. Обычно в стае были лишь дубинки, кремневый нож и топорик. Всякая зарождающаяся культура держится на имуществе — орудиях, с помощью которых можно делать что-то еще. Все остальное — законы, общественная организация, философия, — приходит потом.

Робин Гуд — а может быть, Сэмкин Эйлворд — выпустил третью стрелу, и все пушистики вместе кинулись за сотню ярдов к мишени. Просто чудо, как быстро эти малыши научились стрельбе из лука — меньше чем за месяц. Людям понадобилось бы не меньше двух лет, чтобы научиться стрелять так, как они. Пушистик с луком в лесу будет всегда сыт. Десяток-другой лучников без труда прокормят целое поселение. Они смогут устраивать себе постоянные жилища, им не придется все время кочевать с места на место. Так будет куда проще все устроить: цепочка деревень пушистиков, рассеянных по всему Пьедмонту, куда раз в пару дней заезжают патрульные машины, снабжающие их хокфусином. Может быть,

даже большие деревни, и в каждой — дежурный из Сил охраны.

И дать им огнестрельное оружие и припасы! Какого черта! Пуля из 8,5-миллиметрового скорострельного пистолета может уложить зароленя. Гас Браннард настрелял уйму дичи из своего «марса». Выстрел может убить даже гарпию. Во всяком случае, пара пуль заставит даже чертову скотину держаться подальше от пушистиков. Да, им потребуются боеприпасы. Ну и что? Все равно они нуждаются в хокфусине. Лишний ящик патронов не составит большой разницы. К тому же до тех пор, пока им нужны патроны, они останутся в тех местах, где их можно снабжать хокфусином.

На следующий день по дороге в Желтые Пески завернул Виктор Грего вместе с Алмазом. Поздоровавшись со всеми знакомыми людьми и спросив разрешения у Папы Вика, Алмаз отправился гулять с Маленьким Пушистиком.

— Сколько у вас тут пушистиков? — спросил Грего, шагая вместе с Джеком к школе.

Джек ответил, что около пятисот. Грего, как и все прочие, считал, что это очень много. Черт возьми, конечно, много! А что поделаешь?

— Когда я летел сюда, — добавил Грего, — я

видел пару сотен пушистиков там внизу, у Холодного ручья. Жгут костры, рядом пара грузовиков. Это тоже твои?

— Конечно! Это у нас верфь и мореходная академия. Мы учим их строить плоты и управляться с ними. Реки для пушистиков — препятствие почти неодолимое. Такая река, как Змейка в нижнем течении или Черноводье, для пушистика кажется больше, чем Амазонка на Земле или Фа-ансаре на Локи. Вот почему их здесь так много: речные системы на севере не дают им сворачивать в сторону, и они все сходятся сюда вдоль Холодного ручья.

— Ну, этим-то плоты уже не понадобятся. Они и сами дошли куда надо. Они уже нашли людей.

Да. Взять их и выгнать обратно в леса уже невозможно. Джек только теперь осознал это. Поманить живое существо обещанием чего-то чудесного, а потом отобрать — это величайшая жестокость.

— Прямо не знаю, какого Ниффльхейма я с ними буду делать, — признался он. — И вообще, все это будет зависеть от того, сохранят ли за пушистиками статус несовершеннолетних.

— Можно записать это в Конституцию, — предложил Грего. — То есть если мы сумеем заставить

Конституционное собрание принять ее со всем, что мы в ней напишем.

Они были уже почти у самой школы. Джек остановился.

— То есть как? — спросил он. — Ты в этом не уверен?

— Ох, ну ты же знаешь, какое барахло все эти наши делегаты. Там всего человек шестьдесят тех, на кого можно положиться, а для принятия конституции нужно две трети голосов. А прочая свора продаст нас за-шоколадный батончик.

— Ну так дай им этот батончик! Дай им даже два батончика. И скаутский нож с восемью лезвиями и золотой рукояткой.

Он повторил слова Гаса Браннарда о том, что на планете нет единой богатой оппозиции, которая могла бы перекупить сторонников Компании и правительства.

— Это-то меня и тревожит, — сказал Грего. — Хьюго Ингерманн. Я знаю, что он задумал. Он хочет развалить Компанию и правительство Бена Рейнсфорда и использовать их крушение в своих интересах. Это только кажется, что Партия благосостояния планеты сдохла. Такие штуки живучи, как болотный змей с Нидхегг — и не менее ядовиты. Он добивается того, чтобы была принята

конституция, направленная против Компании. А потом он добьется созыва Законодательного собрания, настроенного против Рейнсфорда.

— А много ли у него денег? — спросил Джек, уводя Грего от школы, к своему офису. Такие вещи лучше обсуждать наедине. — И сколько он тратит?

— Насколько нам известно, он не тратит ничего, зато занимает направо и налево. Ты знаешь Северный район Мэллори-порта?

Это была одна из немногих ошибок Грего. Лет десять назад на планете произошла короткая вспышка частного предпринимательства, и Компания продала в частные руки земли к северу от города. Теперь это был мертвый город: заброшенные фабрики и склады и полуразрушенный аэропорт. Хьюго Ингерманн-приобрел большую часть этих развалин.

— Ради этого он занимает, где сколько может. Нет, разумеется, мы выкупаем из банка закладные. Если эти земли попадут в чужие руки, владелец может устроить там космопорт, который будет конкурировать с космопортом Терра — Бальдр — Мардук на Дарии, а мы этого не хотим. Он занимает деньги наличными или в конвертируемых сертификатах Банковского кар-

теля. В банк он все это не кладет. В банке говорят, что счет у него почти пустой. Я не знаю, зачем ему столько наличных. И это меня беспокоит. Мы не смогли выяснить, на что он их тратит.

Значит, он их не тратит. Точка. Источники у Компании надежные. Они пошли в офис, долго обсуждали эту загадку, но так и не придумали ничего толкового. Хьюго Ингерманн что-то задумал, и они не знали, что именно. Им обоим это не нравилось. Они не стали рассказывать об этом другим за коктейлем — вместо этого они говорили о пушистиках и о том, что делать с новоприбывшими.

— А почему бы вам не устроить колонии пушистиков на других континентах? — спросил Грего. — У нас много земель, подходящих для пушистиков, которые мы могли бы вернуть правительству за символическую цену. А то если программа по снабжению хокфусином сработает так, как ожидается, скоро здесь от пушистиков проходу не будет.

Идея понравилась. Вот и еще одна проблема, которую требовалось обдумать и решить после того, как будет определен статус пушистиков.

Вечером, перед тем как пушистики ложились спать, к Джеку и Грего подошли Маленький Пу-

шистик с Алмазом.

— Папа Джек, — начал Маленький Пушистик, — Алмаз хочет, чтобы я поехал с ним в гости в дом Папы Вика, туда, где Большие копают землю. Он говорит, там интересно.

— Ты согласен, Папа Вик? — спросил Алмаз. — Маленький Пушистик поедет с нами. Потом мы будем ехать домой и п'ивезем Маленького Пушистика об'атно.

— Что скажешь, Джек? — спросил Грего. — Через пару дней привезу его обратно. А малыши будут рады. У Алмаза ведь нет друзей в Желтых Песках. Там, конечно, все время взрывы и все перекопано, но с ним ничего не случится. Я за Маленьким Пушистиком присмотрю, и Алмаз тоже. Алмаз знает, где опасно, а где нет.

Ну да. Алмаз, наверно, все время рассказывал Маленькому Пушистику о Желтых Песках, и теперь Пушистик хочет побывать там, чтобы потом рассказывать другим. Конечно. А Грего все время летает из Мэллори-порта в Желтые Пески и обратно и всегда берет Алмаза с собой. Если бы там было действительно опасно, он бы этого не делал. К тому же в здешних местах тоже немало роют, копают и строят, так что Маленький Пушистик знает, чего нужно остерегаться.

— Хорошо, — сказал Джек. — Поезжай с Алмазом, посмотри дом Папы Вика, поразвлекайся. Только будь хорошим пушистиком: делай, что скажут Папа Вик и Алмаз, и не делай, чего они скажут не делать. Слушай Алмаза — он знает то место, где копают.

— Никому не будет плохо, если быть осто'ожным, — сказал Алмаз. — Папа Вик гово'ит мне вещи, кото'ых делать нельзя, я скажу Маленькому Пушистику. Нам будет весело.

14

Маленький Пушистик был взволнован и счастлив. Ему всегда нравилось путешествовать, а на этот раз они ехали в новое место, где он никогда раньше не бывал, в место, которое называлось Желтые Пески. Это значит «Рохи-Насиг». Наверно, там много песку, как возле реки. Папа Вик и другие Большие копают там верхушку горы и сбрасывают в глубокое место, чтобы добыть блестящие камешки из черной твердой скалы. Все Большие любят блестящие камешки, потому что они красивые, и Папа Вик меняется ими с другими Большими, и ему дают за них разные хорошие вещи, в том числе всякие штучки, которые он дает пушистикам. Это место нашли Папа Джек и Папа Герд, и теперь оно принадлежит пьявиству; вот почему все Большие на этот раз поставили свои имена на бумагах в доме Папы Бена.

Папа Вик сидел впереди и делал так, чтобы автолет летел. Маленький Пушистик и Алмаз сидели на задних сиденьях и смотрели в окно. Они были высоко в небе. Земля расстилалась внизу точно так же, как изображающие землю штуки,

которые есть у Папы Джека — карты называются. Маленький Пушистик видел то место, где он со своей стаей спустился с холмов с правой руки солнца — это называется «север» — охотясь за сухопутными креветками. Они шли много-много дней, от времени новых листьев до времени земляных ягод, прежде чем Маленький Пушистик нашел Прекрасное Место, забрался туда и подружился с Папой Джеком. Он видел реку, слишком большую, чтобы через нее переправиться, и вспоминал, как они много дней шли вдоль нее туда, где прячется солнце — на «запад», — пока река не стала достаточно узкой, чтобы перейти ее вброд.

Вот если бы они тогда умели строить плоты, как научили их Папа Джек, Папа Герд и Дядя Панчо! Но теперь им плоты не нужны. Большие возят их на автолетах, высоко над всеми реками и горами. Им ведь тогда для того, чтобы дойти в Прекрасное Место, понадобилось больше дней, чем можно сосчитать; а теперь они проделали этот путь быстрее, чем об этом можно рассказать.

— Смотри далеко-далеко вперед! — сказал ему Алмаз. — Видишь горы, которые идут с запад на восток?

Алмаз знал слова Больших — его Папа Вик научил.

— Желтые Пески там. Скоро все-все увидим, потом спустимся вниз, на землю.

Впереди летел еще один автолет, зеленый. В таких летают полицейские Папы Джорджа в синей одежде. Может, на гарпий охотятся. Они убили много гарпий из больших скорострельных винтовок. Папа Вик поговорил с ними через дальнеговорильные штучки — «радио». Потом перелетели через гору. С той стороны, откуда они подлетали, она была не крутая, но с другой стороны резко обрывалась вниз. Пушистик понял, что они далеко-далеко на севере. Он помнил такие горы. За горой была река, а за рекой еще гора, которая тоже плавно поднималась вверх и тоже резко оборвалась, а за ней еще одна гора. За той дальней горой висело желтое облако. Увидев его, Алмаз радостно махнул рукой.

— Это Желтые Пески, место, где копает Папа Вик! — сказал он. — Много пыли там, где копают Большие!

— Эй, малыши! — сказал Папа Вик. — Смотрите в правое окно! Я сделаю круг, чтобы вы могли посмотреть на все сверху. Потом полетим через гору, вниз.

Папа Вик немного снизил автолет и снизил скорость. Они перелетели через гору. Алмаз,

сидевший рядом с Маленьким Пушистиком, показывал, где что. За горой были две реки. Они сливались вместе, и там, где они сливались, гору рассекало ущелье, и реки текли в него. И там были Желтые Пески, место Папы Вика. Оно было куда больше Прекрасного Места. Там была по меньшей мере рука рук домов… Как же это будет на языке Больших? А, двадцать пять! У Больших есть слова для любого множества, даже для того, сколько листьев на большом дереве. Маленький Пушистик видел глубокое место, где две реки сливались в одну и текли через горы, и на берегу работали Большие — много-много Больших, много-много машин: копающие машины, поднимающие машины, машины, сгребающие землю, и большие грузовые автолеты.

Наверно, у Папы Вика много-много друзей, и они все собрались, чтобы помочь ему копать, а скоро придут и другие, потому что там строят еще дома. Наверно, Папу Вика все любят.

Папа Вик перелетел через вершину горы. Маленький Пушистик очень удивился. Он думал, что там будет долина, а за ней еще гора, но горы не было. Склон уходил вниз, почти отвесно, далеко-далеко, а дальше лежала плоская земля, с маленькими холмами, а за ними были холмы

побольше, а дальше уже ничего не было видно. Папа Вик спускался вдоль склона, все ниже и ниже, почти к самому подножию горы, а потом повернул и полетел к ущелью, откуда вытекала река. Маленький Пушистик задрал голову и посмотрел наверх, сквозь прозрачную твердую крышу кабины. Как же далеко до вершины горы! Да, ему стоило поехать сюда, даже если он ничего больше не увидит!

Река текла так быстро, что поверхность покрылась белой пеной; по берегам были песчаные пляжи. Теперь Маленький Пушистик понял, почему Большие зовут это место Желтые Пески. А выше по берегам росли деревья до самого подножия крутых склонов горы. Через эту реку никто не переберется, даже Большие на плотах.

— Плохое место, — сказал ему Алмаз. — Не ходи близко. Упадешь в реку — сразу сделаешься мертвый.

— Да, Маленький Пушистик. Он прав. К реке подходить совсем не надо, — сказал Папа Вик. — А теперь посмотри вперед!

Впереди была падучая вода. Маленький Пушистик и раньше видел водопады, но таких высоких — еще никогда. Он слышал его даже из автолета: вода все время грохотала, как гром. А высоко

вверху пролетали большие грузовые автолеты и сбрасывали свой груз: обломки камня, землю и даже целые деревья, выкорчеванные с корнем. Папа Вик повел автолет вперед и вверх, чтобы они могли полюбоваться водопадом. И наконец они перевалили через вершину.

Они прибыли в место, где все друзья Папы Вика копали для него. Маленький Пушистик смотрел вниз, глядя, как они работают, пока наконец автолет не опустился на землю среди блестящих металлических домов, перед самым большим. Там собралось около руки ожидавших их Больших. Они все были одеты так, как одевался Папа Джек, когда был дома в Прекрасном Месте, кроме двоих, которых звали Начальник и Капитан: эти были в синей полицейской форме, и у всех были при себе ружья, как у Больших в Прекрасном Месте. Все они были замечательные.

Папа Вик показал ему, где они с Алмазом будут спать, и Маленький Пушистик положил там свое рубило-копалку, но заплечную сумку оставил при себе. Потом Папа Вик повел их с Алмазом показывать место, где копают. Алмаз видел его уже много раз. Он объяснял Маленькому Пушистику, как здесь работают: как сначала снимают мягкий белый камень и докапываются до черной

твердой скалы, а потом взрывают твердую скалу и ищут там блестящие камешки. Маленькому Пушистику было очень интересно смотреть, как они это делают, и он увидел замечательную вещь: ползучую ленту, вроде тех ползучих лент и ползучих лестниц, что он видел в зданиях Места Больших Домов, только гораздо больше. Эта лента несла черную твердую породу в место, обнесенное прочной проволочной изгородью.

Папа Вик и туда их сводил. Здесь дробили твердую скалу и доставали из нее блестящие камешки. Этим занималось много-много Больших. И еще там было много Больших в полицейской форме, с маленькими ружьями на поясе и маленькими двуручными скорострельными ружьями на плече. Они все стояли и смотрели. Наверно, они боялись, что плохие Большие захотят прийти и взять блестящие камешки. И еще Маленький Пушистик видел место, где блестящие камешки сортировали. Они были очень красивые и горели, как огонь. Неудивительно, что они боятся, что кто-нибудь возьмет такие красивые вещи!

Потом они вернулись к большому железному дому. Наступило время обеда. Им с Алмазом дали на обед пиз'тьи. После обеда Папа Вик долго разговаривал с другими Большими. Маленький

Пушистик не понимал почти ничего из того, о чем они говорили. Вроде бы разговор шел о здешней работе. Они с Алмазом играли на полу, и Маленький Пушистик курил свою трубку. Алмаз не курил — ему это не нравилось.

После обеда Папа Вик повез их на своем автолете посмотреть, как его друзья будут устраивать взрыв. Маленький Пушистик знал, как это делают. Большие кладут в землю какую-то штуку и уходят от нее подальше, а потом она выстреливает, как ружье, но только гораздо громче, и во все стороны летит дым, пыль и большие камни. От этого легче копать, но находиться рядом опасно. От этих взрывов трясется земля. Большие словно ничего не замечают, а у пушистиков от этого болят ноги. Вот почему Папа Вик повез их смотреть на взрыв на автолете. А как только взрывы кончились. Большие снова полезли в карьер со всеми своими машинами и опять начали копать.

Потом Папа Вик снова отвез их с Алмазом в большой железный дом, они поели еще пиэ'тьи и стали играть с вещами Алмаза. А потом Алмазу было пора спать — он спал днем, — и он лег на Свои одеяла и уснул.

Маленький Пушистик лег рядом с Алмазом и тоже попытался уснуть, но у него ничего не

получилось. Его слишком взбудоражило все, что он видел. Он думал о том, как друзья Папы Вика помогают ему копать, и обо всех этих машинах, на которых они работают, а потом о красивых блестящих камешках, которые он видел, о том, какие они разноцветные и горящие, словно угли в костре. Он хотел найти себе такой камешек, чтобы взять его в Прекрасное Место и показать всем остальным.

Он знал, что Папа Вик даст ему такой камешек, если он попросит, но Папа Джек строго-настрого запретил ему попрошайничать, когда он будет в гостях. Ну, может быть, он сам сумеет найти себе такой камешек… Конечно, все блестящие камешки, что тут есть, принадлежат Папе Вику, но, если найти такой камешек самому и попросить разрешения оставить его себе, это же не значит попрошайничать, верно? Он хотел спросить, что думает об этом Алмаз, но Алмаз спал. Нехорошо будить того, кто спит. Это можно делать, только если что-нибудь не так или если грозит опасность.

Поэтому Маленький Пушистик решил пойти и поискать себе камешек. Он надел заплечную сумку, взял свое рубило-копалку, на случай, если ему попадутся сухопутные креветки, вышел из

дома и пошел к краю ущелья, в сторону от того места, где работали Большие. Он нашел много черной скалы в том месте, где они копали когда-то раньше. Пушистик остановился, огляделся, но никаких блестящих камней не увидел. Наверно, они уже нашли все блестящие камни, какие здесь были. Он подошел к краю ущелья и посмотрел вниз. И увидел там, на дне, еще черные скалы.

Конечно, Папа Вик и Алмаз говорили ему, чтобы он держался подальше от ущелья, но ведь до того места, где Большие сбрасывают вниз землю и камни, далеко. Здесь, наверно, не опасно… И он полез вниз.

Лезть было трудно, и до дна оказалось куда дальше, чем он думал. Несколько раз он хотел повернуть обратно, но черные скалы на дне манили его, и Пушистик продолжал путь. Он хотел найти себе блестящий камешек. Здесь было много ненадежных камней, так что ступать нужно было осторожно. Ему приходилось помогать себе рубилом и цепляться за кустики, растущие на крутом склоне ущелья. А среди них были кусты и даже большие деревья, которые Большие выкопали и сбросили сверху. Так что надо было быть очень осторожным.

В конце концов он спустился к самому берегу.

Быстрая река пенилась среди камней. Пушистик начал жалеть, что полез сюда. Черная твердая скала была вся раздроблена на мелкие куски, не крупнее самого Пушистика, и он понял, что здесь не может быть блестящих камней. Он знал, что делают Большие: они разбивают черную скалу на маленькие куски и просматривают их штукой, которую Папа Вик называл сканером, и эта штука говорит им, есть ли в скале блестящие камешки.

Некоторое время он смотрел на обломки скалы, потом сказал:

— Сукисын-будь-ты-пьеклят-чейтпобейи!

Он не знал, что это значит, но Большие всегда так говорят, когда что-то идет не так. Потом он пошел вдоль берега, выискивая менее крутой склон, по которому можно было бы залезть обратно, подальше от того места, где друзья Папы Вика сбрасывают вниз камни. Оглядевшись, Пушистик увидел удобный плоский камень, а над ним — еще один, а над ними — удобный кустик, за который можно было ухватиться.

Он спрыгнул с выкорчеванного дерева, на которое он взобрался, на тот плоский камень. Но как только его ноги коснулись камня, все скалы вокруг поползли вниз. Пушистик пытался удержаться на ногах и выронил рубило — он слышал,

как оно звякнуло о камни. А потом его потащило вниз, к реке. Пушистику было страшно как никогда в жизни — страшнее даже, чем тогда, когда его чуть не поймал чащобный лешак. А потом он оказался в воде.

Что-то тяжелое ударило его сзади. Он вцепился в него…

15

Джек Холлоуэй потянулся за своим кисетом, не отводя глаз от экрана микрокниги. Пушистики, сидевшие перед ним на полу, тоже смотрели на экран, тихо попискивая. Они давно уже приучились не разговаривать голосами Больших, когда Папа Джек читает. Они тоже читали — по крайней мере пытались: они уже знали буквы и умели читать по слогам, и теперь долго спорили о том, что значит то или иное слово. Наверно, им недоставало Маленького Пушистика: раньше они во всех трудных случаях спрашивали совета у него. Джек продул мундштук и принялся заново набивать трубку.

Загудел экран переговорника. Джек закончил набивать трубку и застегнул кисет.

— Папа Джек, эк'ан! — закричали пушистики.

— Тише, малыши, — сказал Джек и включил переговорник. Увидев на экране лицо Виктора Грего, пушистики завопили:

— Хейо, Папа Вик!

— Привет, Виктор! — сказал Джек. Потом разглядел лицо Грего — и его кольнуло нехорошее

предчувствие. — Виктор, в чем дело?

— Маленький Пушистик… — начал Грего. Его лицо скривилось. — Джек, если ты захочешь меня пристрелить, я не буду возражать, ей-Богу!

— Не валяй дурака! Что стряслось?

Теперь ему стало страшно по-настоящему.

— Мы думаем, что он свалился в реку, — ответил Грего. Он произнес это так, словно каждое слово вытягивали из него раскаленными клещами.

Перед мысленным взором Джека встала тамошняя река, с ревом несущаяся по дну каньона. Он похолодел.

— «Думаете»? Но не уверены? Что произошло?

— Он потерялся где-то между половиной четвертого и пятью, — ответил Грего. — Они с Алмазом прилегли отдохнуть после обеда. Когда Алмаз проснулся, Маленького Пушистика не было. Он взял с собой сумку и рубило. Алмаз пошел его искать и не нашел. Он вернулся, когда мы сидели за коктейлем, и сказал мне. Я решил, что Маленький Пушистик просто пошел поохотиться на сухопутных креветок, но я не хотел, чтобы он бродил по карьеру один. Гарри Стифер позвонил дежурному капитану полиции и попросил объявить розыск — просто чтобы нам дали знать,

если его увидят. К ужину он не вернулся. Я начал всерьез беспокоиться. Я приказал начать поиски и сам отправился с Алмазом в патрульном джипе с громкоговорителем. Мы его звали, мы обыскали всю территорию. Алмаз уверяет, что предупреждал Маленького Пушистика, чтобы тот не лазил в каньон, но мы все же стали искать там. Когда стемнело, мы спустили в каньон грузовые автолеты с прожекторами. Наверно, мне следовало сразу позвонить тебе, но мы думали, что вот-вот его найдем.

— Да и что толку? Я бы ничего не смог сделать, только сидел бы и беспокоился, а вам и без меня забот хватало.

— Ну вот, примерно через полчаса двое копов в джипе пролетали вдоль берега, и один из них заметил, что в камнях блестит что-то металлическое. Он посмотрел в бинокль и увидел, что это рубило Маленького Пушистика. Он немедленно связался со мной. Я спустился туда — я сам только что поднялся из каньона наверх. Но там больше ничего не было, кроме этого рубила. Все то место завалено камнями, скатившимися сверху, и склон осыпается. Он расположен прямо под одним из бывших богатых карьеров. Мы думаем, что камни поползли в реку, он выронил рубило,

пытаясь за что-нибудь ухватиться, и оползень увлек его вниз… Джек… Это я во всем виноват, черт возьми…

— Да иди ты!.. Не мог же ты все время водить его на веревочке! Ты думал, что с Алмазом он будет в безопасности, а Алмаз думал, что он тоже ляжет спать, а… — Джек помолчал. — Я сейчас приеду и кое-кого привезу. Эта река, конечно, дьявольски опасное место, но вдруг он все же выбрался! — Джек взглянул на часы. — Через час увидимся.

Он позвонил Герду ван Рибеку, который как раз ложился спать, и все ему рассказал. Герд выругался, потом пересказал услышанное Рут, которая сидела где-то за пределами видимости экрана.

— Ладно, я сейчас. Вызову Силы охраны, найду Бьорнсена и прочую шайку, которые тогда со мной ездили — они те места знают. До встречи!

И Герд вырубился. Джек стряхнул домашние мокасины и натянул сапоги, пристегнул пистолет, надел куртку и шляпу. Вещмешок у него всегда был наготове, как раз для таких срочных случаев. Прогноз погоды не радовал: юго-западные ветры, теплый фронт должен столкнуться с холодным фронтом у моря на западе. Джек захватил плащ-дождевик. Через несколько минут в дверь уже стучал Герд. Рут тоже была с ним.

— Я посижу с твоими пушистиками и уложу их спать, — сказала она. — Или заберу к себе, если они не захотят оставаться одни.

Джек кивнул с отсутствующим видом. Рут продолжала:

— Джек, не волнуйся. Может, с ним все в порядке. При необходимости пушистики могут плавать, ты же знаешь!

Только не в Каньоне Желтого Песка. Джек не поручился бы даже за то, что чемпион межпланетных Олимпийских игр по плаванию сможет выплыть в такой мясорубке. Он что-то сказал — сам не понял что, — и они с Гердом побежали в ангар и вывели его автолет.

Когда они взлетели, Джек пожалел, что позволил вести машину Герду: это хотя бы немного могло отвлечь его от мрачных мыслей. А так ему ничего не оставалось, как сидеть в кабине, пока машина летела сквозь ночь на север.

Минут через десять они влетели в облако: та самая дождевая туча, о которой предупреждал прогноз. Они спустились пониже. Быть может, снаружи шел дождь — но такой автолет способен пролететь сквозь тропический ливень на Мимире и не заметить. Джек увидел молнию на северо-западе, потом на западе. Потом молния

вспыхнула под тучами прямо впереди.

Когда они сели в шахтерском городке в Желтых Песках, моросил мелкий дождь. Грего ждал его вместе с Гарри Стифером, начальником полиции Компании, который переехал в Желтые Пески, когда начались разработки. Они пожали друг другу руки, Грего — с некоторой опаской.

— Пока ничего, Джек, — сказал он. — С тех пор как я тебе звонил, мы обшарили весь каньон, дюйм за дюймом. Но ничего не нашли, кроме того рубила.

— Виктор, ты здесь ни при чем. Тебя никто не обвиняет. И вообще, что толку кого-то обвинять? Алмаз тоже ни в чем не виноват, и, думаю, даже сам Маленький Пушистик не особенно виноват. Он просто хотел посмотреть, что там внизу. Быть может, думал, что найдет затку. Ведь близ Хоксу-Митто их уже мало осталось.

Черт возьми, он убеждает уже не Грего, а самого себя!

— Хирохито Бьорнсен летит сюда, с тем отрядом, который располагался здесь, пока каньон не перешел к вам.

— В каньоне его нет, в этом мы уверены. Мы осмотрели все вдоль обоих берегов, но я не думаю, что он сумел выбраться. Живым — навряд ли.

— Да, я знаю, что там творится. Черт возьми, ведь это я его нашел. Лучше бы я его не находил!

— Джек, я бы отдал все солнечники этой чертовой горы, лишь бы… — начал Грего, потом остановился. Все это было бесполезно.

Бьорнсен прилетел с боевым автолетом и двумя патрульными машинами. Прилетели Джордж Лант и Панчо Айбарра. Всю ночь они провели в поисках либо сидя за кофе в штабе, слушая отчеты и следя за экранами. Небо посветлело, из черного сделалось мутно-серым. Наконец выключили прожектора. Дождь продолжался, становясь все сильнее. Он беспрерывно барабанил по круглой крыше домика.

— Мы уже на полпути к устью Озерной реки, — доложил Бьорнсен. — Осматриваем оба берега, но его нигде не видно. Если бы еще видимость не была такой плохой…

— Какая там видимость! — вмешался полицейский. — На расстоянии пистолетного выстрела уже ничего не видно. Туман сгущается.

— Проклятая река с полуночи поднялась дюймов на шесть, — сказал кто-то еще. — И вода продолжает прибывать!

И он весьма нелестно высказался в адрес дождя.

Джек начал зевать. Грего, сидевший напротив за грубым столом из нестроганых досок, уже наполовину уснул. Его голова медленно склонялась на грудь, потом Грего рывком выпрямлялся.

— Кто-нибудь может продолжать дежурить? — спросил он. — Я пойду лягу. Разбудите меня, если что-нибудь станет известно.

В углу домика стояла пара армейских коек. Грего встал и направился к ним, расстегивая на ходу пояс. Присел на край койки, стянул сапоги и уже собрался лечь, когда обнаружил, что забыл снять шляпу.

16

Поначалу Маленький Пушистик сознавал только, что ему очень плохо. Он продрог, промок, проголодался, и все тело у него болело: не где-то в одном месте, а повсюду. Было темно, шел дождь, и со всех сторон слышался шум бурлящей воды. Потом Маленький Пушистик обнаружил, что он за что-то цепляется, вцепился еще сильнее и ощутил под пальцами жесткую кору. Он сидел верхом на чем-то вроде ветки. Интересно, как он сюда попал?

Потом он вспомнил. Он искал блестящие камешки там, где копали Большие, и спустился в глубокое место рядом с рекой. Лучше бы он послушался Папу Вика и Алмаза и держался подальше отсюда! Потом упал в реку. Пушистик вспомнил, как в воде обо что-то ударился и ухватился за это что-то. Вспомнил маленькое дерево, которое Большие выкорчевали и сбросили вниз. Должно быть, оно свалилось в воду вместе с ним.

А потом все стало черным, и больше он ничего не помнил — только один раз над ним мелькнуло небо, затянутое черными облаками с грозно-алой

каймой. Но тотчас же вновь стало темно и сверкнула молния. Пошел дождь.

Но сейчас дерево не двигалось. Наверно, река принесла его к берегу и оно остановилось. Значит, он может снова выйти на землю. Маленький Пушистик ухватился руками покрепче, разжал колени, опустил ногу и нащупал мягкую почву. Но с дерева решил не слезать, пока не рассветет настолько, чтобы можно было видеть, что делать дальше. Он снова ухватился за ветку ногами и завел одну руку назад, чтобы проверить, цела ли его заплечная сумка. Сумка была на месте. Пушистик хотел открыть ее, чтобы проверить, не промокла ли она, но решил не делать этого, пока не рассветет. Он поерзал, устроился поудобнее и опять уснул.

Когда он проснулся, был уже день. Было не очень светло, потому что шел дождь и поднялся туман, но все-таки все видно. По обе стороны от Маленького Пушистика катилась быстрая желтая река. Деревце застряло на небольшой песчаной отмели. На ней росла травка, валялись обломки, принесенные сюда раньше, и даже целый ствол большого дерева, сухого и мертвого. Пушистик слез со своего деревца и прошелся, разминая затекшие ноги.

Надо как можно быстрее выбраться с этой отмели. Дождь все еще идет, а когда идет дождь, реки поднимаются, и островок скоро может залить.

С одной стороны река была широкая, и того берега не было видно в тумане. С другой — слева, если смотреть по течению, — до берега можно было добросить камнем, и берег выглядел достаточно низким, чтобы на него взобраться. Маленький Пушистик подобрал несколько сучков и бросил в воду, чтобы проверить, сильное ли тут течение. Течение было слишком даже сильное, но Пушистик заметил, что сучки понесло к берегу. Он бросил в воду еще несколько палок, чтобы проверить, куда они поплывут. Потом удостоверился, что нож и лопатка надежно пристегнуты, и вошел в воду. Как только вода подхватила его, он принялся грести к берегу.

Его немного протащило вниз по течению, но все равно его несло в нужном направлении, и вскоре его ноги коснулись дна. Он выбрался на берег, оглянулся на песчаный островок, который только что оставил, и сказал:

— Сукисын ты, 'иска!

Дождь все еще шел, но Маленький Пушистик был такой мокрый, что уже не замечал этого. К тому же он устал: проплыл он немного, но все

равно плыть оказалось очень тяжело. Река была очень сильная. Маленький Пушистик боролся с ней и победил; он был рад этому. Он подошел к большому дереву, уселся на торчащий из земли корень и открыл сумку. Сумка была сухая, ни капли воды внутрь не попало. У него была лепешка пиэ'тьи; он разломил ее пополам, убрал одну половину обратно в сумку и съел половину того, что осталось. Может быть, ему не удастся найти ничего съедобного до тех пор, как он снова проголодается. От еды ему сразу стало хорошо внутри. Маленький Пушистик отложил оставшийся кусок лепешки, достал трубку и табак и закурил. Потом он достал голубую круглую штучку, в которой была стрелка, указывающая на север — компас называется, — и взглянул на стрелку. Река текла почти точно на север. Так он и думал. Потом Пушистик посмотрел, что у него есть еще.

Кроме трубки, кисета, зажигалки и компаса, был еще свисток. Маленький Пушистик несколько раз подул в него. Хорошая штука! Может быть, если он увидит где-то вдалеке Большого, ему удастся привлечь к себе внимание. Свисток он тоже отложил в сторону. Еще у него был нож, лопатка и маленькая штучка со многими орудиями, которую ему подарил Большой с белыми

волосами в Месте Больших Домов. В ней тоже был нож, маленький, но очень острый, и острая штучка, которой пробивают отверстия, и сверлилка, и напильник, и пилка, и отвертка, и даже такая маленькая штука из двух частей, которая щиплется, словно клешни сухопутной креветки, и режет проволоку. Еще у него была проволока, очень тонкая, но прочная — с ней надо быть осторожным, а не то порежешься, — и моток прочной веревки — Большие называют ее «леской» — и кусочки веревки, которые он подбирал. Маленький Пушистик всегда носил с собой много веревок — мало ли на что может пригодиться!

Он докурил свою трубочку, подумал, не закурить ли другую, потом решил этого не делать. Табака у него много, но тратить его зря не стоит. Откуда ему знать, сколько времени понадобится на то, чтобы вернуться в Желтые Пески! Если идти вверх по реке, рано или поздно он туда доберется, но, возможно, идти придется далеко. Река очень быстрая, а он долго плыл по ней на дереве. А когда он доберется до того места, где она вытекает из горы, ему придется еще лезть на гору. В глубокое место он больше не полезет, это точно!

Жалко, что рубило потерялось — ему, может быть, придется убивать животных по дороге.

Поначалу он хотел было сделать себе деревянную палочку для охоты на креветок, но потом решил это дело отложить. Он нашел три больших камня, ровных и круглых, каждый больше его кулака. Один он понес в руке, а два других уложил на сгиб локтя. И двинулся вдоль берега на юг.

Один раз он увидел на дереве большую птицу, которая спала, сунув голову под крыло. Но птица была слишком высоко, камнем не добросишь. Жалко, что у него нет такого лука, как те, что научили их делать Папа Джек и Папа Герд, и стрел к нему! Птица, наверно, вкусная… Ему захотелось снова очутиться в Хоксу-Митто, с Папой Джеком, Мамулей, Беби, Майком, Мицци, Ко-Ко, Золушкой… и с Дядей Панчо, Тетей Линн, Папой Гердом, мамой Вуф, Ид, Суперэго, Комплексом, Синдромом, и… и Маленький Пушистик принялся на ходу перечислять имена всех своих друзей из Хоксу-Митто. Ему так хотелось снова очутиться вместе с ними!

Где-то после времени, когда солнце стоит выше всего — «полдень, обед» — Маленький Пушистик увидел заразайца, который сидел, свернувшись в меховой шар. Заразайцу тоже не нравился дождь. Пушистик бросил в него камень и попал, а потом подбежал к нему прежде, чем зверек успел опом-

ниться, и ударил его ножом позади уха. Потом присел на корточки и освежевал его. Поначалу Маленький Пушистик хотел развести огонь и зажарить заразайца на палочке, но пришлось бы слишком долго искать сухие дрова, разводить костер и жарить, а он уже снова хотел есть. Поэтому Пушистик съел заразайца сырым. В конце концов, давно ли он привык есть жареное мясо?

Только надо сделать себе оружие получше этих камней.

Перейдя третий ручей, он нашел твердую скалу — не черную, как та, в которой находят блестящие камешки в Желтых Песках, но крепкую и прочную. Он долго искал и наконец нашел два обломка нужной формы и размера. К этому времени дождь перестал, туман сгустился, начало смеркаться. Маленький Пушистик подумал, что скоро настанет темное время.

Он устроил себе логово в ближайшей ложбинке, рядом с ручьем, под невысоким утесом. Для начала он нашел дерево, засохшее на корню, содрал с него ножом мокрую кору и настругал сухих щепок. Маленький Пушистик поджег стружки и принялся совать в огонь палки. Они высохли, занялись, и скоро разгорелся славный костер, теплый и яркий. К этому времени уже

стемнело, но костер освещал скалы. Маленький Пушистик набрал еще дров. Некоторые сучья были такие большие, что он их едва тащил. Все это он разложил так, чтобы жар костра их сушил. Он собирал дрова до тех пор, пока не стало совсем темно и ничего не видно. Потом он сел, прислонившись спиной к скале, и достал из сумки два куска кремня.

Из одного надо будет сделать топор, чтобы рубить дрова и охотиться на сухопутных креветок. Из другого получится наконечник копья. Его можно будет метать или колоть им. Он долго смотрел на камни, представляя себе, какими будут топор и наконечник, когда он закончит работу. Потом достал лопатку. Рукоятка лопатки была из сделанного материала, «пластика». Он принялся бить пластиковой рукояткой по краю камня. Рукоятка слегка помялась и поцарапалась, но от кремня все же отлетали осколки. Временами Маленький Пушистик откладывал работу и подбрасывал дров в костер. Однажды он услышал поблизости визг чащобного лешака, но не испугался: огонь отпугнет хищника.

Наконечник делать было труднее. Пушистик сделал его заостренным на конце, с острыми гранями и с выемками на другом конце, чтобы

привязывать к древку. На это потребовалось много времени, и, когда Маленький Пушистик наконец закончил работу, он был усталый и сонный. Он отложил в сторону наконечник и топор, подбросил в костер побольше дров, осмотрел землю между костром и собой, чтобы убедиться, что огонь не подберется и не обожжет его, пока он спит, свернулся калачиком, прижавшись спиной к скале, и уснул.

Когда он проснулся, костер уже прогорел. Поначалу Маленький Пушистик испугался: ведь после того как огонь погас, к нему мог подобраться лешак! Но ложбинка вся пропахла дымом, а у лешаков чутье куда лучше, чем у Народа. Они, наверно, боятся запаха дыма.

Он выкопал себе ямку лопаткой, сделал свое дело, потом зарыл ее. Напился из ручья, съел оставшуюся со вчерашнего дня половинку лепешки. Потом нашел молодое деревцо, высотой примерно с Большого, выкопал его лопаткой и обрубил корни, чтобы получилась удобная рукоять. Потом обрубил ствол — получилось топорище длиной в руку, — расщепил его ножом, вставил в расщеп каменный топорик и провертел сверлилкой отверстие пониже расщепа. В отверстие он продел проволоку и обмотал ею камень, чтобы он

держался прочно. Папа Джек и Папа Герд говорили, что приматывать надо тонкими корешками или кишками животных, но Пушистику было некогда с этим возиться, а потом, проволока куда надежнее.

Топором он срубил еще одно молодое деревцо, прямое и тонкое. Топор рубил хорошо — Пушистик им очень гордился. Он приладил наконечник к древку, тоже с помощью проволоки. Управившись с этим, он разгреб костер, нашел непотухшие угли и разбил их лопаткой. Папа Джек, Папа Джордж и Папа Герд всегда говорят, что нельзя оставлять непогашенный костер. Потом Пушистик огляделся, чтобы ничего не забыть, взял топор и копье и направился через лес к большой реке.

Незадолго до полудня Пушистик нашел еще одного заразайца, метнул копье и попал. Потом прикончил его, отрубив ему голову. Это его порадовало: он использовал оба новых орудия, и оба оказались хорошими. Он развел небольшой костерок, и когда огонь прогорел, оставив лишь раскаленные уголья, Пушистик нанизал на палку окорочка заразайца и поджарил их, как его учили в Хоксу-Митто.

«Какой Папа Джек умный», — думал Пушистик,

присев на корточки у костерка и уплетая вкусное горячее мясо. Он раньше часто удивлялся, зачем Папа Джек учит их всему, что нужно для жизни в лесах, если у них есть Большие, которые о них заботятся. А оказывается, вот зачем! Может ведь случиться так, что пушистик вдруг потеряет своего Большого, или сам потеряется, как вот он, Маленький Пушистик. И тогда они смогут сами позаботиться о себе.

Он решил не есть всего заразайца. Шкуру он снял аккуратно, и теперь завернул в нее все, что осталось от тушки, и сунул это в заплечную сумку. Он пожарит это мясо и съест, когда остановится на ночлег.

Все еще висел густой туман, временами накрапывал дождь. На этот раз Маленький Пушистик устроил себе логово под двумя большими кустами с развилками сучьев примерно на одной высоте. Он срубил шест и уложил его горизонтально. Потом нарубил веток и прислонил их к шесту, а промежутки заполнил другими, более тонкими ветками. Вокруг росло много папоротников. Пушистик набрал их, высушил у огня и устроил себе постель. Сегодня он уже не чувствовал себя таким усталым, и тело больше не ныло. Зажарив и съев еще часть тушки заразайца, он раскурил трубоч-

ку и принялся играть камешками, выкладывая из них картинки, изображавшие его сегодняшние подвиги. А потом лег спать.

Следующее утро тоже выдалось туманным и дождливым. Он пожарил на завтрак одну из прибереженных ножек заразайца, потом разбил уголья, оставшиеся в кострище, и снова двинулся в путь. Когда солнце поднялось уже довольно высоко. Маленький Пушистик нашел сухопутную креветку, отрубил ей голову и расколол панцирь. Он не стал разводить огонь, чтобы зажарить ее: креветок нужно есть сырыми, так гораздо вкуснее. Большие ведь тоже многие вещи едят сырыми.

В середине дня он встретил глупыша, объедавшего кору с дерева. Вот удача! Теперь ему мяса дня на два хватит! Пушистик ударил копьем глупыша сзади, а потом прикончил его топором. На этот раз он разложил костер. Выпотрошив глупыша, он принялся соображать, как же его нести. Глупыш весил немногим меньше самого Маленького Пушистика, и тот решил не снимать с него шкуру. Вместо этого он отделил печень, почки и сердце — самые вкусные части — и зажарил их на костре. Съев все это, Пушистик отрубил голову — она тяжелая, а есть в ней, считай, нече-

го — и положил тушку так, чтобы кровь стекла. Управившись с этим. Маленький Пушистик связал задние и передние ноги глупыша веревкой, присел на корточки и взвалил всю тушу на себя. Туша была тяжелая, но, когда он приноровился, нести ее оказалось не так уж трудно.

Через некоторое время, приблизившись к реке, Маленький Пушистик увидел сквозь туман, что в нее с востока впадает еще одна река. Она тоже была большая. Дальше та река, вдоль которой он шел, выглядела куда меньше, оттого что эта другая река еще не присоединилась к ней. Маленький Пушистик подумал, что это хорошо. Река выглядела немногим шире, чем там, где она вытекала из глубокого места в горе. Значит, до Желтых Песков не так уж далеко. Маленький Пушистик был уверен, что, если бы не туман, он мог бы разглядеть впереди большую гору.

В тот день он заночевал в дупле, достаточно просторном, чтобы в нем спать. На ужин он зажарил кусок глупыша. Маленький Пушистик наелся до отвала и почувствовал себя совершенно счастливым. Скоро он вернется в Желтые Пески, и все будут ему рады… Перед сном он выкурил еще трубочку.

Следующий день выдался хороший. Дождь

перестал, туман развеялся, небо на востоке засветилось. Но, главное, Маленький Пушистик услышал вдалеке шум автолетов! Это хорошо: Папа Вик и его друзья хватились его и теперь разыскивают. Но шум был далеко внизу по реке. Это нехорошо. Но Маленький Пушистик знал, что ему делать: надо стараться держаться как можно ближе к реке. Если его увидят с автолета. Большие прилетят и подберут его. Тогда ему не придется карабкаться на высокую и крутую гору. Может быть, если он сумеет найти хорошее место без леса, он разложит у реки большой костер. Дым они наверняка заметят.

Шум автолетов делался все слабее и в конце концов совсем стих вдали. Пушистик нашел еще одну сухопутную креветку и съел ее. Это был четвертый день его путешествия, а он нашел всего две сухопутные креветки. Он знал, что на юге их больше, но его удивило, как мало их тут.

Дул ветер. Скоро снова начался дождь. Дождь еще не раз прекращался и начинал идти снова, прежде чем облака наконец совсем разошлись. Но дождь хлестал Маленькому Пушистику в лицо и в левый бок, а раньше он был справа. Быть может, ветер переменился? И все же это тревожило Пушистика. Наконец он взглянул на компас и

увидел, что идет вовсе не на юг, а на запад.

Это неправильно! Пушистик достал свою трубочку — Папа Джек всегда курит трубку, когда хочет о чем-то поразмыслить. Наконец он подошел к реке и посмотрел в воду.

Вода должна бы быть желтой от песка, а была грязного буровато-серого цвета. Некоторое время Маленький Пушистик смотрел на воду, потом вспомнил ту реку, которая впадала в эту с востока. Должно быть, то и была река, что вытекала из ущелья Желтых Песков, а эта река — другая.

— Сукисын! — воскликнул Пушистик. — Господи-сусе, будь ты пьеклят, чейтпобе'йи, сукисын!

Ему и в самом деле полегчало, совсем как Большим.

— Надо возвращаться обратно…

Он поразмыслил. Нет, возвращаться бесполезно: он не сможет перебраться через реку там, где она впадает в другую. Придется идти вдоль этой чертовой реки, пока она не станет достаточно узкой, чтобы через нее перебраться, а потом обратно…

— Сукисын! — повторил Пушистик.

17

Все молчали. Грего, Гарри Стифер и прочие ребята были из тех людей, которые затрудняются высказывать сочувствие словами. Да на самом деле, о чем тут говорить, Ниффльхейм его побери! Джек очень тепло пожал руку Грего:

— Спасибо за все, Виктор. Ты сделал все, что мог.

Они с Гердом ван Рибеком повернулись и пошли к машине.

— Ведешь ты, Джек? — спросил Герд.

Джек кивнул:

— Какая разница?

Герд уступил ему дорогу. Джек сел за штурвал, Герд влез вслед за ним, захлопнул и запер дверцу и сказал:

— «Готово.

Джек включил антиграв и стал возиться с радиокомпасом; когда он выглянул наружу, Желтые Пески были уже далеко внизу, и он видел внизу земли, лежащие за Границей. На юге, по другую сторону, вздымались пики менее высоких цепей.

— Может, стоит остаться подольше? — спросил

он. — Вон, облака расходятся, на юге небо голубое. К полудню совсем расчистится.

— Джек, но что мы можем сделать? Полиция и наблюдатели едва в лепешку не разбились. Джордж и Хирохито тоже. Если бы они могли что-то найти, давно бы уже нашли.

— Значит, ты думаешь, мы его никогда не найдем?

— А ты, Джек?

— Ну, Герд, он же мог выбраться! Может быть, поток выбросил его на берег… — он грязно выругался, как бы перечеркивая предыдущие слова. — Черт возьми, ну и кого я хочу обмануть, кроме себя самого? Если его не вынесло в Северные Болота, то только потому, что его тело зацепилось за корягу и его занесло песком.

Он снова умолк.

— Нет больше Маленького Пушистика, — сказал он. И через некоторое время повторил: — Маленького Пушистика больше нет.

Все они злились на него. И Камнелом, и Хромой, и Собиратель, и Другая, и Большая — Большая особенно. И даже Пыряло и Та-Что-Носит-Блестячки не высказались за него.

— Посмотрите на место, куда привел нас Мудрый! — кричала Большая. — Мудрый говорил, по

левую руку солнца хорошее место, всегда тепло, много вкусной еды. Вот что говорил Мудрый. Мудрый не знал, куда идет. Мудрый привел нас в это место! Большая течь-вода, не перейти! Дождь падает и падает, всегда холодно. Нет вкусной еды, все голодные. Смотрите, течь-вода — как ее перейти?

— Мы пойдем вверх по течь-вода, найдем место, где можно перейти. А дождь когда-нибудь перестанет: всякий дождь когда-нибудь перестает, — сказал Мудрый. — Это все знают.

— Ты не знаешь наверняка, — сказал Хромой. — Это другое место. Может быть, здесь всегда дождь.

— Ты говоришь глупые вещи. Всегда дождь — вода всюду.

— Здесь много воды, — сказала Другая. — Большая и широкая течь-вода. Может быть, здесь часто дождь.

— Небо светлеет, — заметил Пыряло. — И ветер подул. Может быть, дождь скоро перестанет.

И правда, туман рассеялся. Скоро дождь перестанет и снова выглянет солнце. Но как же перебраться через эту большую течь-воду? Река была широкая, глубокая, без каменистых перекатов; это была нехорошая, непреодолимая

течь-вода, и вокруг повсюду были большие широкие воды, и до того места, где они смогут перейти ее вброд, далеко-далеко…

— И я голодный, — пожаловался Собиратель. — Мы уже давно не ели — с последнего темного времени.

Мудрыми сам был голоден. Будь он один, он шел бы дальше, в надежде найти хоть что-нибудь, до тех пор, пока не найдет место, где можно перебраться через реку. Но остальные не пойдут. Даже Пыряло не пойдет. Они хотят есть.

— Звери прячутся в логове, прячутся от дождя, не ходят сейчас, — объяснил Мудрый. — Звери в густых кустах. Нужно идти охотиться в разные стороны. Кто что-нибудь убьет, принесет сюда, и все будут есть.

Остальные кивнули в знак согласия. Они всегда так делали, когда охотиться вместе не было смысла. Мудрый немного подумал. Он не хотел, чтобы Большая, Собиратель и Камнелом охотились вместе. Они все время будут говорить против него, а когда вернутся, начнут говорить плохое другим.

— Ты, Пыряло, и Большая идите туда, — сказал он, указывая вниз по реке. — Осторожно, не ходите в плохие места, где можно увязнуть! Хромой, ты. Другая и Камнелом пойдете вверх по течь-во-

да. Та-Что-Носит-Блестячки и Собиратель пойдут со мной. Мы вернемся в лес. Может быть, найдем хатта-зосса.

Они все злились на него, потому что шел дождь, потому что они вышли к этой большой непреодолимой реке, потому что они не могли найти никакой еды. И во всем этом обвиняли его. Тяжело быть Мудрым и вести стаю. Мудрого все хвалят, когда все хорошо, а когда плохо, его все бранят. Но когда Мудрый велел идти на охоту, все согласились. Должен же был кто-то говорить им, что делать, а кроме него, никто этим заниматься не хотел.

«Начало новой эры на нашей планете, — говорил ровный, вкрадчивый голос с экранов сотен телевизоров по всей Заратуштре, в гостиных и кафе, в бараках и в салунах поселков скотоводов. — Мэллори-порт уже готовится принять почетных делегатов Конституционного собрания, которое начнет работу через неделю.

Однако наш праздничный энтузиазм омрачен грустной нотой. Из лагеря ЛКЗ в Желтых Песках поступило сообщение, что поиски Маленького Пушистика, который, как предполагается, упал в Желтую реку, окончательно прекращены. Никакой надежды найти это милое создание

живым не осталось. Вся планета оплакивает его и сочувствует печали его друга и опекуна, Джека Холлоуэя.

Прощай, Маленький Пушистик! Ты был с нами совсем недолго, но Заратуштра никогда не забудет тебя».

18

— Сукисын! — повторил Маленький Пушистик еще энергичнее, чем в прошлый раз. Он снова разжег трубку, но после двух затяжек она потухла — в ней остался один пепел. Он продул мундштук и убрал трубку. Здесь разводить большой костер бесполезно: Папа Вик и его друзья ищут его на другой реке, той, что течет из Желтых Песков. Он даже не слышал больше шума автолетов. А идти ему еще долго: вверх по этой реке, потом обратно…

— Господи-сусе!

Ну как же он раньше об этом не подумал? Ему вовсе не нужно идти до верховий реки! Он может построить плот, как его учили. Он ведь даже помогал учить этому других! Он спустится вниз по реке, пока не увидит другую реку, и переплывет на правый берег. Тогда он окажется близко к Желтым Пескам, там, где его ищут. Как только он выберется на землю, он разведет большой костер, кто-нибудь увидит его и прилетит.

Но здесь плот построить нельзя. Берега высокие. Если он построит плот здесь, ему ни за что не

удастся в одиночку спустить его на воду. Значит, все равно придется идти вверх по реке, но недалеко: надо только найти удобное место с пологим берегом, где найдутся деревья, из которых можно построить плот, и еще порода деревьев с прочными и тонкими корнями, из которых можно будет свить веревку, чтобы связать бревна. Но прежде чем начать работу, надо поохотиться и запасти дичи, чтобы было что есть, пока он будет строить плот.

Маленький Пушистик присыпал землей пепел, выбитый из трубки, взял копье и топор и пошел дальше вверх по реке. Через некоторое время река немного свернула к югу и вдруг разлилась. Пушистик остановился. Перед ним было большое озеро. Это хорошо. Значит, здесь должны быть низкие берега и спокойная вода. Можно будет строить плот прямо на воде. Солнце только что появилось из-за горизонта. Оно было не жаркое, но с каждой минутой делалось все ярче. Пушистик почувствовал себя очень счастливым. Строить плот так здорово!

Но тут он замер на месте и сказал очень много слов, которые говорят Большие, когда злятся. Но даже это ему не помогло. Впереди был обрыв, высокий, как крыша одного из больших

металлических домов в Прекрасном Месте. Внизу Пушистик видел плоскую землю, заросшую деревьями, кустарниками и переплетенную диким виноградом, и повсюду была вода. У подножия утеса бежал маленький ручеек, который широко разливался по равнине. Плохое, п'оклятое, совершенно непроходимое место! Придется пойти вверх по ручью, чтобы обогнуть его. Далеко ли оно тянется. Маленький Пушистик понятия не имел. Он снова взглянул на компас, обнаружил, что ручеек течет почти точно на север, и пошел вдоль него.

Солнце ярко сияло, на небе появилось много голубых просветов, облака из серых сделались белыми. Маленький Пушистик быстро шагал вперед, озираясь в поисках еды и поглядывая на компас. Наконец он вышел к месту, где ручей бежал по камням, и топь кончалась.

Он перешел ручей и пошел дальше на запад, часто поглядывая на компас и припоминая, где большая река. Он услышал шум впереди, остановился и прислушался. Шум его очень обрадовал: это были глупыши, грызущие древесную кору. Он осторожно подкрался поближе и увидел целых пять глупышей, занятых кормежкой. Он выбрал самого жирного, замахнулся и метнул копье.

Бросок был не очень удачный: копье пронзило глупышу живот от одного бока до другого. Маленький Пушистик бросился вперед, чтобы его прикончить, и тут другой глупыш с перепугу бросился на него. Маленький Пушистик ударил его топором между глаз; глупыш умер на месте. Маленький Пушистик не хотел убивать двух глупышей, но испуганный глупыш может напасть. Пушистик прикончил того, которого пронзил копьем, и вырвал копье из туши. Остальные глупыши разбежались.

Маленький Пушистик выпотрошил обе туши, достал почки, печень, сердце и насадил их на палочки, которые вырезал ножом. Потом разложил костер. Когда костер прогорел и остались раскаленные угли, Маленький Пушистик положил палочки на камни, прижал их другими камнями и сел смотреть, чтобы мясо не подгорело. Вышло очень вкусно.

Маленький Пушистик отрубил голову одному глупышу и увязал тушу, как накануне. Другого он освежевал, разрезал, завернул в шкуру заднюю часть туши и привязал сверток к целому глупышу. Ноша должна была выйти тяжелая, но Маленький Пушистик решил, что управится. Он взвалил ее на плечи и пошел дальше. Теперь

ему незачем было высматривать добычу: он уже наелся, и у него был еще целый глупыш и лучшие куски от второго. Даже если бы он увидел сухопутную креветку, он не стал бы возиться с нею. Он повернул на юг; теперь, когда в небе сияло солнце, компас был не нужен.

И тут ему попались пятна крови, потом места, где палая листва была разворошена, и снова следы крови, и прилипшая шерсть глупыша. Кто-то прошел здесь, направляясь к реке и волоча за собой добычу. Это значит, что где-то рядом бродит стая Народа, которая разделилась, чтобы поохотиться, и назначила встречу где-то впереди. Народ, охотящийся всей стаей, не станет уносить куда-то убитого глупыша: они сядут и съедят его там же, где убили. Пушистик пошел по следу и вскоре остановился.

— Пьивет! — крикнул он во все горло, потом вспомнил, что ведь это слово из языка Больших, а стая, к которой он шел, скорее всего Больших никогда не видела. К тому же он пытался говорить задней частью рта, как Большие. — Эй, друг! — крикнул он снова, нормальным голосом, как говорил до того, как Большие научили его своему языку. — Ты хотеть поговорить?

Никто не ответил; они были слишком далеко

впереди и не услышали его. Он заторопился вперед, шагая по следу так быстро, как только мог. Через некоторое время он крикнул снова; на этот раз на крик отозвались. Он увидел за деревьями большую реку и на берегу — троих из Народа. Он бросился к ним.

Там были двое самцов и самка. У всех было деревянное оружие: не плоские лопатки, какие носит Народ на юге, чтобы охотиться на сухопутных креветок, а тяжелые дубинки, утолщенные с одного конца и заостренные с другого. У самки в руке были еще три палочки. На земле лежал убитый глупыш. Шерсть и кожа у него на спине ободрались, пока его волокли по земле.

— Друг! — приветствовал их Маленький Пушистик. — Мы станем друзьями, мы поговорим?

— Да, станем друзья, — сказал один из самцов, а другой спросил:

— Откуда ты пришел? Другие с тобой есть?

Маленький Пушистик сбросил с плеч свою ношу, целого глупыша и куски второго, и положил их рядом с их добычей, чтобы показать, что готов поделиться и есть вместе с ними. Он отвязал веревки и положил их в заплечную сумку. Другие внимательно смотрели на веревки, на сумку, на его оружие, но ни о чем не спрашивали, ожидая,

пока он сам им все покажет и расскажет.

— Ты несешь все это один? — спросила самка. — Ты сильный!

— Не сильный, — ответил Маленький Пушистик. — Просто знаю как. Я один. Я пришел издалека, с левой руки солнца. Четыре темных времени назад я упал в большую реку.

Тут он сообразил, что слова «река» в языке пушистиков нет.

— Большая-большая течь-вода, — пояснил он. — Схватился за дерево, которое плыло по воде, держался за него. Течь-вода унесла меня далеко к правой руке солнца, прежде чем я смог выбраться на берег. Иду обратно туда, где можно перейти течь-вода. А откуда вы?

Один из самцов указал на север.

— Идем много-много дней, — сказал он. — Всей стаей.

Он показал пятерню, потом опустил руку и поднял три пальца. Значит, всего восемь.

— Остальные тоже охотятся, одни там, другие там. Придут сюда, будем есть все вместе.

— Мы зовем его Мудрый, — сказала самка, указывая на того, кто говорил. — Его звать Собиратель, — представила она другого самца. — Я — Та-Что-Носит-Блестячки.

Она показала ему палочки:

— Смотри, вот блестячки. Красивые.

На концы палочек оказались насажены предметы, которые Маленькому Пушистику были хорошо известны. Это штуки, которые вылетают, когда Большие стреляют из своих винтовок. Стреляные гильзы. Одна из гильз — от оружия, которое носят Большие из полиции; у Папы Герда тоже есть такая винтовка. Другие две гильзы — от такой винтовки, как у Папы Джека.

— Где вы взяли? — возбужденно спросил он. — Это вещи Больших. Большие кладут их в длинную штуку, которую держат двумя руками, дергают за маленький крючок внизу и делают гром. Штука выбрасывает маленькие твердые штучки очень быстро, делает хеш-назза мертвым. Вы знаете, где Большие?

— Ты знаешь про Больших? — переспросил его Мудрый не менее возбужденно. — Ты знаешь, где Место Больших?

— Я сам оттуда, — сказал Пушистик. — Хоксу-Митто, Прекрасное Место. Я живу с Большими. Все Большие — мои друзья.

И он принялся перечислять их всех, начиная с Папы Джека.

— Много пушистиков живут с Большими, я не

знаю слова для так много. Большие добрые. Большие любят пушистиков, дают хорошие вещи. Дают 'юкзачок, как этот, — и он продемонстрировал им свою сумку. — Дают нож, дают лопатку — рыть ямки, убирать дурной запах. Учат.

Он показал им копье и топор.

— Большие научили делать так. Я сделал, когда выбрался из большой течь-воды. И Большие дают хоксу-фуссо, Прекрасный Еда.

Со стороны реки послышались крики. Пушистик, которого звали Собирателем, сказал, не отрывая взгляда от топора:

— Пыряло, Большая идут.

— Идите быстро-быстро! — закричал Мудрый. — Тут чудо!

Из леса появились два пушистика. Они тащили за собой еще одного убитого глупыша. Самка с дубинкой, как у всех прочих, и самец с подобием копья. Та-Что-Носит-Блестячки и Собиратель бросились им навстречу, возбужденно тараторя.

— Здесь он из Места Больших! — говорила Та-Что-Носит-Блестячки. — Друг Больших! Знает, что такое блестячки!

Самец с копьем немедленно начал кричать на самку, пришедшую с ним:

— Видишь? Большие хорошие, они друзья!

Здесь тот, кто знает. Мудрый был прав все время!

— Ты покажешь нам путь в Место Больших? — спросил Мудрый. — Большие станут друзьями с нами?

— Большие друзья всем пушистикам, — сказал Маленький Пушистик, и только тут вспомнил, что это тоже слово Больших. — Пушистиками Большие зовут такой Народ, как мы. Это значит Все-в-Шерсти. У Больших нет меха, только на голове и иногда на лице.

Он решил не объяснять им, что такое одежда: слов не хватит.

— Большие очень умные, у них много сделанных вещей. Большие очень добрые ко всем пушистикам.

Пришли еще трое. Они убили двух заразайцев и двух сухопутных креветок. Это всех очень обрадовало.

— Смотрите, два затку! — кричали они.

Наверно, в этих местах сухопутных креветок очень мало. Потребовалось очень много времени, чтобы рассказать новоприбывшим и всем остальным о Больших и о Прекрасном Месте. Маленький Пушистик показал им все, что было у него в сумке, а также копье и топор, которые он сделал сам. Пыряло, похоже, особенно восхищал-

ся копьем, но все же самой удивительной вещью показалась им сама сумка: «Можно носить много вещей, не держать в руках, не терять…» Впрочем, в рюкзачке было столько удивительных вещей, что никто не мог надолго сосредоточиться на чем-то одном. Когда Маленький Пушистик впервые попал в Хоксу-Митто, с ним было то же самое. Тогда Хоксу-Митто был еще небольшим поселком, и там никто не жил, кроме Папы Джека.

Гашта принялись спорить между собой. Прислушиваясь к их спорам, Маленький Пушистик вроде бы понял, как обстоят дела в этой стае. Раньше Мудрый и Пыряло хотели найти Место Больших и подружиться с Большими, а Большая, Камнелом и Собиратель боялись. Теперь все встали на сторону Мудрого и смеялись над Большой, и даже сама Большая убедилась, что Мудрый был прав, на не хотела признавать этого. В конце концов все уселись на корточки в кружок и стали передавать из рук в руки вещи Маленького Пушистика, а он рассказывал им о Больших и Прекрасном Месте.

Ему же самому очень хотелось узнать, как они впервые узнали о Больших. Но выяснить это оказалось не так-то просто. Все пытались говорить одновременно и не могли объяснить,

как же все-таки это вышло. В конце концов все притихли (относительно), и Мудрый принялся рассказывать о шум-громе, который убил трех годза, о том, как они нашли следы и место, где садился автолет, и стреляные гильзы. Это Папа Джек и Папа Герд были там: они летали на север на разведку, и почти все в Прекрасном Месте слышали о том, как они застрелили трех гарпий. Пушистики рассказали и о леталках — об автолетах. Это, наверно, были друзья Папы Вика или кто-то из полицейских Папы Джорджа, тех, что в синей форме.

А солнце тем временем опускалось все ниже и ниже к своему логову; скоро оно уже станет красным. В конце концов вечером, около того времени, когда Большие пьют коктейль, все вспомнили, что они ужасно хотят есть. Они принялись говорить о еде и заспорили, что делать: съесть сухопутных креветок сначала или оставить их на потом.

— Съесть затку сначала, — предложил Пыряло. — Сейчас мы голодные, а затку вкусные. Если оставить на потом — мы будем уже не голодные, затку будет не такой вкусный.

Мудрый поддержал его, и Большая тоже согласилась. Мудрый расколол панцири и разделил

мясо. Вот как мало здесь креветок! На юге так никто не делает. Все едят тех сухопутных креветок, что нашли — хватает на всех. Маленький Пушистик сказал им об этом, и все очень удивились, а Пыряло закричал:

— Видите? Мудрый все время был прав! Хорошая Земля по левую руку солнца, всего много!

И даже Большая согласилась с ним. Так что все споры прекратились.

После того как они съели затку — Маленький Пушистик очень старался говорить только на языке гашта, пока он не научит других языку Больших, — все были готовы есть хатта-зосса и хо-тодда. Когда они увидели, как Пушистик снимает шкуры и режет мясо своим ножом, они захотели, чтобы он разрезал мясо на всех: у них был только один маленький каменный нож.

— Не ешьте сразу, — сказал им Маленький Пушистик. — Сперва нужно пожарить.

Ему пришлось объяснять, что значит «жарить». Все испугались, даже Мудрый. Они знали, что такое огонь: иногда молния поджигает лес, и это очень страшно. Маленький Пушистик помнил, как он испугался, когда впервые увидел лесной пожар на экране у Папы Джека. Он решил сделать из мяса, которое у них было, «бабакю». Пуши-

стики смотрели, как он вырыл лопаткой яму, и помогли ему наложить туда веток, опустить на них туши хатта-зосса и набрать дров для костра, но, когда Пушистик собрался разжигать костер, они все отошли подальше, готовые удрать — точь-в-точь как Большие, когда кто-то собирается что-то взрывать.

Но когда мясо начало жариться, они все подобрались поближе, принюхиваясь к чудесному запаху, а когда «бабакю» было готово и остыло настолько, что можно было его есть, все кричали, что мясо очень вкусное. Маленький Пушистик вспомнил, как он сам впервые отведал жареного мяса.

К этому времени солнце на западе уже стало красным, и все говорили, как хорошо, что дождь кончился. Все хотели пойти и отыскать хорошее логово, но Маленький Пушистик сказал, что логово можно устроить прямо тут, потому что дождь кончился, и если поддерживать огонь всю ночь, большие звери не посмеют приблизиться к ним. Пушистики ему поверили: они и сами все еще боялись огня.

Маленький Пушистик достал свою трубку, набил ее и закурил. Затянувшись несколько раз, он пустил ее по кругу. Некоторым понравилось.

Другие попробовали и отказались. Мудрому понравилось, и Хромому, и Другой, и Той-Что-Носит-Блестячки, а Пырялу и Камнелому нет. Потом они подбросили дров в костер и долго сидели и болтали.

Эта стая была нужна Маленькому Пушистику. Вдевятером они могли построить большой плот и добыть достаточно дичи, чтобы не голодать. Однако надо быть осторожным. Маленький Пушистик помнил, как трудно было уговорить остальных отправиться в Прекрасное Место, когда он впервые нашел его и вернулся к своим, чтобы позвать их с собой. Стая может сделать его вождем вместо Мудрого, а он этого не хотел. Когда в стаю приходит новичок и пытается управлять ею, всегда начинаются неприятности. Но в конце концов он понял, что надо делать.

Он достал из сумки свисток и повесил его на веревку, достаточно длинную, чтобы надеть на шею, завязав узел так, чтобы он не мог развязаться. Потом встал и подошел к Мудрому.

— Это ты водишь стаю? — спросил он.

— Да. Но если ты можешь отвести нас в Место Больших, водить будешь ты.

— Нет. Я не хочу. Ты будешь водить. Я только покажу, куда идти. Все знают тебя и не знают меня.

Маленький Пушистик снял свисток — Мудрый уже знал, как надо в него дуть, — и повесил тому на шею.

— Я тебе даю, ты будешь носить, — сказал он. — Ты вождь. Когда стая не вместе, ты будешь звать, они придут. Когда кто-то потеряется, ты будешь звать.

Мудрый пронзительно свистнул в свисток. Большой сказал бы «спасибо», но пушистики таких слов не знают: просто все добры ко всем, вот и все.

— Вы слышали? — сказал Мудрый. — Когда я так зову, вы должны приходить. Тогда никто не потеряется.

Он немного подумал.

— Я водил стаю, но Друг Больших знает больше, чем Мудрый. Он очень мудрый Мудрый. Он говорит — Мудрый слушает. Когда Друг Больших говорит — все должны слушать, все должны делать, как скажет Друг Больших. Так мы все придем в Место Больших, в Хоксу-Митто.

19

Герд ван Рибек бросил наземь сигаретный окурок и придавил его каблуком. В сотне ярдов от него возвышалась бело-голубая картонная мишень, утыканная стрелами. Не меньшее количество стрел валялось на земле, по большей части у самой мишени. Сотня с лишним пушистиков развлекались вовсю.

— Нехорошо, — сказал им Герд. — Половина вообще не попала.

— Почти попала! — возразил один из пушистиков.

— Будешь голодный — наешься ты своим «почти»? «Почти» на палочку не наденешь и на костре не зажаришь.

Пушистики дружно расхохотались, радуясь удачной шутке. В это время над стрельбищем пролетела птица, размером примерно с земного голубя. Она упала на землю, пронзенная сразу двумя стрелами.

— А вот это хорошо! — сказал Герд. — Кто это сделал?

Двое пушистиков отозвались. Один был их с

Рут Суперэго, вторым оказался безымянный до сих пор пушистик, который пришел несколько недель назад. Ему подошло бы имя Робин Гуд… Герд присмотрелся внимательнее. Нет, это Девица Марианна.

Но всем этим Герд занимался как бы машинально. Он не переставал беспокоиться о Джеке Холлоуэе. С тех пор как Джек вернулся из Желтых Песков, ему словно бы все стало пофигу. Все, кроме Маленького Пушистика. Все прочие пушистики, даже из его собственной семьи, сделались ему словно бы безразличны. Маленький Пушистик был не такой, как другие. Он был первым, но дело не только в этом. В нем присутствовало нечто, чего не было в других: то, что заставило его явиться в Лагерь Холлоуэя в одиночку и подружиться с неизвестным Большим. Рут, Панчо и Эрнст Маллин еще не создали адекватного IQ-теста для пушистиков, но все в один голос говорили, что Маленький Пушистик гений. И он был любимцем Папы Джека.

И вдобавок Джек запил. Это не была обычная пара рюмок перед обедом и рюмочка на сон грядущий. Ей-Богу, он пил не меньше Гаса Браннарда, а ведь никто, кроме самого Гаса, не мог безнаказанно пить так, как он. Герд хотел отправиться

в Мэллори-порт вместе с Джеком, но Джордж Лант не бывал там со времени процесса по делу о пушистиках, и ему надо было побывать в городе, а ведь кто-то должен был остаться и присмотреть за хозяйством. Так что Герду пришлось остаться.

А, черт возьми! Если уж за Джеком надо присматривать, кто это сделает лучше Джорджа!

— Папа Герд! Папа Герд! — окликнул его кто-то. Герд обернулся и увидел, что к нему вприпрыжку бежит Ко-Ко Джека. — Говорящий экран! Мама Вуф говорит, с тобой хочет поговорить кто-то из Места Больших Домов!

— О'кей. Я сейчас.

Герд обернулся к солдату-из Сил охраны, который ему помогал:

— Пусть пока стреляют. Когда стрелы кончатся, пусть стреляют по второму разу — если, конечно, мишень не развалится, когда они повыдергают из нее свои стрелы.

И пошел вслед за Ко-Ко наверх, к лаборатории.

Это был Хуан Хименес из Научного центра Компании. Герд вздохнул с облегчением — он боялся, что ему сейчас сообщат, что Джек напился и влип в неприятности.

— Привет, Герд, — сказал он. — Про Маленького Пушистика ничего не слышно? — спросил он.

— Нет. Боюсь, мы о нем больше никогда не услышим. Джек в городе. Ты его видел?

— Видел. На вчерашнем открытии Клуба пушистиков. Бен и Гас хотят, чтобы он остался до начала съезда. Герд, ты спрашивал меня насчет экологических последствий истребления гарпий и просил дать тебе знать, если что.

— Да. И что? Что-нибудь случилось?

— Похоже, да. Ко мне тут обратились из «Лесов и вод». Ты ведь знаешь, что там за народ: копаются в мелочах, никого не спрашивая, а как только стрясается что-то серьезное, бегут ко мне и ждут, что я сотворю чудо. Сквиггл знаешь?

Герд знал Сквиггл. Это была полоска земли вдоль горного хребта на низменном западном побережье. Не то чтобы совсем бросовые земли, но близко к тому. Вулканы, совсем недавно (с геологической точки зрения) бывшие действующими. Лавовые пустоши, покрытые тонким слоем почвы. Тысячи мелких ручьев, текущих во всех направлениях, но в конце концов впадающих в Змейку с запада. В дождливый сезон те места затопляет, летом там стоит сушь, что отнюдь не улучшает состояния пастбищ. Но за последние десять лет, с тех пор как Компания стала засаживать Сквиггл лесом, ситуация там

несколько улучшилась.

— Ну так вот, — продолжал Хименес. — Года два назад все эти молодые перистолистые деревца прекрасно росли, удерживали влагу, «замедляли эрозию, и все такое. Над всеми пастбищами стало больше осадков. А теперь все заполонили эти проклятые глупыши. Они объедают кору, и половина посадок уже посохла.

Понятно. В южной части континента гарпий повывели уже давно: сперва истребили их в скотоводческих районах, чтобы защитить телят, потом выжили их и из горных лесов, где они питались глупышами. А теперь глупыши расплодились, заполонили предгорья и спустились на Сквиггл. На севере глупышей истребляют пушистики, но на юге пушистиков нет.

А почему, собственно?

— Хуан, у меня идея! У нас тут куча пушистиков, которые отменно владеют луком и стрелами. Когда ты позвонил, я как раз занимался с лучниками — это надо было видеть! Предположим, мы доставим автолетом штук пятьдесят в те места, где расплодилось больше всего глупышей, и поглядим, что будет.

— Пошли их в Честервилл. Тамошний главный лесовод разберется, куда их отправить. А как у

вас со стрелами?

— Сколько времени понадобится тебе на то, чтобы сделать пару тысяч стрел? Я тебе отправлю образцы, ты только скажи куда. Древки можно делать дюралевые, оперение пластиковое, наконечники из легкой стали. Им ведь не доспехи пробивать, а всего-навсего охотиться на глупышей…

— Ну, в этом я не разбираюсь — это проблема специалистов.

— Ну так поговори об этом со специалистами. Грего в городе? Вот с ним и поговори, он все твои проблемы решит в два счета.

— Ладно, Герд. Спасибо тебе огромное. Может быть, это действительно выход. Привезти их автолетом, и пусть себе охотятся. Готов держать пари, что они за день настреляют раз в пять больше глупышей, чем столько же людей с винтовками.

— Да что ты, не за что! Мы Компании стольким обязаны… Один хокфусин чего стоит. Кстати, мы, разумеется, рассчитываем, что там Компания будет снабжать им пушистиков так же, как и здесь…

— О чем речь! Слушай, я позвоню Виктору. Он, наверно, тебе перезвонит…

20

Мудрый был счастлив. Впервые с тех пор как умерла Старая, ему не приходилось все время думать о том, что делать теперь и что будет с другими, если с ним что-то случится. Обо всем этом позаботится Друг Больших. Теперь стаю ведет он. Конечно, он настаивал, что вождь Мудрый, но это глупости.

А может быть, и нет. Может быть, это просто такая мудрая мудрость, что ему. Мудрому, она кажется глупостью оттого, что он сам глуп. Такая мысль ему никогда раньше в голову не приходила. Может быть, он становится мудрее просто оттого, что находится рядом с Другом Больших? Друг Больших не хотел неприятностей в стае. Поэтому он сказал, что стаю поведет Мудрый, и отдал ему этот… «виток». Мудрый поднял руку, чтобы проверить, не потерял ли он его.

Потом Мудрый устроился поуютнее на ложе из сухих листьев и папоротников в шалаше, которые научил их строить Друг Больших. Пламя костра согревало его и освещало все вокруг. Мудрый слушал, как шумит в вершинах ветер,

как журчит маленькая течь-вода, как плещутся вдалеке волны озера. Огонь — замечательная штука, когда умеешь его разводить и знаешь, как сделать его безопасным. Раньше Мудрый боялся его. Весь Народ — все «пушистики» (надо запомнить это слово!) — его боялись. Но когда узнаешь о нем побольше, оказывается, что он хороший. Он отгоняет всех зверей. Он согревает, когда холодно, он делает мясо куда вкуснее, Чем раньше.

Но самое лучшее — что он разгоняет тьму и делается светло Вот, и Другая, и Та-Что-Носит-Блестячки, и Собиратель сидят у огня и скручивают корни длиннолистого дерева, чтобы сделать эту… «веевку». Это тоже слово Больших. У Народа — у пушистиков — нет слова для этого, потому что у них нет таких вещей. А ведь уже давно стемнело. Если бы не огонь, они бы все давно уже спали. И Камнелом тоже трудится — делает рубильные камни, которые можно насаживать на палки. Странно, что никто не додумался сделать этого раньше или привязать острые камни к длинным палкам, чтобы ими колоть. А ведь так гораздо легче охотиться на хатта-зосса — на «глупышей». Пыряло и Хромой убили сегодня четырех после того времени, когда солнце стоит выше всего — это называется «полдень». Если бы они по-

прежнему охотились с камнями и дубинками, то на это потребовались бы усилия всей стаи. Друг Больших сидел рядом с Камнеломом и насаживал одно из рубил на палку.

Это была четвертая ночь с тех пор, как они пришли на это место. Они переночевали у огня там, где впервые встретились с Другом Больших. На следующее утро Друг Больших дал им Прекрасную Еду Больших, все, что у него было, так что каждому досталось понемножку. Он сказал, что в Прекрасном Месте Большие дают ее всем пушистикам, столько, сколько они захотят. После этого все захотели пойти в Прекрасное Место и подружиться с Большими, даже Большая. Они хотели отправиться в путь немедленно, но Друг Больших сказал, что надо построить плавучую штуку, которая называется «плот», спуститься на ней по реке и переплыть на другую сторону. Он сказал, что все время и труды, которые они потратят на это, окупятся, потому что иначе придется идти далеко-далеко вверх по реке до того места, где она становится достаточно узкой, чтобы перебраться через нее без плота.

Друг Больших сделал из веточек маленькую модельку, чтобы показать, каким будет большой плот, который он предлагает построить. Он

сказал, что Большие часто делают что-нибудь маленькое, чтобы потом сделать то же самое, но большое. Потом они пришли на это место, и он сказал, что это хорошее место, чтобы строить плот. Поэтому они разбили лагерь, и он научил их, как построить шалаш, устроил место для костра и выкопал длинную яму для «бабакю». Потом они принялись выкапывать корни и делать веревку, а Друг Больших разводил костры у корней деревьев, которые были нужны ему для плота, и пережигал их так, что они падали. Они обрубали ветки рубильными камнями — «топорами», которые Друг Больших и Камнелом сделали из твердого камня, который они нашли в ручье, но сами деревья были слишком толстые, чтобы срубить их такими топорами, и Друг Больших пережигал их. Это было опасное дело. Друг Больших, и тот боялся. Ведь огонь мог вырваться на волю и сжечь все вокруг. Поэтому Мудрый и Друг Больших сидели и сторожили, пока остальные спали, а потом разбудили Пыряло, Большую и Хромого, которые спали, а те через некоторое время разбудили Собирателя, Другую и Ту-Что-Носит-Блестячки, и они сидели и сторожили до рассвета.

Через некоторое время Собиратель, Та-Что-

Носит-Блестячки и Другая закончили плести веревку, свернули ее, а потом залезли в логово и улеглись спать. Камнелом все еще трудился над топором, а Друг Больших насаживал уже готовый топор на палку. Он подошел к куче веток, чтобы опробовать топор, а Камнелом смотрел на него. Топор оказался хорошим, и они оба рассмеялись от радости. Потом они с Камнеломом тоже забрались в логово.

— Покажи блестящий камешек, — попросил Камнелом.

Друг Больших достал камешек из заплечной сумки и потер его между ладонями. Потом все трое склонились над ним, чтобы закрыть его от света костра. Они никогда раньше не видели такой штуки, но Друг Больших сказал, что у Больших их очень много и один из его друзей, Папа Вик, выкапывает их из скалы. Этот он обнаружил, когда разбил кусок твердой черной скалы, который нашел в ручье. Он был внутри скалы — камешек в форме почки заразайца. Он выглядел точь-в-точь как все остальные камни, пока его не потрешь; а тогда он начинал светиться, словно раскаленный уголь в костре. Но он не был горячий. Это было непонятно. Даже Друг Больших не знал, почему так бывает.

— Папа Джек раньше копал такие камни, — сказал Друг Больших. — А потом все Большие узнали про пушистиков и сказали, что Папа Джек должен ничего не делать, а только заботиться о пушистиках и учить их.

— Расскажи еще про Папу Джека! Он Мудрый для всех Больших?

— Нет, — сказал Друг Больших. — Это Папа Бен Мудрый. Он Мудрый для пьявиства. Папа Джек — Мудрый для всех пушистиков. Все Большие слушают Папу Джека, когда он говорит про пушистиков.

Он долго рассказывал про Папу Джека, про Папу Вика, и Папу Бена, и Папу Герда, и Маму Вуф, и Папу Джорджа, и про Больших в синей форме, и про Прекрасное Место, и про Место Больших Домов. Все это было замечательно, только не очень понятно. У пушистиков было слишком мало слов, чтобы рассказать обо всем этом. Потому Друг Больших и говорил, что им нужно выучить как можно больше слов Больших. И еще им нужно научиться говорить задней частью рта, так, чтобы Большие могли их слышать. И они стали учиться говорить так.

Через некоторое время Камнелома сморило, и он улегся спать. Друг Больших достал трубку и

табак, и они закурили, затягиваясь по очереди. На небо вышел один из ночных небесных огней — Большие зовут их «лунами». У Больших есть имена для обеих. Эта луна называется «Зеке». А другая, которой сейчас не видно, называется «Даий». Большие про них все знают: они огромные и очень далеко. Большие летают к ним на своих леталках. Друг Больших сказал, что сам бывал на Зексе, который выглядит таким маленьким. В это было трудно поверить, но Друг Больших так сказал.

— Это действительно так? Или ты просто говоришь то, чего нет?

Друг Больших удивился, что Мудрый задал такой вопрос.

— Никто не может говорить то, чего нет! — сказал он.

— Я однажды говорил так! — сказал Мудрый. Он был рад, что может рассказать Другу Больших о чем-то, чего тот не знает. — Я однажды сказал: я видел хеш-назза, чейтову скотину, а ее не было.

Он рассказал, как ему хотелось найти Место Больших, а остальные хотели остаться, где были.

— И я сказал им: я видел большую злую тварь, злая тварь гналась за мной. Они все испугались. Злой твари не было, но они не знали. Они все

побежали, быстро побежали на гору, убегали от злой твари. Но злой твари не было. Мы пошли на другую сторону горы, не пошли обратно.

Друг Больших смотрел на него с удивлением. Он был очень мудрый, но такое ему в голову не приходило. Потом он рассмеялся.

— Ты Мудрый! — сказал он. — Я не догадался бы сделать так. Нет, я правда был на Зексе. Большие отвезли меня туда и прятали, когда другие Большие однажды стали делать плохие вещи.

Он стал рассказывать о Зексе, но это было трудно. Он не знал слов, которыми это можно рассказать. Через некоторое время оба улеглись и уснули.

Казалось, прошло всего несколько мгновений, когда Другая разбудила его, крича:

— Вставай, Мудрый! Огонь все сжигает! Большой огонь!

Мудрый толкнул Друга Больших, лежавшего рядом с ним, и сел. Да, это было так. Вокруг было светлее, чем когда обе луны полные и светят одновременно, и вокруг раздавался треск и рев. Он слышался оттуда, где они валили деревья с помощью огня. Огонь охватил сушняк, лежавший на земле, и мелкие кустики. Собиратель и Та-Что-Носит-Блестячки колотили по земле ветками, но

огонь был слишком сильный и расползся слишком широко. Мудрый вспомнил про свой свисток и дунул в него что было сил. К этому времени Друг Больших уже проснулся, расталкивал Пыряло и говорил странные слова Больших, которых Мудрый не понимал, а потом все проснулись и начали кричать одновременно.

Пыряло схватил свое копье и бросился с ним на огонь. Друг Людей схватил его за руку.

— Копьем огонь не убить, — сказал он. — Чтобы огонь убить, нужно отнять у него сухие вещи. Стойте все! Ничего не делать — сперва думать.

К этому времени Та-Что-Носит-Блестячки и Собиратель вернулись обратно. Собиратель хлопал Ту-Что-Носит-Блестячки руками, чтобы потушить на ней мех там, где он загорелся.

— Не убить огонь, он слишком большой, — сказала Та-Что-Носит-Блестячки.

Друг Больших крикнул, чтобы все замолчали. Он схватил топор и немного прошел вперед, потом вернулся.

— Не погасить, огонь слишком большой, — сказал он. — Мы пойдем туда, где нет огня. Огонь всегда идет туда, куда дует ветер. Огонь не горит в воде. Мы войдем в воду и попробуем обойти огонь сзади.

— Но если мы уйдем — огонь сожжет наше хорошее логово! Сожжет веревку! Мы много работали, чтобы сплести эту веревку! — возразил кто-то.

— Вы хотите, чтобы огонь сжег вас? — осведомился Мудрый. — Тогда не спорьте! Делайте, что говорит Друг Больших!

Он снова дунул в свисток, и все умолкли.

— Что мы должны делать теперь? — спросил он Друга Больших.

— Брать копья, брать топоры, — ответил Друг Больших. Он ощупал свою сумку, чтобы убедиться, что ничего не забыл и что она плотно застегнута. — Зайдите в воду как можно дальше. Ждите, пока огонь не сожжет здесь все. Потом идите туда, где огонь не горит, где безопасно.

Та-Что-Носит-Блестячки подобрала палочки с гильзами. Она схватила Друга Больших за руку.

— Положи в сумку, храни, — сказала она. — Не потеряй.

Она сняла гильзы с палочек, и Друг Больших сунул их в сумку. Потом взял длинный кусок веревки и обвязал вокруг пояса.

— Все обвяжитесь вокруг пояса! — сказал он. — Мы пойдем в воду. Если кто-нибудь попадет в глубокое место, мы вытащим.

Никому не пришло в голову, что так можно

сделать. Веревка ведь плелась затем, чтобы связывать бревна. Никто не подумал, что ее можно использовать ее зачем-то еще. Вот его зовут Мудрым, а ведь даже он об этом не подумал. К этому времени огонь разгорелся уже очень сильно. Он охватил дерево, которое засохло оттого, что глупыши объели на нем всю кору, и ветки дерева вспыхнули, а от него занялось другое дерево, стоявшее рядом. Весь сушняк на земле вдоль берега озера загорелся, но в той стороне, откуда дул ветер, ничего не горело.

Пушистики связались вместе, каждый взял в руки копье и топор, и они вошли в воду как могли глубже. Там они остановились и стояли, глядя на пожар. К этому времени огонь добрался до их шалаша, и логово загорелось. Вспыхнули папоротник и сухая листва, занялись ветки, потом прогорел шест и все рухнуло. Кое-кто заскулил от горя. Такое хорошее было логово! Самое лучшее, какое у них бывало!

— Чейт-пьеклятый-сукисын! — сказал Друг Больших. — Все хорошие веревки, все шкуры глупышей, все бревна — все сгорело! Теперь придется делать все заново!

Они долго ждали в воде. Даже там, где они стояли, стало жарко. Приходилось набирать воздуха,

нырять в воду и сидеть там как можно дольше, выныривая только затем, чтобы перевести дух. Воздух был горячий и дымный, в воду падали горящие обломки. Теперь уже горели целые деревья. Разные породы деревьев горели по-разному. Длиннолистые деревья быстро вспыхивали, потом листья прогорали и огонь затухал, только ветки кое-где тлели. А голубые круглолистые деревья загорались не сразу, но потом пламя охватывало их целиком и вздымалось высоко вверх.

В конце концов пожар поблизости от них начал утихать, хотя большие деревья все еще горели. Огонь ушел дальше, в том направлении, куда дул ветер. Друг Больших сказал, что там, где прошел пожар, земля горячая и может обжечь ноги, поэтому они прошли по мелководью вброд к тому месту, где в озеро впадала маленькая течь-вода. Огонь выжег все вдоль течь-воды, но за нее не перекинулся, поэтому они перешли ее и пошли по другому берегу. Друг Больших отвязал веревку, они намотали ее на древко копья, и Большая с Хромым понесли ее дальше.

Звери в лесу были перепуганы пожаром. Они так близко подошли к такку — зароленю, — что могли бы убить его копьем. Только зачем? Тогда

им придется тащить с собой еще и мясо, а возможно, снова придется убегать от пожара. Ручеек повернул в ту сторону, где бушевал огонь. Они дошли до места, где и на этом берегу был пожар. Все испугались, потому что Друг Больших сказал, что огонь не сможет перебраться через течь-воду. Но он видел, как это вышло: ветер перенес горящие ветки через ручей на эту сторону, и от них тоже начался пожар.

— Нужно уходить отсюда, — сказал Друг Больших. — Скоро огонь будет гореть везде. Нужно идти через лес, чтобы ветер был навстречу.

Все бросились бежать через густой подлесок. Через некоторое время Мудрый заметил, что Хромой бежит один со своим топором и копьем, а у Большой один только топор. Друг Больших рассердится на них: они бросили копье, на которое была намотана веревка. Подлесок сделался гуще, кусты были оплетены диким виноградом. Этими лозами тоже можно связать плот… Надо не забыть о них, когда они снова станут строить. Мудрый собирался сказать об этом Другу Больших, но, когда они остановились перевести дух. Друг Больших говорил странные, ничего не значащие слова Больших. Наверное, он испугался. Нехорошее место, огонь слишком близко.

Поначалу половинка луны Зеке была слева от них и немного впереди. Через некоторое время Мудрый заметил, что она переместилась вперед и поднялась немного выше. Он сказал об этом Другу Больших и Пыряле. Они остановились. Друг Больших достал штучку, которая указывает на север, и посветил на нее своей зажигалкой. Потом он сказал еще несколько слов Больших.

— Ветер меняется. Может быть, переменится еще больше, принести огонь на нас. Бежим быстрее!

И они снова принялись продираться через кустарники, между деревьев, оплетенных диким виноградом. Через некоторое время они вышли к большой течь-воде, не такой большой, как та, на которой были озера, но тоже большой. Они не могли ее перейти. Заспорили о том, что делать теперь. Огонь был выше по реке, но если они пойдут вниз по течению, то придут туда, где река впадает в озеро, а это плохое место, из него не выберешься. Мудрый посмотрел в сторону пожара. Желтых отсветов не было больше видно. Это хорошо. Но все небо было охвачено алым заревом. Ветер по-прежнему дул в сторону пожара, так что в конце концов они решили идти вниз по реке.

Кустарник сделался менее густым. Повсюду

были высокие длиннолистые деревья. Вокруг было множество животных, вспугнутых огнем. Впереди блеснуло озеро, освещенное Зексом.

— Нельзя идти туда, — сказал кто-то (похоже, это был Камнелом).

— Через течь-вода идти тоже нельзя, — сказала Большая. — Слишком глубоко.

— Нужно сделать плот, — сказал Друг Больших. — Маленький плот. Взять большие палки, связать веревкой, положить вещи. Одни сядут на плот, другие будут плыть. У кого веревка?

Веревки не было. Хромой и Большая бросили ее, чтобы бежать быстрее. Друг Больших сказал еще одно слово Больших, которое ничего не значит, потом немного подумал.

— Идем вдоль озера, туда.

Он указал на восток, где только-только появился над горизонтом краешек Даи'я.

— Нужно идти назад, туда, где начался огонь. Может быть, он теперь мертвый, земля холодная. Там безопасно.

Собиратель сказал, что хочет есть. Когда он это сказал, все остальные тоже захотели есть. Они нашли глупыша. Он был такой перепуганный, что Пыряло просто подошел и ткнул его копьем. Друг Больших достал нож, освежевал глупыша и

разрезал. Они не стали разводить огонь, чтобы зажарить его. Никто, даже Друг Больших, не хотел разводить сейчас огонь, и к тому же они не хотели ждать, когда мясо зажарится. Они съели глупыша сырым.

Пока они ели. Мудрый почуял дым, но решил, что это старый запах, оставшийся у него в шерсти. Но потом Та-Что-Носит-Блестячки сказала, что чует дым, и Камнелом сказал, что он тоже. Они перестали есть и огляделись. В лесу стало светлее, и теперь среди ало-розового зарева между деревьев показались желтые языки пламени.

— Господи-сусе, иди к чейту, будь ты тйижды пьеклят! — сказал Друг Больших. — Ветер снова переменился! Огонь идет сюда, ветер несет его сюда!

21

Джек Холлоуэй вернулся из Мэллори-порта с жестоким похмельем, но даже и без похмелья он чувствовал бы себя хреново. Он терпеть не мог летать на восток: три часа полета, три часа разницы во времени… Чтобы попасть туда к коктейлю, приходится вставать до света. При мысли о коктейле Джек поморщился: сейчас он бы скорее выпил крысиного яду.

Слишком много он пьет с тех пор, как… ну же, наберись мужества и скажи прямо: с тех пор, как утонул Маленький Пушистик. И толку с этого никакого. Протрезвев, Джек чувствовал себя еще поганее. Черт побери, ведь ему и раньше случалось терять друзей: и на Торе, и на Локи, и на Шеше, и на Мимире. Везде, кроме Земли: на Земле люди больше не гибнут, разве что умирают от сердечного приступа, играя в гольф. Если бы это был кто угодно, кроме Маленького Пушистика… Ведь Пушистик был для него почти что главным существом во всей Вселенной.

В голове стучало и звенело, словно в испорченном моторе, запущенном на полную мощность.

Сперва он выпил чересчур много коктейлей в Доме Правительства перед обедом, потом слишком много выпивки вечером после обеда. И еще коктейль после открытия Клуба пушистиков — ему понадобилось очень много спиртного, чтобы не думать о том, как радовался бы Маленький Пушистик.

В честь Маленького Пушистика собираются установить большую мемориальную доску, восемь на десять футов: золотой Маленький Пушистик с серебряной лопаткой на темном бронзовом фоне. Джек видел эскизы. Это будет очень красиво. Маленький Пушистик совсем как живой…

Он хотел вернуться домой, но Бен с Гасом настояли, чтобы он присутствовал на банкете для делегатов. Джек хотел помочь задобрить их. Господи, ну и сборище! Одно хорошо: все они стояли за то, что Хьюго Ингерманна надо линчевать.

Когда они взлетели, Джордж Лант, сидевший рядом с ним, попытался завязать разговор, но потом оставил это. Джек попробовал уснуть и в самом деле несколько раз задремывал у себя на сиденье. Каждый раз, как он просыпался, голова болела все сильнее, а во рту делалось все поганее. Он проснулся, когда они пролетали над Большим

Черноводьем. Нигде не было видно ни дымка. Грего перенес все, что там было, в Желтые Пески, и отзывал туда рабочих с Альфы, Беты и Гаммы. Когда Джек выходил из Дома Правительства, он увидел, как с воздушного терминала Мэллори-порта взлетала «Зебралопа», один из больших грузовых гравилетов Компании. Джек надеялся, что Грего удастся вывезти достаточно много солнечников до начала процесса.

Летя вдоль Холодного ручья, Джек не увидел никаких следов деятельности там, где пушистиков учили строить плоты. И по лагерю тоже бегало не так много пушистиков, хотя небольшая группка занималась стрельбой из лука. Герд ван Рибек встретил их и пожал Джеку руку, когда он выбрался из машины. Джордж Лант извинился и сразу ушел в штаб ЗСОА. Надо пойти взглянуть на свои бумаги — Джек с ужасом представлял, как будет разгребать все, что там накопилось за время его отсутствия.

У Герда хватило глупости спросить его, как он себя чувствует.

— У меня большой бодун и маленькие бодунчики, которые собираются завести бодунят. У вас горячего кофе не найдется?

Это тоже был дурацкий вопрос. Что это за офис

без горячего кофе? Они прошли в кабинет Джека. Герд заказал кофе. Да, предчувствия его не обманули: на столе высилась кипа бумаг размером с небольшой стог. Он повесил шляпу на крючок, и они сели.

— Что-то нынче народу мало, — заметил Джек.

— На полторы сотни меньше, — сообщил Герд. — Все на Сквиггле.

— О Господи! — Джек прекрасно представлял себе, что такое Сквиггл и как он выглядит. — Что там делать полутора сотням пушистиков?

— Как что? — усмехнулся Герд. — Они там работают на ЛКЗ, как и все прочие. Отстреливают глупышей. В посадках перистолистых деревьев, устроенных Компанией, расплодилась уйма глупышей. Три дня назад я отправил главному лесоводу в Честервилл пятьдесят пушистиков. Вчера утром они настреляли две сотни глупышей, и лесовод попросил еще. Я послал еще. С ними капитан Кнаббер и пятеро солдат из Сил охраны. Со второй группой отправился Панчо в качестве наблюдателя. Их высаживают командами по пять-шесть штук. Припасы им развозят на грузовиках. Вечером собирают их снова в пару лагерей.

— Черт меня побери! — Несмотря на головную

боль, которую кофе лишь чуть ослабил, Джек хохотнул. — Ручаюсь, они там здорово веселятся! А ты как думаешь?

— Еще как! Хуан Хименес сказал мне, что они не знают, куда девать глупышей. Я давно тревожился о возможных последствиях истребления гарпий. Гарпии сокращали популяцию глупышей, а теперь их всех повывели. Я подумал, что пушистики могут управиться с этим ничуть не хуже гарпий. Ведь самый опасный хищник — человек с винтовкой, это же аксиома. А похоже, что пушистик с луком ничем не хуже.

— Скоро мы им и ружья дадим. Март Бержесс сделал ружья для Гасовых Аллана и Натти. Хотел бы я стрелять так, как эти пушистики! И обещал сделать еще пару для Компании в качестве образцов для серийной модели. Они собираются выпускать их в большом количестве.

— Какие винтовки? Они достаточно безопасные для пушистиков?

— Да, однозарядки. Бержесс нашел такой механизм в старой книге. Ремингтоновская система — в первом веке доатомной эры ее использовали по всей Европе.

— Возможно, это решение той проблемы, которая тебя тревожила, Джек, — сказал Герд. — Ты

хотел, чтобы пушистики как-то зарабатывали себе на жизнь, чтобы они не превратились в нахлебников? Вот тебе, пожалуйста: сокращение поголовья вредных животных.

Идея устроить колонии пушистиков на других континентах… На Гамме фермеры не знают, куда деваться от землероек. И сухопутные креветки, донимающие земледельцев по всей планете. А пушистики любят охотиться…

На континенте Дельта гарпии истреблены полностью. Все животные, которыми они питались, начнут бесконтрольно размножаться. Джек попросил принести еще кофе, и они с Гердом долго обсуждали этот вопрос. Потом Герд ушел к себе, а Джек позвонил в Честервилл, лесоводу Компании, и Панчо Айбарре, которого он нашел в одном из временных охотничьих лагерей пушистиков. Потом занялся бумагами.

Он все еще сидел за столом, когда экран загудел. Звонила одна из девушек из центра связи.

— Мистер Холлоуэй, нам сейчас звонили из Каньона Желтых Песков.

Джеку сдавило грудь. Может, конечно, звонили по какому-нибудь пустяковому делу, но вдруг… Он заставил себя говорить спокойно.

— Да?

С «Зебралопы», летевшей из Мэллори-порта, доложили, что видели большой лесной пожар на берегу Озерной реки. Они передали несколько фотографий, и мистер Макгиннис, главный управляющий Компании, выслал туда машину с наблюдателями. Он решил сообщить вам, потому что это заповедник для пушистиков. Он сейчас звонит мистеру Грего, чтобы получить инструкции.

— Где точно происходит пожар?

Девушка назвала ему координаты. Джек записал их и попросил подождать. Он включил экран для чтения, вызвал раздел карт и быстро нашел последнюю, самую подробную карту района Озерной реки. Навелся на нужные координаты и включил увеличение.

Странное место для лесного пожара… Никаких гроз там не было уже дней десять. С той самой ночи, когда пропал Маленький Пушистик. Конечно, огонь мог тлеть десять дней, а разгореться только сейчас, и все же…

— Покажите фотографии.

— Минутку, сэр.

Лесной пожар может начаться по многим причинам, но чаще всего их бывает две: либо молния, либо чья-то небрежность. Небрежность

какого-то человека… точнее, разумного существа, поправился Джек. И чаще всего причиной пожара бывает беспечность курильщика. Маленький Пушистик курил. В сумке у него были трубка, кисет и зажигалка…

В каньоне уйма выкорчеванных кустов и деревьев. Предположим, Пушистику удалось ухватиться за что-то и удержаться на плаву. Предположим, ему удалось выбраться из реки…

Джек убрал увеличение и снова взглянул на карту. Да. Предположим, его унесло ниже устья Озерной реки и он выбрался на левый берег. Он пошел обратно пешком, и когда он дошел до Озерной реки, впадающей в Желтую реку с севера, что он мог подумать?

Что мог бы подумать любой, кто плохо знает эту местность? Он решит, что Озерная река и есть Желтая река, и пойдет вдоль нее вверх по течению. Правда, у Пушистика есть компас, но вряд ли он смотрел на него, когда его несло по течению. Компас может лишь сказать ему, в какой стороне север; он не скажет, откуда ты пришел.

— Вот фотографии пожара, мистер Холлоуэй.

— Не надо, я их потом посмотрю. Позвоните Герду ван Рибеку и Джорджу Ланту, скажите, что они мне нужны срочно. Скажите Ланту, чтобы

объявил тревогу. И свяжите меня с Виктором Грего в Мэллори-порте.

Джек потянулся за трубкой и зажигалкой. И куда только делся его бодун?

— Да, и если у вас найдется время, — сказал он, — позвоните в Мэллори-порт, в Клуб пушистиков, Сандре Гленн, и скажите ей, пусть пока подождет делать мемориальную доску. Может быть, это несколько преждевременно.

22

У Маленького Пушистика щипало в глазах, болело горло и пересохло во рту. Мех на нем опалило. Спина была обожжена и болела. Было бы еще хуже, если бы кто-то, стоявший у него за спиной, не потушил огонь. Маленький Пушистик был грязный, заляпанный илом и вымазанный гарью. Но все они были здесь. Они только что выбрались из грязи и стояли на берегу ручейка, озираясь.

Зелени вокруг не осталось. Куда ни глянь, все было черное, усыпанное черным пеплом и окутанное серым дымом — отдельные бревна все еще догорали. Многие деревья остались стоять, но все они обуглились, дымились, и их лизали маленькие язычки пламени. Солнце встало, но его было почти не видно: из-за дыма оно казалось красным и расплывчатым.

Они стояли, столпившись у ручья. Все молчали. Хромой и в самом деле охромел: он обжег ногу и теперь ковылял, опираясь на копье. Мудрый тоже был ранен: его ударило веткой, отлетевшей от упавшего дерева. Его мех, кроме грязи и сажи,

был вымазан еще и запекшейся кровью. Другие тоже поцарапались, продираясь через кустарник, или ушиблись, но это все были пустяки. И еще они потеряли большую часть своих вещей.

У Маленького Пушистика остались заплечная сумка, нож, лопатка и топор. У Мудрого были топор и свисток. Топор был у Большой и Камнелома. У Пыряла, Хромого и Другой были копья. Все прочее оружие утонуло в реке, впадавшей в озеро, после того как ветер переменился и погнал огонь на них.

— Что делать теперь? — спросил Пыряло. — Назад идти нельзя, там большой огонь. И там большой огонь, — указал он вверх по ручью. — Нельзя идти туда, где огонь, земля горячая, ноги можно обжечь, все станут как Хромой.

Маленький Пушистик всегда удивлялся, зачем Большие носят на ногах такие жесткие, неуклюжие штуки. Теперь-то он понял, зачем: в них можно ходить где угодно. Большой мог бы пройти по этой земле, которая все еще дымилась. Теперь Маленький Пушистик жалел, что они не взяли с собой шкуры убитых глупышей и заразайцев. Впрочем, они все равно потеряли бы их на переправе.

— Друг Больших знает огонь, — сказал Камне-

лом. — Мы не знаем. Друг Больших скажет нам, что делать.

Маленький Пушистик и сам не знал, что делать. Надо подумать и вспомнить все, что рассказывали ему Папа Джек, Папа Герд, папа Джордж и другие, и все, что он видел и чему научился с начала пожара.

Огонь не живет там, где нечему гореть: в воде или на голой земле. Он не жжет мокрые вещи, но делает мокрые вещи сухими, и тогда они горят — даже не сам огонь, а его жар. Это Маленький Пушистик не очень понимал: ведь жар — это не вещь, а то, какими бывают вещи. Это объяснил ему Папа Джек. Маленький Пушистик все равно не очень понял, но знал, что от огня бывает жар.

Огонь не живет без воздуха. Пушистик смутно представлял себе, что такое воздух, но знал, что воздух везде, и что когда он движется, то это ветер. Огонь идет туда, куда ветер дует. Это так, но Маленький Пушистик видел, как огонь распространяется и против ветра, хотя и очень медленно. Но в основном огонь действительно идет по ветру. Вот что было хуже всего этой ночью: что ветер переменился.

И огонь всегда горит вверх. Пушистик видел это в самом начале: сперва вспыхнул сушняк, лежав-

ший на земле, а потом огонь поднялся вверх и загорелись деревья. Макушки деревьев, которые остались стоять, все еще горели. Лесной пожар бывает двух видов, и Маленький Пушистик видел оба. Иногда огонь расползается по земле, среди кустарников, а потом поджигает деревья, как в этот раз. А иногда загораются верхушки, и огонь перекидывается с одной вершины на другую. А потом горящие веточки падают вниз и поджигают подлесок, и он загорается уже после того, как по вершинам прошел большой пожар. Это очень плохой пожар; при сильном ветре он движется очень быстро. От него не убежишь.

— Друг Больших молчит, — возразила Большая.

— Друг Больших думает, — сказал Мудрый. — Если не думать — сделаешь неправильно. Он сделает неправильно — мы все сделаемся мертвыми.

Может быть, лучше всего будет провести здесь весь день и дождаться, пока земля остынет и тлеющие угли потухнут. Маленький Пушистик думал, что место, где они стояли лагерем и откуда начался пожар, к востоку от них, но он мог и ошибаться. Он знал, что к югу от них озеро, но не знал которое. Здесь слишком много озер. И слишком

много этих проклятых чертовых огней!

— Здесь нет еды, — пожаловалась Та-Что-Носит-Блестячки. — Вся вкусная еда сгорела.

Как только она это сказала, все вспомнили, что хотят есть. Они убили глупыша, но это было давно и к тому же они не успели его доесть.

— Надо найти место, где нет огня, и найти еду.

Только вся беда в том, что Маленький Пушистик не знал, остались ли тут еще невыгоревшие места. А если они найдут такое место, туда тоже может прийти огонь, и будет еще хуже. Он посмотрел на ручей:

— Мы пойдем туда. Может быть, найдем место, где не было пожара, может быть, найдем место, где огонь погас и земля холодная.

А потом надо будет вернуться к озеру и найти место, где можно построить плот. Маленький Пушистик представил себе, сколько они уже всего сделали, а теперь все придется начинать сначала… Снова плести веревку, делать орудия, добывать бревна… Просто подумать страшно! А ведь им с Мудрым и Пырялой еще придется спорить с остальными…

Они пошли вверх по ручью. Почва по обоим берегам ручья обуглилась и посерела от пепла и золы. Кое-где стояли черные стволы, которые

все еще горели. Там, где ручей был не слишком глубокий, они шли вброд. Там, где было глубоко, шли по берегу, стараясь не наступать на угли. Ручей повернул; теперь они шли точно на запад.

А потом они услышали шум автолета. Все остановились и прислушались. Папа Джек всегда говорил, что, если потеряешься, надо развести костер и устроить большой дым, чтобы кто-нибудь увидел. Вот бы Папа Джек посмеялся! Дыму и впрямь хоть отбавляй! Наверно, кто-то из Больших увидел его издалека и прилетел посмотреть, в чем дело. Но потом Маленький Пушистик разочарованно вздохнул. Он узнал этот звук. Это был не автолет, летящий поблизости, а большая летучая машина, корабль, пролетавший где-то вдалеке. Маленький Пушистик знал такие корабли. Такой корабль прилетал в Прекрасное Место раз в три дня и привозил всякие вещи. Они всегда радовались, когда прилетал корабль. Никто из пушистиков не оставался в школе, все бежали смотреть.

Интересно, откуда здесь корабль? Наверно, в Желтые Пески летит. Везет новые машины и новых друзей Папы Вика, чтобы помогать ему копать, и еду, и «ликкор» для коктейля, и все, что нужно Большим. Большие на корабле увидят

дым, скажут Папе Вику, и Папа Вик со своими друзьями прилетит за ним.

Единственное, что плохо: уж очень большой костер получился. Пожар разошелся во все стороны. Понадобится много дней, чтобы обойти место, охваченное пожаром. Откуда же Большие узнают, где его искать? А сверху они его не смогут увидеть из-за дыма. Папа Джек сказал, что надо сделать дым. Но дыма вышло слишком много. Если бы не было так страшно, это было бы даже смешно.

Но нельзя говорить об этом другим. Поэтому когда они перешли ручей вброд. Маленький Пушистик принялся рассказывать им о Прекрасном Месте, об пиз'тьи, которое они там ели, о молоке, о фруктовом соке, о школе, где Большие учат пушистиков таким вещам, которые раньше даже никому в голову не приходили, о луках и стрелах, о твердом веществе, которое разогревают, чтобы сделать мягким, и куют из него все что угодно, а потом оно снова остывает, и о знаках, которые обозначают звуки, так что, когда смотришь на них, можно повторить слова, которые сказал кто-то другой, не слыша их. Он рассказывал им, как много пушистиков в Прекрасном Месте и как им всем там весело. Он рассказывал, как у пу-

шистиков заводятся свои собственные хорошие Большие, которые заботятся о них и добры к ним. Об этом даже говорить и то было приятно.

А потом он увидел впереди сквозь клубы дыма зелень, и другие тоже ее увидели, закричали и бросились бегом, даже Хромой ковылял вместе со всеми, опираясь на свое копье. Пожар остановился у маленького ручья, впадавшего в их ручей с юга, и на том берегу была зеленая трава и кусты. Но большие старые деревья стояли черные и обожженные, поросшие мхом. Другие не могли понять, откуда это — один Мудрый догадался.

— Давно-давно большой огонь все сжег, — объяснил он. — Может быть, молния ударила. Сгорело все, так, как тут, — указал он на обожженную землю, оставшуюся позади. — Потом выросла трава, выросли кусты, но огонь не нашел, что жечь.

Они перешли в это давно сгоревшее место. Земля здесь все еще была черной, хотя тот пожар был много новых листьев назад. Маленький Пушистик срубил самую прямую и высокую палку и сделал Хромому посох, чтобы Та-Что-Носит-Блестячки могла взять его копье, а Собирателю он вырубил дубинку. Потом они растянулись цепочкой и пошли вперед и почти тотчас же убили

заразайца, потом глупыша…

Маленький Пушистик вырыл канавку с помощью своей лопатки, они развели над ней костер, сели и смотрели, как жарится мясо на палочках. Маленький Пушистик с Большой взяли шкуру заразайца, обмотали ею больную ногу Хромого и закрепили ее ремешками из шкуры глупыша. Хромой встал, поковылял, чтобы попробовать, как будет ходиться, и сказал, что уже не так больно. Когда они поели, Маленький Пушистик набил трубку и пустил ее по кругу среди тех, кому понравилось курить.

Потом он очень тщательно засыпал костер. Все говорили о том, как странно, что они разводят огонь, когда огня кругом и так сколько угодно.

Впереди курился дым, но ветер дул им в спину. Скоро обгорелых деревьев стало попадаться меньше, зато появились белые засохшие деревья. Маленький Пушистик решил, что это деревья засохли оттого, что кора снизу обгорела, как бывает с деревьями, обгрызенными глупышами. Подлесок здесь был выше и гуще. И наконец они вышли к большим круглолистым голубым деревьям, которые вовсе не обгорели. Сюда пожар не дошел.

Быстро идти никому не хотелось. Среди больших деревьев было хорошо, и дыма было меньше,

хотя в воздухе все еще висел его запах и солнце казалось размытым. Они нашли маленький ручеек с чистой и вкусной водой, незамутненной пеплом. Они напились и смыли с себя всю грязь и сажу. Все сразу повеселели.

Маленький Пушистик снова услышал гул автолетов, только очень далеко, и еще шум машин. Наверно, Папа Вик и его друзья пришли и привели с собой машины, чтобы тушить пожар. Маленький Пушистик вспомнил всякие механизмы, которые он видел в Желтых Песках — они могли одним движением срыть целую гору! Так что они легко потушат пожар, даже такой большой, как этот. Маленькому Пушистику хотелось пойти на шум, но он знал, что там огонь.

Местность начала подниматься в гору, но компас говорил, что они по-прежнему идут на юг, хотя Маленькому Пушистику казалось, что в этом направлении земля должна идти под уклон. Они поднялись на вершину холма. Скоро они увидели впереди и внизу озеро, очень большое озеро. Они остановились на краю утеса, очень высокого, выше любого дома в Прекрасном Месте, такого же высокого, как средняя терраса в доме Папы Бена в Месте Больших Домов. Внизу не было никакого пляжа, озеро подступало к самой скале.

— Не нужно ходить туда вниз, — сказал Хромой. — Даже если бы нога не болела. Слишком далеко, не за что держаться, нельзя слезть.

— Лучше спуститься вниз, к воде, — сказал Пыряло.

— Вода внизу глубокая, — сказал Мудрый. — Везде глубокая, как тут.

Другая боязливо оглянулась на большие облака дыма, клубящиеся на севере.

— Может быть, огонь придет сюда. Может быть, это нехороший место.

Маленький Пушистик и сам начинал так думать. У давно сгоревшего места огонь остановился, но он же не знает, что произошло в других местах. И все же Маленькому Пушистику не хотелось уходить отсюда. Здесь высоко и деревьев мало. Если кто-нибудь будет пролетать над озером на автолете, их могут заметить и прилететь за ними. Он сказал об этом остальным.

— Почему не летят сейчас? — спросила Другая. — Я нигде не вижу леталок Больших.

— Они не знать, что мы здесь. Все работают, все тушат огонь. Большие всегда так: услышат про пожар в лесу — приходят с машинами и тушат.

Маленький Пушистик открыл кисет, чтобы посмотреть, много ли осталось табаку. Он очень

старался расходовать его бережно, но ведь прошло уже две руки… десять дней с тех пор, как он упал в реку. Табаку осталось мало, но он все же набил трубку и закурил, передавая ее по кругу. Пыряло, которому сперва не понравилось курить, решил попробовать еще раз. От первой затяжки он закашлялся, но потом сказал, что ему нравится.

Когда в трубке остался один только пепел, Маленький Пушистик убрал ее и снова взглянул на север. Дыма стало куда больше, и он приблизился. Слышался рев огня. Пушистику показалось даже, что он видит над вершинами языки пламени. Остальные испугались.

— Куда идти? — Собиратель почти кричал. — Вниз далеко, вода близко, вода глубокая! А там еще огонь! — он показал на восток. — Куда ни пойдем — огонь всюду!

Маленький Пушистик боялся, что так оно и есть, но говорить об этом вслух не стоило. А то все испугаются, а тот, кто боится, делает глупости. Испугаться — самый верный путь к тому, чтобы погибнуть. Он посмотрел на восток, туда, где утес кончался выступом, вдающимся в озеро. Точно определить было трудно — вдалеке все кажется меньше, — но, похоже, там было пониже. По

крайней мере дым несло над уступом.

— Там не так далеко вниз, — сказал Маленький Пушистик. — Может быть, можно спуститься к воде — огонь понизу не пойдет.

Никто не знал, что еще можно сделать, поэтому спорить никто не стал. На севере теперь уже отчетливо виднелись языки пламени. «Господи-сусе! — подумал Пушистик. — Теперь этот проклятый огонь на верхушках! Это плохо!» Все побежали вперед вдоль края утеса. Им попалось место, где часть утеса сползла в озеро. Это место было очень похоже на то, где копали друзья Папы Вика в Желтых Песках, а потом не нашли блестящих камешков и бросили. Это там Пушистик спускался в глубокое место. Они обогнули оползень и побежали дальше. К этому времени огонь подобрался совсем близко. Это был верховой пожар, и горящие сучья падали и поджигали подлесок.

«Может быть, здесь Маленький Пушистик и сделается мертвым!» — подумал он.

А он не хотел умирать. Он хотел вернуться домой, к Папе Джеку.

Он остановился как вкопанный. Это точно. И Маленький Пушистик, и Мудрый, и Пыряло, и Хромой, и Собиратель, и Камнелом, и Большая, и

Другая, и Та-Что-Носит-Блестячки, все сделаются мертвыми.

Впереди была глубокая расселина, и по дну ее бежал поток, впадающий в озеро, быстрый и пенистый. Пушистик посмотрел налево — конца расселины видно не было. Позади подступал огонь. Он, похоже, уже сам делал себе ветер — Пушистик и не знал, что так бывает. Горящие ветки взлетали высоко в воздух; некоторые из них падали совсем рядом и зажигали новые маленькие пожары.

23

Когда Джек Холлоуэй прилетел в Желтые Пески, дыма там совсем не было видно. С воздуха поселок выглядел вымершим, машины с копей увели, на разработках никого не было. Наверно, все машины отправили на север и запад, на пожар. Только в обнесенной высоким забором камнедробильне оставалось несколько человек, преимущественно в синей полицейской форме. «Зебралопы» не было — видимо, улетела за подкреплениями. Джек посадил машину перед административным бараком. Навстречу ему вышли человек пять. Там были Лютер Макгиннис, главный управляющий, Стэн Фарр, один из служащих, Хозе Дурранте, лесник, и Гарри Стифер. Они с Гердом вышли из автолета; двое солдат из ЗСОА, сидевших на переднем сиденье, последовали за ними.

— Мистер Грето на связи, — сказал Макгиннис. — Он сейчас на своей яхте, на полпути от Альфы. С ним куча специалистов по тушению пожаров. Вы знаете, что он думает?

— То же, что и я — я с ним разговаривал. Ма-

ленький Пушистик выбил свою трубку и не потрудился затушить пепел. Я и сам частенько этим грешу, а я курю в лесах на много лет дольше, чем он.

Герд спросил, где находится граница огня.

— Сейчас покажу, — ответил Макгиннис. — Так вы тоже думаете, что это Маленький Пушистик? Но как же он туда попал, черт побери?

— Пешком.

Пока они шли к бараку, Джек изложил ход своих рассуждений. Маленький Пушистик, наверно, думал, что идет вверх по Желтой, пока не добрался до озер.

В бараке оказался огромный экран военного образца, в пятнадцать футов в поперечнике. На экране проплывала картина пожара, снимаемого с высоты пять тысяч футов. Джек видел немало лесных пожаров и помогал тушить большую часть из них. Этот пожар был действительно мощным. Если бы не широкая река и многочисленные озера, которые окружали ее, подобно листьям на лозе, дело было бы куда хуже. Пожар охватил северный берег Озерной реки, и, судя по тому куда несло дым, водяная преграда остановила его.

— Должно быть, ветер часто менялся, — заме-

тил Джек.

— Да, — ответил местный метеоролог. — Прошлой ночью он все время был юго-западный. Пожар, похоже, начался около полуночи. Незадолго до рассвета ветер начал меняться на южный, а теперь он снова юго-западный. Это, разумеется, только основное направление. В такой холмистой местности над землей ветер может дуть куда угодно. А после того как начался пожар, к этому добавились еще конвекционные потоки воздуха…

— Да, во время пожара ветру доверяться не следует, — сказал Джек.

— Эй, Джек! Это ты? — окликнули его сзади. — Ты только что прилетел?

Джек обернулся к говорящему и увидел на одном из экранов Виктора Грего в походной одежде. Грего находился в кабине аэрояхты.

— Да. Я туда сам полечу, как только выясню, куда лететь. У меня здесь еще пара запасных машин — со мной прилетели Джордж Лант и кое-кто из ЗСОА, а за нами летят три грузовика с солдатами и строителями. Но техники у меня нет. У нас только легкие машины, и на то, чтобы доставить их сюда своим ходом, потребуется часов пять.

Грего кивнул:

— Техники у нас полно. Я буду где-нибудь в половине третьего, так что мы, наверно, увидимся уже на месте. Надеюсь, что пожар действительно устроил наш малыш и что его самого не захватило огнем.

Джек тоже надеялся на это. Чертовски глупо было бы выбраться живым из этой Желтой реки, а потом погибнуть в огне! Нет, Маленький Пушистик для этого слишком умен.

Джек взглянул на другие экраны. На них передавали обзор с камер, установленных на машинах, которые кружили над огневым рубежом: бульдозеры отключают антигравы и устремляются вперед, валя деревья; манипуляторы тут же подхватывают поваленные деревья и оттаскивают прочь; экскаваторы насыпают земляной вал с наветренной стороны. Должно быть, тушить большие пожары до изобретения антигравитации было сущим наказанием. Работы начались около полудня, а к закату все уже было кончено. А Джек читал в старых книгах, что в былые времена лесные пожары длились порой по нескольку дней!

— Этих людей предупредили, что там может появиться Маленький Пушистик? — спросил он Макгинниса.

— Да, об этом все знают. Надеюсь, он жив и в безопасности. Однако, когда пожар потушат, искать его придется чертовски долго!

— Я боюсь, вам чертовски долго придется тушить следующий пожар, который он устроит! Можно подумать, он поджег лес нарочно, чтобы подать дымовой сигнал.

Джек обернулся к Дурранте:

— Что вы знаете о тех местах?

— Я их исходил вдоль и поперек с наблюдателями. — Хотя на самом-то деле он летал над лесом на высоте двух тысяч футов. — Так что я те места знаю как свои пять пальцев.

— Хорошо. Мы с Гердом отправляемся туда. Предположим, вы тоже полетите с нами. Как вы думаете, откуда это началось?

— Сейчас покажу.

Дурранте подвел их к настольной карте, сейчас размеченной красным разной степени интенсивности.

— Насколько я понимаю, где-то здесь. На северном берегу этого озера. Вначале выгорела полоса вдоль берега и вот здесь. Это пока ветер был юго-западный. Когда пожар увидели с «Зебралопы», горело здесь, здесь и здесь, но это уже после того, как ветер переменился. Машины добрались

сюда только к половине одиннадцатого, и к тому времени весь этот район уже выгорел, там остались одни тлеющие головешки. Вот здесь была старая гарь — лет пятнадцать назад лес выгорел от молнии. Тогда на этом континенте к северу от Биг-Бенда никто не жил. На гари пожара вообще не было. А вот этот холм весь дымится — здесь пожар начался только недавно.

— Ладно. Поехали.

Они вышли и сели в машину. Герд сел за штурвал, лесник рядом с ним. Джек сел на заднее сиденье, откуда можно было смотреть в обе стороны.

— Отдайте мне мое ружье, — сказал он. — Оно мне пригодится, если придется выйти из машины и ходить по лесу.

Лесник снял ружье с держателей на приборной доске. Это была 12,7-миллиметровая двустволка.

— Господи, зачем вам такая пушка! — сказал он, передавая ее на заднее сиденье.

— На всякий случай. Если напорешься на чертову скотину на расстоянии десяти ярдов, такая пушка покажется совсем не лишней.

— Д-да, пожалуй, — согласился Дурранте. — Я-то сам никогда ничего крупнее семимиллиметровки не носил…

А брать оружие на пожар он считал совсем бессмысленным — он говорил, что звери никогда не нападают, спасаясь от огня.

Ему бы ангелом работать, а не лесником! И это все, что он знает о чертовых скотинах? Да такая зверюга, если ее напугать, нападает на все, что движется! Просто со страху. Среди людей такое тоже встречается.

Они пролетели над озерами чуть выше того места где, как предполагалось, начался пожар, и сели на черный, засыпанный пеплом берег. На берегу дотлевало множество головешек, некоторые из них довольно большие. От них лучше было держаться подальше. Один из стволов на глазах у Джека пошатнулся и рухнул, взметнув фонтан алых искр, пепла и дыма. Джек выбрался из машины и зарядил свою двустволку двумя патронами в большой палец толщиной и длиной в пядь. Закрыл патронник, снял винтовку с предохранителя. Может, здесь и не осталось ничего живого, но он ухитрился дожить до семидесяти с лишним лет именно потому, что никогда не пренебрегал такими предосторожностями. У Дурранте, вышедшего из кабины вместе с ним, был один лишь пистолет. Если парень останется на Бете, до Джековых лет он явно не доживет.

Но именно Дурранте заметил треугольничек невыгоревшей травы между устьем ручья и озером. На самом берегу лежало дерево, пережженное у основания. Сучья были обрублены каким-то грубым орудием — быть может, маленьким каменным топориком. Выжженная земля начиналась футах в восьми от пня, Джек испустил шумный вздох облегчения. До сих пор он только надеялся, что пожар устроил Маленький Пушистик, выбравшийся из реки; теперь он был в этом уверен.

— Он не пытался подать дымовой сигнал, — сказал Джек. — Он хотел построить плот.

Он взглянул на здоровенное бревно:

— И как только он собирался стащить его в реку? Тут была бы нужна дюжина пушистиков, чтобы сдвинуть его с места.

Между двух обугленных, все еще тлеющих стволов Джек нашел все, что осталось от лагеря Маленького Пушистика: обугленные ветки, легкий пепел травы и папоротников, горка золы, которая, судя по всему, раньше была мотком веревки из корней. Еще Джек нашел обгоревшие кости. Поначалу они привели его в ужас, но потом он увидел, что это кости глупышей и заразайцев. Маленький Пушистик голодным

не сидел. Дурранте нашел множество обломков кремня, кремневый наконечник копья и топор, и еще один топор, обмотанный тонкой проволокой из бериллиевой стали, вместе с обугленным топорищем.

— Да, здесь точно был Маленький Пушистик. Он всегда таскал с собой моток проволоки.

Джек забросил винтовку на плечо и достал трубку и кисет. Герд завис в ярде над землей и высунул голову в окно. Джек протянул ему останки топора.

— Что ты об этом думаешь, а, Герд?

— Если бы ты был пушистиком и проснулся среди ночи в лесу, объятом пламенем, что бы ты стал делать? — спросил Герд.

— Маленький Пушистик слегка разбирается в простейших принципах термодинамики. Я думаю, он бы вошел как можно глубже в воду и сидел там, пережидая пожар, а потом попытался обойти пожар с наветренной стороны. Давайте сперва пройдем вдоль берега озера.

Герд посадил машину и они забрались внутрь. Джек не стал разряжать большую винтовку. На запад от ручейка все выгорело, но это, должно быть, уже после того, как ветер переменился. Озеро сузилось, перешло в реку; река попетляла

и перешла в новое озеро. Весь левый берег был начисто выжжен низовым пожаром. Потом они выбрались к мысу, вдающемуся в озеро, футов в двести высотой. На мысу только-только догорал верховой пожар, а вслед за ним уже разгорался низовой. Они миновали узкое ущелье, из которого вытекал бурный поток. Оба берега ущелья тоже были охвачены огнем.

Джек опустил стекло и выглянул наружу. Из-за ущелья раздался рев какого-то крупного животного, умиравшего в огне. Джек выставил в окно дуло своей винтовки.

— Герд, ты не видишь, где оно? Добить надо, чего зверюге мучиться.

— Вон оно, — сказал Герд спустя несколько секунд. — Вон там, за оползнем.

Теперь и Джек его увидел. Это была чертова скотина, чудовище с рогом на лбу, из которого вполне можно было сделать большую трость, и двумя боковыми рогами, похожими на серпы. Зверь свалился в яму, обожженный и, видимо, ослепший от боли, и застрял на выступе скалы. Джек еще никогда не слышал, чтобы скотина так ревела — видимо, ему было ужасно больно.

Джек привстал на колене, прицелился в голову зверя чуть пониже уха, которое теперь представ-

ляло собой кусок полузажаренного мяса, и нажал на спуск. Он находился в неустойчивом положении; отдача едва не сбила его с ног. Когда Джек снова взглянул в сторону зверя, тот уже затих.

— Подлети-ка поближе, Герд. И чуть назад.

Он хотел быть уверен, что зверь мертв, а единственный способ убедиться — это всадить в него второй заряд.

— Я думаю, что он уже дохлый, и все-таки…

И вдруг раздался свисток, долгий и пронзительный. Потом еще один. И еще.

— Что за черт? — воскликнул Герд.

— Да еще из самого пекла! — воскликнул Дурранте. — Там ничто живое не уцелеет!

Но Джек сперва решил покончить с чертовой скотиной. Он прицелился зверю в голову и выстрелил из второго ствола. Тело дернулось от удара пули, но зверь явно был уже мертв.

— Это из ущелья. Я же говорил, Пушистик малость разбирается в термодинамике. Он сидит в ущелье и пережидает. Как ты думаешь, автолет здесь пройдет?

— Войти я могу. Но выбираться, возможно, придется прямо вверх, через огонь, так что закройте все окна.

Они медленно вползли в ущелье. Оно было

футов двадцати пяти шириной, и этого бы вполне хватило, если бы ущелье было прямое, да только оно извивалось. Местами казалось, что пройти невозможно. Но свисток впереди все верещал, и Джек слышал, как несколько голосов вопят:

— Папа Джек! Папа Джек!

Теперь он понял, почему свисток слышится одновременно с криками. И еще оттуда доносился писк пушистиков. Маленький Пушистик подобрал какую-то стаю. Так вот зачем ему понадобилось такое большое бревно!

— Держись, Пушистик! — крикнул он. — Папа Джек здесь!

Раздался противный скрежет — машина зацепилась за выступ. Целых девять штук! Маленький Пушистик, так и не расставшийся со своей заплечной сумкой, и еще восемь. У одного нога была замотана чем-то вроде шкуры заразайца. У двоих были каменные топоры и копья с кремневыми наконечниками, примотанными проволокой. Все они жались друг к другу на выступе скалы на полпути к воде.

Герд завис рядом с ними. Джек открыл дверцу и затащил в машину первого из пушистиков. Это была самочка с кремневым топором. Когда Джек затаскивал ее в машину, она вцепилась в него.

Джек подхватил того, что с перевязанной ногой, и передал его Дурранте, предупредив, чтобы тот был поосторожнее. Следующим был Маленький Пушистик. Он воскликнул:

— Папа Джек! Ты все-таки пришел! И Папа Герд тоже!

Потом обернулся к тем, кто еще оставался на скале:

— Теперь мы все полетим в Прекрасное Место! Папа Джек позаботится о нас! Папа Джек — друг всем пушистикам! Видите, я же говорил!

Когда они прилетели в Желтые Пески, Джек увидел у административного барака бордовую с серебром аэрояхту Грего. Герд, сидевший впереди, уже сообщил о том, что они спасли Маленького Пушистика и еще восьмерых. Встречать их собралась целая толпа. В первых рядах Джек увидел Грего с Алмазом. Герд посадил машину, и наружу выбрался Дурранте, несущий на руках пушистика с обожженной ногой. Джек отворил заднюю дверь и подождал, пока остальные спасенные вывалятся наружу под силой собственной тяжести. Те, кто умел разговаривать внятно — Маленький Пушистик, похоже, учил их говорить на языке Больших, — спрашивали, это ли Хоксу-Митто. Их встретили настоящей овацией. Алмаз, едва

увидев своего друга, ринулся вперед. И тут всех пушистиков скопом погнали в госпиталь.

У Маленького Пушистика был ожог на спине, и мех здорово обгорел. Его обработали первым, чтобы остальные поняли: их будут лечить, а не убивать. Хуже всего была обожженная нога, тем более что пушистику пришлось потом еще бегать с этим ожогом. Все одобрили повязку из шкуры заразайца. Врач хотел было уложить большую часть пациентов в постель. Он плохо знал пушистиков: удержать пушистика в постели может разве что сломанная нога. Когда все раны были перевязаны, их отвели в столовую и до отвала накормили «пиэ'тьи»; а потом пушистики попросили «дымокко».

В лагерь тут же принялись названивать репортеры. Они нимало не интересовались пожаром: они хотели побеседовать с Маленьким Пушистиком и его новыми друзьями. Это было ужасно неприятно, но Грего настоял на том, чтобы удовлетворить просьбы корреспондентов: вот-вот должно было начать работу Конституционное собрание, и Друзья пушистиков нуждались в положительных откликах прессы. Только к ужину, когда распространение пожара было уже остановлено по всему периметру, их наконец

оставили в покое.

Все пушистики растянулись на полу на двух матрасах, кроме Маленького Пушистика, который хотел посидеть с Папой Джеком. Понадобилось очень много времени, чтобы рассказать обо всем, что случилось с ним с тех пор, как он свалился в Желтую реку. Другим пушистикам он, очевидно, все уже рассказал, потому что они то и дело перебивали его, чтобы напомнить ему какие-то подробности. Когда он дошел до того, как встретился с Мудрым и его стаей — Мудрым звали пушистика со свистком и перевязанной головой, — все заговорили разом. Гарри Стифер и Хозе Дурранте почти ничего не поняли, потому что не разбирали речи пушистиков. И все же удивительно, как хорошо эти новички научились понижать голос до пределов слышимости за то время, что они провели с Маленьким Пушистиком!

Наконец Маленький Пушистик принялся рассказывать о том, как они пытались спастись от верхового огня на утесе и путь им преградила глубокая расселина.

— Мы дошли туда, перейти нельзя, уже думали, что все сделаемся мертвыми, — рассказывал Маленький Пушистик. — Потом я вспомнил,

что говорил Папа Джек: огонь делает жар, жар всегда поднимается вверх. Мы пошли вниз, жар не достал нас. Потом прилетел Папа Джек.

Такая сообразительность заслуживала похвалы. Маленький Пушистик принял похвалу с достоинством, как должное, но все же с надлежащей скромностью.

— Папа Джек тоже умный. Если бы он не стрелял из большого ружья, мы не услышали бы и не свистели в свисток.

Ну еще бы, черт побери! Не мог же он оставить эту несчастную скотину умирать в огне! Джек спросил, откуда Мудрый и его стая вообще узнали о Больших. И оказалось, что это та самая компания, на которую они с Гердом наткнулись на севере, когда охотились на гарпий. Пушистики рассказали, как они испугались шум-грома и как потом вернулись и нашли стреляные гильзы. Тут одна из самочек что-то вспомнила.

— Друг Больших! — воскликнула она. — Ты нес блестячки? Ты их не потерял?

Маленький Пушистик расстегнул свою сумку и достал оттуда три стреляные гильзы. Самка подошла и взяла их. Но тут Маленький Пушистик нашел в сумке что-то еще.

— Ой, а я и забыл! — воскликнул он. — Блестя-

щий камешек! Я нашел его в маленькой течь-воде там, где мы строили плот.

И вытащил из сумки здоровенный солнечник, карат на двадцать, если не на двадцать пять. Он потер его, так что камень засветился.

— Глядите, какой красивый!

Грего спустил Алмаза на пол и подошел посмотреть. Алмаз тоже. И Стифер с Дурранте поднялись со стульев.

— Где ты его взял, Маленький Пушистик? — спросил Грего.

Стифер с Дурранте только чертыхнулись. Не надо бы людям ругаться в присутствии пушистиков: Маленький Пушистик уже и так божится не хуже портового грузчика.

— Вверх по течь-воде, которая впадает в озеро, у которого мы строили плот.

— Ты уверен, что не принес его отсюда, из Желтых Песков?

— Я говорю, где я нашел. Я не говорю то, чего нет.

Да, на это можно положиться. Пушистики не говорят того, чего нет. Ч-черт!

— Господи! Вы знаете, что будет, если об этом станет известно? — сказал Грего. — Всякий кхугхрин сын и его братец, который сумеет

достать автолет, ринутся туда! Мы можем не допускать их в Желтые Пески, но там местность слишком открытая. Чтобы ее охранять, понадобится целая армия.

— А почему бы вам не заняться разработкой того месторождения самим?

Грего разбушевался не хуже лесного пожара:

— Да потому, что новые месторождения нам нужны как пуля в затылок! Если срок лицензии будет продлен, мы сократим добычу до двадцати процентов нынешнего объема! Вы что, хотите сбить цены? Да если так дальше пойдет, солнечники будут стоить не дороже тех пайков, что выдают пушистикам!

Да, это верно. Такое уже бывало с алмазами на Земле — давно, еще в доатомную эру.

— Маленький Пушистик, — сказал Джек, — ты нашел блестящий камешек, как ты и говоришь. Он твой.

— Господи, Джек! — взвыл Гарри Стифер. — Да ведь этот камень стоит черт-те сколько!

— Ну и что? Маленький Пушистик его нашел, значит, он его. Теперь слушай, малыш. Ты его храни, не теряй, никому не отдавай. Чтобы с ним ничего не случилось. Понял?

— Да, конечно. Он красивый. Я всегда хотел

блестящий камешек.

— Не показывай его людям, которых не знаешь. Может увидеть плохой Большой, захочет отобрать. Если кто-то спросит, где ты его взял, говори: ты нашел его здесь, в Желтых Песках, Папа Вик дал его тебе.

— Но я нашел его не здесь! Я нашел в твердом камне, в маленькой течь-воде…

— Знаю, знаю! — вот на чем всегда спотыкались Лесли Кумбс и Эрнст Маллин. — Это то, чего нет. Но ты можешь сказать так.

Маленький Пушистик выглядел озадаченным. Потом рассмеялся:

— Конечно! Можно сказать то, чего нет! Мудрый однажды сказал то, чего нет! Сказал, будто видел чейтову скотину, а скотины не было. Он сказал остальным, остальные думали, что скотина есть.

— Чего-чего? — Виктор Грего уставился сперва на Маленького Пушистика, потом на пушистика со свистком и замотанной головой. — Мудрый, расскажи!

Мудрый пожал плечами. Этот жест сделал бы честь любому древнему французу с Земли.

— Однажды другие хотели остаться на месте. А я хотел идти вперед, искать Место Больших, дружить с Большие. Остальные не хотели. Они

боялись, хотели оставаться всегда в одном месте. Я сказал им, что пришел большой скотина, гнался за мной, гнался за Пыряло, хочет всех съесть. Они все испугались. Все вскочили, побежали на гору, на другую сторону. Забыли про место, где хотели остаться, пошли на левую руку солнца — на юг, — как я хотел.

Одна из самок взвыла не хуже маленькой полицейской сирены — впрочем, не такой уж и маленькой. На Викторе были ультразвуковые наушники — так он чуть не оглох.

— Ты говорил, ты видел хеш-назза, хеш-назза придет и всех съест, а хеш-назза не было, да? — она кипела от ужаса и негодования. — Ты заставил нас бежать из хорошего места, бросить вкусные вещи…

— Господи-сусе-сукисын! — прикрикнул на нее Мудрый. И всего-то неделю пообщался с Маленьким Пушистиком, а теперь только послушайте! — Ты думаешь, это место не хорошее? Если бы мы остались, где ты хотела — мы никогда не увидели бы такого хорошего места! Ты говоришь о вкусной еде — ты думаешь, мы нашли бы пиэ'тьи там, где ты хотела остаться? Ты думаешь, мы нашли бы дымокко? Ты думаешь, мы нашли бы Больших, стали с ними друзья? Шойт побеьи,

ты говоришь как большая дура!

— Ты хочешь сказать, что сказал этим пушистикам, будто видел чертову скотину, когда на самом деле этого не было? — вмешался изумленный Грего. — Аллилуйя, аллилуйя, слава несвятому Вельзевулу! Поболтай пока с малышами, Джек, а я схожу позвоню Лесли Кумбсу!

24

Хьюго Ингерманн смотрел на большой экран над пустой скамьей, на котором, словно в зеркале, отражался зал суда, постепенно заполняющийся зрителями. Зал был набит битком, даже балконы. Что ж, тем лучше!

Хьюго убеждал себя, что беспокоиться ему не о чем. Как бы ни повернулось дело, он в безопасности. Если ему удастся снять со своих подзащитных обвинение в совращении и порабощении — с воровством и кражей со взломом уже ничего не поделаешь, тут даже Блэкстон, Дэниэл Уэбстер и Кларенс Дарроу ничего сделать не смогут, — дело в шляпе. Нет, конечно, он тотчас же превратится в изгоя и отщепенца, тем более теперь, после всей этой шумихи вокруг Маленького Пушистика и его спасения, но это ненадолго. Это не отменит того факта, что ему удалось сотворить своего рода шедевр адвокатского дела. Так что клиент к нему валом повалит. «Нет, он, конечно, растреклятый сын кхугхра, но адвокат он толковый, этого у него не отнимешь». А люди забывчивы. Хьюго Ингерманн хорошо знал людей. Это вернет

многих сторонников его Партии благосостояния планеты, которые отшатнулись от него после того, как он вляпался в это дело с хищением камней. А через несколько месяцев сюда хлынет поток иммигрантов, жаждущих обогатиться тем, что потеряла ЛКЗ. И когда они обнаружит, что поживиться нечем, они уж точно не обрадуются. И когда эти люди узнают, что он осмелился в одиночку бросить вызов Бену Рейнсфорду и Виктору Грего, они встанут на его сторону. А через год они уже будут полноправными избирателями.

Ну а если дело провалится, путь к отступлению открыт. Ингерманн мысленно поздравил себя с тонким расчетом, сделавшим это возможным. Хотя, конечно, прибегать к такому очень не хочется. Но уж если он проиграет…

И все же Ингерманн нервничал и чувствовал себя напряженным. Может, стоило принять еще транквилизатора? Да нет, он и так жрет эти проклятые таблетки горстями. Хьюго принялся перекладывать лежавшие перед ним на столе бумаги, затем сделал усилие и заставил себя сидеть спокойно. Не надо, чтобы кто-то видел, как он дергается.

Движение впереди, слева от скамьи; отворилась дверь, присяжные вошли и заняли свои

места. Вот дюжина недоумков — коэффициент умственного развития 250 на всех! Хьюго стоял насмерть, добиваясь того, чтобы среди присяжных не было ни одного человека, у которого хватит мозгов вытряхнуть песок из сапога, даже если на каблуке будет подробная инструкция. Он посмотрел на стол напротив, за которым сидел Гас Браннард, теребя левой рукой бакенбарды и с улыбкой глядя в потолок. Интересно, знает ли Браннард, зачем он, Хьюго, четыре дня тянул с избранием присяжных?

Отворилась другая дверь, и в зал вступил Фейн, главный судебный исполнитель колонии, предшествуемый своим внушительным брюхом, а за ним — Лео Такстер, Конрад и Роза Ивинсы. Фил Новис и двое добровольцев в униформе. Один из них воинственно поигрывал своим пистолетом. Костюмы подбирал сам Ингерманн лично. Такстер, в светло-сером, выглядел настоящим столпом общества — лишь бы только он молчал. Конрад Ивинс — в черном, с темно-синим галстуком. Роза Ивинс — тоже в черном, лишь слегка оттененном голубым. Фил Новис — в темно-сером: толковый, но ультраконсервативный джентльмен. И кто посмеет предположить, что столь почтенные люди могут быть совратителями и рабовладельцами?

Хьюго усадил их за стол рядом с собой. Такстер угрюмо уставился на присяжных.

— Улыбайся, ты, тупая горилла! — прошипел Хьюго. — Эти люди держат револьвер у твоего затылка! Ты стараешься сделать так, чтобы им захотелось нажать на спуск?

И он лучезарно улыбнулся Такстеру. Такстер набычился еще сильнее, потом попытался улыбнуться в ответ. Вышло не очень убедительно. Его лицо не было приспособлено для лучезарных улыбок.

— Твоей башке тоже не поздоровится! — прошептал он в ответ.

Еще бы! Хьюго от души жалел, что ввязался во все это. Надо было сразу послать все это подальше! Но…

— Когда начнется? — спросила Роза Ивинс.

— Уже скоро. Вам прикажут встать и зачитают обвинения. Вас будут проверять на детекторе лжи. Запомните: вы должны назвать только свое имя, адрес, гражданство и расу (гражданин Федерации, человек-землянин). Если спросят о чем-то еще — отказывайтесь отвечать. Когда спросят, что вы имеете сказать по поводу обвинений, отвечайте; «Невиновен». Это будет значить, что вы просите суд признать вас невиновным. Вас не

будут спрашивать, совершали ли вы то, в чем вас обвиняют. Таким образом, заявление «невиновен» будет истинным.

Он повторил все это еще раз. Надо было вколотить им это в головы как можно крепче. В это время позади раздался шум. Хьюго посмотрел на экран и увидел спускающуюся в зал процессию. Впереди шли Лесли Кумбс и Виктор Грего. Господи, хоть бы Грего подвергли допросу! Уж Хьюго-то сумеет его подловить! За ними шли Джек Холлоуэй, Герд и Рут ван Рибеки, Джордж Лант в форме, Панчо Айбарра в штатском, Ахмед Хадра и Сандра Гленн — нет, теперь уже Ахмед и Сандра Хадра, — Фиц Мортлейк, Эрнст Маллин… короче, вся их проклятая шайка. Вот бы туда гранату! И шесть пушистиков. На одном была желтая заплечная сумка, под цвет шерсти, на остальных — холщовые сумки с эмблемой полиции Компании и маленькие полицейские щиты, подвешенные на ремнях через плечо. Не успели они занять свои места, как распорядитель провозгласил:

— Встать, суд идет!

Вошел Ив Джанивер, седой и черноусый. Должно быть, красит усы по три раза на дню! Ну и идиотский же у него вид!

Джанивер поклонился камере и всем жителям Заратуштры, которых не было в этом зале, и сел. С формальностями было покончено быстро. Джанивер стукнул своим молоточком.

— Поскольку присяжные были избраны с обоюдного согласия защиты и обвинения — ведь присяжные вас устраивают, не так ли, джентльмены? — мы предъявим обвинение подсудимым.

Секретарь встал и вызвал Лео Такстера. Такстер сел в свидетельское кресло и надел на голову шлем детектора.

Шар был небесно-голубого цвета; таким он и остался все время, даже не мигнув на «невиновен». Такстер был воробей стреляный: он впервые имел дело с этой техникой лет в десять, когда его судили по обвинению в краже. Когда отвечала Роза Ивинс, голубой цвет слегка замутился; на ее супруге в шаре несколько раз вспыхнули алые искры: похоже, он пытался утаить какую-то правду, говорить о которой его никто не просил. Пушистики все сидели на краю стола на противоположном конце зала, куря маленькие, с папироску, сигары и тихо попискивая — видимо, обсуждали происходящее на своем ультразвуковом языке. Пушистикам разрешалось курить в зале суда — это был старый, еще четырехмесяч-

ной давности, обычай. В кресло сел Фил Новис. От его ответов шар сделался грязно-лиловым. Когда Филу задали традиционный вопрос, что он может сказать по поводу предъявленного обвинения, шар полыхнул алым, точно сигнал тревоги. «Невиновен», — ответил Фил.

— За каким чертом вы это сказали? — прошипел Ингерманн, когда Новис вернулся на место. Зал хохотал.

— Алмаз! Регистрационный номер туземца — двадцать.

Пушистики о чем-то заспорили. Пушистик с пластиковой заплечной сумкой спрыгнул со стола, подбежал к креслу и забрался в него. Шлем, рассчитанный на человека, отложили в сторону и надели на пушистика маленький. Как только шлем коснулся головы Алмаза, Ингерманн вскочил на ноги:

— Ваша честь, я протестую!

— Против чего, господин Ингерманн?

— Ваша честь, этого пушистика намереваются проверять детектором *лжи*. А между тем научными исследованиями установлено, что полиэнцефалографический детектор *лжи* не распознает ложные и истинные утверждения, сделанные представителями этой расы.

Нет, так нельзя. Присяжные не поймут.

— Детектор лжи с пушистиками не работает! — добавил Ингерманн специально для них.

— Я прошу простить мое крайнее невежество, мистер Ингерманн, но суду эти исследования неизвестны.

— Но ведь это любой дурак знает, ваша честь! — заявил Хьюго, забыв о вежливости. Бесполезно пытаться завоевать расположение суда — суд заранее настроен против них. Быть может, удастся заставить Джанивера сказать что-то, к чему можно будет прицепиться. — В частности, лучше всех это знает признанный специалист в области исследования психологии пушистиков, доктор Эрнст Маллин.

— Мне кажется, доктор Маллин здесь, — заметил Джанивер. — Доктор Маллин, действительно ли это так?

— Протестую! Доктор Маллин должен быть подвергнут допросу под детектором!

Маллин поморщился. Он терпеть не мог допросов в суде — оно и неудивительно, если вспомнить, что ему пришлось пережить во время процесса «Народ против Келлога и Холлоуэя».

— Будь-ты-тьижды-пьеклят, что вы хочете от меня? — спросил пушистик, сидевший в кресле.

Никто не обратил на него внимания. Джанивер сказал:

— Не вижу причины, почему доктор Маллин должен отвечать на такой простой вопрос под детектором. Ведь никто не просит его давать свидетельские показания.

— Сейчас еще никто не может давать свидетельские показания, ваша честь, — вмешался Лесли Кумбс. — Не все обвиняемые допрошены.

— Что вы пытаетесь сделать, Ингерманн? — спросил Браннард. — Повернуть суд в другую сторону?

— Вовсе нет! — Ингерманн изобразил благородное негодование. Вот этого он не предусмотрел; а надо было. Но теперь уже поздно. — Если досточтимый суд желает развеять то, что он называет своим крайним невежеством, и спросить специалистов…

— Доктор Маллин! Правда ли, что, как утверждает ученый представитель защиты, наукой установлено, что пушистиков нельзя допрашивать под детектором?

— Это не совсем так, — усмехнулся Маллин с видом собственного превосходства. — Сведения мистера Ингерманна являются не более чем юридическим фольклором. Пушистики, будучи

разумными существами, обладают такой же нервной системой, как и, к примеру, люди-земляне. Когда они пытаются умолчать об истинном факте и заменить правдивое сообщение ложным, это сопровождается такими же электромагнитными колебаниями, как и у людей.

И что из всего этого могли понять двенадцать остолопов-присяжных?

— Ваша честь, доктор Маллин дает показания как эксперт и как таковой должен пройти испытание!

— Мистер Ингерманн, доктор Маллин давно уже прошел такое испытание в нашем суде и признан сведущим экспертом.

— Ваша честь! Должно быть, мистера Ингерманна все это занимает, но лично меня — нисколько, — вмешался Лесли Кумбс. — Давайте завершим предъявление обвинений и продолжим разбирательство.

— Подвергать кого-либо допросу под детектором в том случае, если детектор не был проверен должным образом, является незаконным!

— Данный детектор проверен, — сказал Гас Браннард. — Он загорелся красным, когда ваш подзащитный. Фил Новис, сказал, что он невиновен.

Зал разразился хохотом. Люди хохотали от души. Даже кое-кто из присяжных присоединился к общему веселью. Когда смех поутих, Джанивер постучал молоточком:

— Джентльмены! Я припоминаю старинный закон, бывший в ходу на Земле в первом веке доатомной эры, который гласит, что, если две самодвижущиеся наземные повозки близки к столкновению, обе должны остановиться и ни одна не может двинуться с места, пока не тронется другая. Мне кажется, мистер Ингерманн пытается сейчас создать подобную ситуацию. Он хочет доказать, что обвиняемых нельзя допрашивать, пока доктор Маллин не засвидетельствует, что их можно допрашивать, а доктор Маллин не может этого засвидетельствовать, пока их не допросят. А к тому времени подзащитные мистера Ингерманна умрут от старости. Поэтому я приказываю допросить свидетеля, который сейчас находится в кресле, а также прочих подсудимых-пушистиков, основываясь на предположении, что детектор, реагирующий на человека, будет действовать и для пушистика.

— Протестую!

— Протест принят к сведению. Продолжайте допрос.

— Я предупреждаю суд, что не соглашусь считать это прецедентом, достаточным для того, чтобы позволить этим пушистикам давать показания против моих подзащитных!

— Это также принято к сведению. Продолжайте, господин секретарь.

— Как твое имя? — спросил секретарь. — Как тебя называют Большие?

— Алмаз.

Голубой шар у него над головой сделался кроваво-красным. Красным! О Господи, только не это!

— Вы ведь говорили, что детектор лжи на них не действует, что красный свет от пушистиков не загорается… — бормотал Ивинс, а Такстер сказал попросту:

— Ах ты, двурушник поганый!

— Заткнитесь, вы оба!

— Как, Папа Лесси? — спросил пушистик, которого на самом деле звали вовсе не Алмазом. — Я сделал, как ты сказал?

— Кто твой Папа? — спросил секретарь.

Пушистик немного подумал и сказал:

— Папа Джек.

Шар вспыхнул красным.

— Папа Вик, — поправился пушистик, и шар снова сделался голубым.

— Очень хорошо. Ты хороший пушистик, — сказал Лесли Кумбс. — А теперь скажи, как твое имя на самом деле.

— Тоши-Соссо, — ответил пушистик. — На языке Больших — Мудрый.

Эти проклятые пушистики, которых вытащили из лесного пожара! Он один из них! Детектор оставался голубым.

— М-да, — сказала Роза Ивинс. — Похоже, вы провалились, мистер Ингерманн.

Следующий пушистик, вызванный под именем Аллана Пинкертона, тоже зажег впечатляющий красный свет, а потом признался, что его на самом деле зовут Пыряло. «Подходящее имя: пырнули так пырнули!» — подумал Ингерманн.

— Ну как, мистер Ингерманн? Вы по-прежнему утверждаете, что пушистиков нельзя допрашивать под детектором, или проведенная демонстрация вас удовлетворила? — осведомился Джанивер. — Если так, то, пожалуй, стоит приступить к допросу настоящих обвиняемых.

— Н-ну… разумеется, ваша честь! — А что он еще мог сказать, черт побери? — Я должен признаться, что заблуждался. Разумеется, давайте допросим настоящих обвиняемых, а после этого я просил бы отложить заседание до 9:00 поне-

дельника. — Тогда впереди у него будут суббота и воскресенье… — Мне нужно побеседовать с моими подзащитными и изменить весь план защиты…

— Он хочет сказать, ваша честь, что теперь пушистикам, похоже, разрешат сказать правду, и он не знает, что с этим делать, — пояснил Браннард.

— Ты что, слинять надумал? — осведомился Такстер. — Я тебе не советую…

— Нет-нет! Не беспокойтесь, Лео! Это все подстроено. Я не знаю, как им такое удалось, но все это воняет, как Ниффльхейм, и к понедельнику я сумею это доказать. Главное, держитесь! Все будет в порядке, если сумеете держать язык за зубами.

Ингерманн взглянул на часы. Ему не следовало этого делать: не надо, чтобы кто-то знал, как дорого для него время.

— Ну что ж, — сказал Джанивер, — сейчас 15:00, а завтра суббота, и заседания все равно не будет. Хорошо, мистер Ингерманн. Я не вижу причин отказать вам в вашей просьбе.

25

Ив Джанивер смотрел, как люди усаживаются на скамьи. Интересно, сколько из них знают? В прессу сведения не просочились, но у молвы ведь тысяча языков, так что, должно быть, все уже в курсе. Все, кто был за барьером, кроме шестерых пушистиков, видимо, знали, и по крайней мере половина тех, кто сидел на местах для зрителей, тоже. Справа от него Виктор Грего, Лесли Кумбс, Джек Холлоуэй и другие утихомиривали пушистиков. Они точно знали. И Гас Браннард, сидящий со своими помощниками за столом обвинения: он только что не мурлыкал. За столом слева перешептывались Лео Такстер, Конрад и Роза Ивинсы и Фил Новис. Они то и дело оглядывались назад. Разумеется, они тоже знали. Джаниверу было известно, с какой скоростью распространяются слухи в тюрьме. Они, вероятно, знали все лучше кого бы то ни было. И, возможно, четверть из того, что они знали, даже было правдой.

Распорядитель закончил выкликать имена всех людей и пушистиков, которым было предъ-

явлено обвинение от имени народа Заратуштры. Джанивер сосчитал до десяти, потом стукнул молоточком.

— Все готовы? — спросил он.

Гас Браннард встал:

— Обвинение готово, ваша честь.

Когда он сел, вскочил Лесли Кумбс:

— Защита Алмаза, Аллана Пинкертона, Арсена Люпена, Шерлока Холмса, Ирен Адлер и Маты Хари тоже готова!

Ну и имена приходится слышать в этом суде! В один прекрасный день не пришлось бы ему судить за убийство Махатму Ганди и Альберта Швейцера!

Четверо обвиняемых слева от него горячо спорили. Наконец Конрад Ивинс, подталкиваемый своей женой, встал и прокашлялся.

— Извините, ваша честь, — сказал он. — Наш адвокат, похоже, задерживается. Если суду будет угодно немного подождать… Я уверен, что через несколько минут мистер Ингерманн будет здесь.

Господи помилуй! Они не знали! Что это случилось с тюремным телеграфом? Гас Браннард снова поднялся.

— Ваша честь, я боюсь, что нам придется ждать не несколько минут, а значительно дольше, —

сказал он. — Вчера вечером мне стало известно, что, когда в 14:30 с Дария стартовал корабль «Город Конкрук», следующий по маршруту Терра — Бальдр — Мардук, на его борту в качестве пассажира находился мистер Хьюго Ингерманн, приобретший билет до Капштадтского космопорта на Земле. Ближайшее место, где его можно перехватить в пути, — Новый Бирмингем на Велунде. Сейчас корабль находится в гиперпространстве, так что в данном пространственно-временном континууме Хьюго Ингерманна нигде нет в буквальном смысле слова.

Раздался странный, но давно знакомый Джаниверу звук, которым всегда сопровождаются какие-либо удивительные сообщения в зале суда, отчасти напоминающий шипение шлюза, в который врывается воздух под давлением. Оказывается, об этом ничего не слышали значительно больше людей, чем он думал. Раздались смешки — и не все они слышались со стороны защитников пушистиков.

Ивинс и прочие обвиняемые поначалу не издали ни звука. Потом Ивинс вздрогнул. Однажды на Иштар Джаниверу случилось быть свидетелем убийства на дуэли. Когда в того человека попала пуля, он точно так же содрогнулся всем телом.

Роза Ивинс, которая не вставала, просто закрыла глаза и обмякла в кресле, уронив руки на стол перед собой. Фил Новис забормотал: «Не верю! Это ложь! Он не мог этого сделать!» Лео Такстер вскочил и принялся сыпать ругательствами.

— Вы хотите сказать, что мы лишились адвоката? — спросил Ивинс.

— Это точно, мистер Браннард? — спросил Джанивер (для протокола).

Браннард кивнул с серьезным видом, хотя серьезность его была малость преувеличенной.

— Абсолютно точно, ваша честь. Мне сообщил об этом присутствующий здесь мистер Грего, а ему об этом сообщили с Дария. Я видел копию списка пассажиров с именем мистера Ингерманна. Он путешествует в классе люкс.

— Неплохо устроился, сукин сын, за наши-то денежки! — взревел Такстер. — Знаете, сколько он с собой упер? Солнечники на двести пятьдесят тысяч солов!

Зал снова ахнул от изумления. На этот раз ахнули даже защитники пушистиков. Грего щелкнул пальцами и сказал вслух:

— Господи, так вот в чем дело! Вот куда они подевались!

Судья громко постучал молотком, призывая к

порядку; распорядитель подхватил возглас судьи, и скоро шум в зале утих.

— Вам придется повторить это заявление под детектором, мистер Такстер, — сказал Джанивер.

— Не беспокойтесь, повторю, — буркнул Такстер. — То, что мы расскажем об этом ублюдке…

— Мы все же хотим знать, — вмешался Ивинс, — что будет с нами? Мы имеем законное право на адвоката…

— Адвокат у вас был. Надо было выбирать лучше. А теперь сядьте, господа, и успокойтесь. Суд не забудет о ваших законных правах. Вам назначат защитника.

Вот только кого, черт побери? У этой шайки нет денег на адвоката; стало быть, оплачивать издержки придется колонии. И адвокат должен быть хороший, с солидной репутацией. Сам Джанивер был убежден в виновности всех четверых. А это означает, что ему следует отклониться в другую сторону, чтобы суд, который приговорит их к расстрелу, был беспристрастным.

— Ваша честь, — поднялся на ноги Лесли Кумбс, — я прошу снять обвинение с моих подзащитных, — и он перечислил их имена. — Обвинение против них основано на жалобах, поданных Хьюго Ингерманном, который после

этого скрылся с планеты. Очевидно, эти жалобы были поданы лишь с целью опровергнуть обвинения против его подзащитных.

— Просьба удовлетворена; эти шесть пушистиков с самого начала не должны были быть привлечены к суду.

Джанивер повторил это еще раз, в должных терминах, и шестеро пушистиков были освобождены из-под стражи.

— Поскольку оставшиеся обвиняемые имеют право на юридическую помощь и защиту, которой лишило их бегство адвоката, разбор данного дела будет продолжен в следующий понедельник. К этому времени суд назначит им нового защитника, которому будет предоставлена возможность ознакомиться с делом и встретиться с обвиняемыми. Судебный исполнитель Фейн, не будете ли вы так любезны отвести обвиняемых обратно в тюрьму? А мы займемся следующим делом, стоящим на повестке дня.

Правительство — это выборный народный демократический орган (по крайней мере, так написано в конституции Федерации), а лимитированная компания «Заратуштра» — диктатура. Разница состоит в том, что, когда диктатор хочет уединиться, он может это сделать. Поэтому, хотя

ужинать им пришлось в Доме Правительства, коктейль они пили в офисе Грего в здании Компании. Пушистики веселились в своем клубе, развлекая Мудрого и его стаю. У тех голова шла кругом от всего, что они видели, но все же новички были совершенно счастливы.

Грего с Кумбсом пили коктейли. Гас, разумеется, налил себе виски в большой стакан и поставил рядом бутылку, чтобы восполнять утечку. Бен Рейнсфорд налил себе виски с содовой, очень слабого. Джек тоже налил виски с содовой, но чуть покрепче. Он отставил его в сторону, чтобы набить трубку, да так больше и не взялся за него. Он собирался растянуть этот стакан на весь вечер.

— Ничего себе, заплатили мы отступного! — говорил Кумбс. — Все-таки двести пятьдесят тысяч солов — немного дороговато за то, чтобы избавиться от Хьюго Ингерманна.

— Ничего, оно того стоило, — возразил Грего. — Если бы он остался тут, он обошелся бы нам в пару миллионов. И вообще, если цена вас не устраивает, постарайтесь ее сбить!

— Ну, я, конечно, могу конфисковать по суду все имущество, которое от него осталось, но это не так уж много. Единственное благо: к нам перейдет земельная собственность в Северном

Мэллори-порте. Теперь нам нечего бояться, что какая-нибудь «Пан-Федерация» или «Терра-Один» завладеют этой землей и устроят там космопорт, который будет конкурировать с «Терра — Бальдр — Мардук» на Дарий.

— Что мне хотелось бы знать, — начал Бен Рейнсфорд, хмурясь на свое виски, — так это каким образом Ингерманну удалось заполучить эти камни. Я вообще не понимаю, как они оказались за пределами этого здания.

— Ну, это-то просто! — сказал Гас Браннард. — Мы все это сегодня вытянули из Ивинса с Такстером. Пушистики их вовсе не выносили из подвала. Это Ивинс вынес их в карманах за пару дней до того. Он положил их в камеру хранения в космопорту, а ключ отправил по почте до востребования на кодовый адрес. Он сообщил код Ингерманну после того, как их арестовали. Ингерманн взял камни в качестве платы за услуги. Это позволяло предъявить ему обвинение в соучастии и хранении краденого. Видимо, Ивинсы и Такстер рассчитывали таким образом связать ему руки. А видите, что получилось!

— Но разве его не поймают?

— Гм... Мы, конечно, послали ему вслед ордер на арест, но вы ведь знаете, как медленно

действует межзвездное сообщение. А он скорее всего, приземлившись на Земле, тотчас сядет на другой корабль, летящий куда-нибудь еще. С Земли каждый день стартуют штук двадцать кораблей во все концы Галактики. Он спрячется на какой-нибудь планете вроде Шипетотека, Фенриса, Итаволля или Лугалуру, ляжет на дно, и никто его вовек не сыщет. Да и кому он нужен?

— Ну а что будет с Такстером, Ивинсами и Новисом? — поинтересовался Бен Рейнсфорд. — Вот что мне хотелось бы знать. Они-то ведь от нас не сбегут.

— Не сбегут! — заверил его Гас Браннард. — Джанивер назначил им в защитники Дугласа Тойоши; и мы с Дугом и Джанивером собрались и заключили такую сделку. Они признают себя виновными в краже солнечников и будут приговорены к заключению, от десяти до двадцати лет. После этого им предъявят обвинение в совращении и порабощении. Их, несомненно, признают виновными.

— И в совращении тоже?

— И в совращении тоже. Тойоши согласится принять положение Пендарвиса о приравнивании пушистиков к детям. Хотя это не так уж важно: все Решения Пендарвиса, в том числе

и это, войдут в конституцию. По обвинению в порабощении и совращении они будут приговорены к расстрелу, за каждое в отдельности, по два приговора на брата. Но приведение приговора в исполнение будет отложено до тех пор, пока не кончится срок их тюремного заключения, а к тому времени смертный приговор будет подлежать пересмотру.

Кумбс рассмеялся.

— Я не думаю, что во время заключения они станут тревожить суд просьбами выпустить их на поруки! — заметил он.

— Я тоже. А через двадцать лет вряд ли суд примет решение расстрелять их. Так что они получат то самое, за что заплатили Ингерманну.

Не-ет, это большая разница! Они будут осуждены и понесут наказание, а это именно то, чего добивался Джек: показать, что закон защищает пушистиков так же, как и всех прочих людей. Он сказал об этом, допил свой стакан и задумался, не налить ли еще. Грего что-то сказал насчет Ингерманна, и Рейнсфорд рассмеялся.

— Мудрый и его ребята совершили еще один подвиг! Они выжили его с Заратуштры! — Он снова рассмеялся. — Представляете: Ингерманн, затравленный стаей пушистиков!

— Да, а что будет с ними? Не могут же они до конца жизни оставаться профессиональными героями!

— Им и не придется, — сказал Кумбс. — Я взял всех восьмерых к себе.

— Как?!

Адвокат Компании кивнул:

— Правда. Я оформил опекунство в прошлую субботу. Так что теперь я Папа Лесси. У меня и справка есть.

Он допил свой коктейль.

— Вы знаете, только когда я привел всю эту шайку к себе домой, я понял, чего мне всю жизнь не хватало.

Он оглядел своих друзей — Папу Вика, Папу Джека, Папу Бена, Папу Гаса.

— Ну, вы же понимаете, о чем я!

— Но ведь после всеобщих выборов ты улетаешь на Землю! Тебя не будет два года! Кто же станет заботиться о них все это время?

— Я и стану. Я возьму свое семейство с собой, — сказал Кумбс.

Мысль о том, что пушистиков можно вывозить с Заратуштры, Джеку никогда в голову не приходила, и он машинально воспротивился ей.

— Да нет, Джек, все будет в порядке. Люди Хуана

Хименеса говорили мне, что пушистики прекрасно приспособятся к земным условиям; им даже и приспосабливаться-то не придется. Там они будут так же здоровы, как и тут.

Ну, это действительно так. Условия на обеих планетах практически идентичные…

— И им там будет хорошо, Джек, — продолжал Кумбс. — Они хотят всего лишь быть вместе с Папой Лесси. Больше им ничего не надо. Видишь ли, меня никто никогда не любил так, как эти пушистики. А на Земле от них все будут просто без ума!

Да, это тоже правда. Вот что нужно пушистикам, куда больше, чем лопатки и рубила, и заплечные сумки, ружья, игрушки, и говорящие знаки Больших, и даже чем «пиэ'тьи». Им нужна любовь. Теперь Джек понимал, что именно нужда в любви и ласке привела к нему из леса Маленького Пушистика, а потом и всех остальных. И всех пушистиков в Хоксу-Митто больше всего радовало обещание Маленького Пушистика, что у каждого пушистика будет свой Большой, который будет любить и заботиться о нем. Любовь нужна им больше воздуха и воды — точно так же, как и всем детям.

Ведь они и были детьми — вечными детьми.

Нет, конечно, когда-нибудь в будущем эта раса достигнет зрелости. А вот эти чудные, веселые, любвеобильные пушистые детишки так никогда и не вырастут. Джек допил свой стакан и откинулся на спинку кресла, глядя на тающий лед на дне и чувствуя себя совершенно счастливым. Беспокоиться не о чем. Пушистики никогда не станут чем-то другим. Они навсегда останутся пушистиками: умными, энергичными детьми, которые любят охотиться, шуметь, делать вещи своими руками и узнавать что-то новое, и все же всегда нуждаются в заботе и ласке. Должно быть, он чувствовал это с самого начала: не зря же он научил Маленького Пушистика называть себя Папой Джеком!

Ну надо же! Восемь пушистиков отправятся с Папой Лесси в большое-большое путешествие! Сколько нового они увидят! И Папа Лесси будет им все показывать и рассказывать. А через несколько лет они все вернутся назад. Сколько чудесного они расскажут!

Джек отдал Грего свой стакан, чтобы тот налил ему еще виски с содовой, потом снова раскурил свою потухшую было трубку.

Черт возьми, иногда ему самому хочется стать пушистиком!